

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 30

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Донецк
2023

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54
Ф32

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы». Сборник научных работ серии «Право». Вып. 30 : Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». – Донецк : ДОНАУИГС, 2023. – 244 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», высших учебных заведений Донецкой Народной Республики и других регионов Российской Федерации. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, обучающихся, практических работников.

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54

Сборник научных работ серии «Право» включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Договор № 39-02/2019 от 07.02.2019.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА № 000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики (Приказ № 1134 от 01.11.2016 г.) сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы».

Главный редактор:

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Груздев В.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома, РФ;

Куксин И.Н. – доктор юридических наук, профессор, ГАОУ ВО «Московский городской университет», г. Москва, РФ;

Рабец А.М. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, РФ;

Мелехин А.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Москва, РФ;

Пашенцев Д.А. – доктор юридических наук, профессор, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», г. Москва, РФ;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Матюшайтис Н.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Незнамова А.А. – кандидат юридических наук, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, РФ;

Мальцев В.А. – кандидат юридических наук, доцент, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Мытищи, РФ;

Кушаков М.Н. – кандидат юридических наук, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР ;

Шестак С.В. – кандидат юридических наук ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Селюков А.Д. – доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, РФ.

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Адрес редакции: ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А.

Телефон: +7(856) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»

© ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право;
финансовое право; транспортное право;
информационное право; авторское право**

Матюшайтис Н.В., Мусейчук Д.Ю.

Некоторые вопросы охраны интернет-сайтов как объектов авторского права.....6

Михальченко Я.В.

Правовой анализ роли и перспектив института муниципального управления в Донецкой Народной Республике как новом субъекте Российской Федерации 13

РАЗДЕЛ 2

**Административное право, административный процесс,
таможенное право, трудовое право; право социального
обеспечения, наследственное право, арбитражное право;
арбитражный процесс; жилищное право**

Голобородько В.И.

Особенности административных наказаний как административно-правовых санкций.....20

Каблов Д.С.

Правовое регулирование административно-правового статуса работников ОВД ДНР в условиях интеграции в Российскую Федерацию33

Мавлиханова Р.В.

К вопросу о административно-процессуальной компетенции прокуратуры в Российской Федерации41

Разбейко Н.В.

Анализ МВД РФ как части системы государственных контрольно-надзорных органов.....49

Сичкар В.А., Лебединская Н.В.

Институт апелляции в гражданском и арбитражном судопроизводстве: сходства и различия59

Чангли В.С., Похилько Е.Д. Комплекс мер по минимизации коррупционных рисков	71
---	----

РАЗДЕЛ 3

Теория и история права и государства; история правовых учений, международное публичное право, международное частное право

Егорова Ю.В. Теневая экономика как фактор деструктивизации социально-правового развития государства	84
Матвиенко Е.А. Права и свободы человека в условиях интернационализации и глобализации общественных процессов	92
Мельниченко Ю.С. Правовая культура: теоретико-правовая характеристика	98
Одегова Л.Ю., Соловьёва Ю.А. Дипломатические привилегии и иммунитеты: актуальные международно-правовые вопросы	107
Руденко П.В. Ценностные ориентиры гражданства в современной интерпретации прав человека.....	117
Свиридова К.Е. Особенности категории права на информацию в системе национальной безопасности	124
Степанова Ю.С. Информационное общество: определение понятия и отдельные вопросы правового регулирования.....	131
Суровцева А.А., Надворная А.А. Теория общественного договора как основа договорных отношений: историко-правовой аспект.....	139
Хоруженко К.А. Нравственно-правовое влияние морали на правосознание человека	149
Щербинина Е.В. Генезис правового обеспечения предпринимательской деятельности (IX -начало XX вв.).....	158

РАЗДЕЛ 4

**Гражданское право; гражданско-процессуальное право;
предпринимательское право; семейное право;
налоговое право; бюджетное право; земельное право;
нотариальное право; хозяйственное право**

Мавлиханова Р. В., Крючкова К.А.

Проблемные вопросы страхования гражданско-правовой ответственности в ДНР, как гражданско-правового института..... 167

Саенко Б.Е., Никитина З.А.

Формирование нового техноэкономического уклада в России: правовой аспект..... 175

Сиренко Б.Н., Стрельцова Н.Л.

Договор аренды и его отдельные разновидности: некоторые проблемы правового регулирования..... 186

РАЗДЕЛ 5

**Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право; уголовный процесс;
криминалистика; оперативно-розыскная деятельность**

Апухтин С.И., Титов А.Н.

Розыск как юридическое понятие 195

Бордюгов Л.Г., Рубцова И.В.

Судебная автотехническая экспертиза: понятие, история, перспективы..... 203

Ворушило В.П., Богославская К.Э.

Криминалистические средства борьбы с использованием биотехнологий в преступных целях..... 212

Сасов А.В., Бондарь Ю.И.

Факторы, влияющие на достоверность показаний свидетеля в уголовном процессе 219

Седнев В.В.

Криминологическая обстановка и криминологическая ситуация: соотношение понятий 226

Смирнов А.А.

Мотивация как составляющая профессиональной подготовки курсантов правоохранительных вузов..... 234

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право; финансовое право;
транспортное право; информационное право; авторское право**

УДК 347.78

DOI 10.5281/zenodo.8168301

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ КАК ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА

МАТЮШАЙТИСЬ Н.В.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент
кафедры административного права;

МУСЕЙЧУК Д.Ю.,
магистрант группы ЮР-22м
кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы охраны интернет-сайтов как объектов авторского права, различные аспекты правового регулирования новообразованных сфер авторского права в сети «Интернет».

Ключевые слова: охрана интернет-сайтов, сайт, авторское право, информационные технологии, интеллектуальная собственность

SOME ISSUES OF PROTECTION OF INTERNET SITES AS OBJECTS OF COPYRIGHT

MATYUSHAITIS N.V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

MUSEJCHUK D.Y.,
graduate student of the group YUR-22m
of the Department of Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article deals with the protection of Internet sites as objects of copyright, the various aspects of legal regulation of newly formed areas of copyright on the Internet.

Keywords: protection of Internet sites, website, copyright, information technology, intellectual property

Актуальность темы обусловлена, прежде всего, тем, что эта статья является одной из первых отечественных теоретико-правовых исследований явления охраны интернет-сайтов с позиции рассмотрения авторского права.

Постановка задачи. В XXI веке информационные технологии развиваются очень стремительно, в частности, это касается глобальной сети «Интернет». Уникальность последней заключается в том, что она является не только средством связи и важным источником информации, но и современной публичной инфраструктурой, которая содержит в себе множество объектов авторского права. Сегодня в Российской Федерации гарантии охраны авторского права в сети «Интернет» не являются совершенными, а на некоторые новообразованные объекты авторского права и вовсе не распространяются.

Неоспоримым фактом ныне является то, что есть массовый спрос к внедрению сети «Интернет» в различных сферах. Значимость общественных отношений, возникающих в связи с его использованием, не вызывает сомнений. Поэтому, естественно, юристы не оставляют без внимания глобальную сеть. Появляется объективная необходимость в правовом регулировании новой отрасли [1, с. 138].

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика объектов авторского права и реализации правовых норм в данной сфере рассмотрена в трудах Ч.Н. Азимова, П. Луцкера, А.А. Кравченко, А.В. Дзери, В.Л. Энтина, Р.В. Дробязка, Л.А. Глуховского, Е.П. Гаврилова, Н.Н. Богуславского и других учёных.

Целью данной статьи является определение современных особенностей охраны интернет-сайтов как объектов авторского права с конституционной точки зрения.

Изложение основного материала исследования. Проблемы регулирования общественных отношений, связанных с использованием интернета, становятся очень актуальными и для Российской Федерации. Сейчас не приходится говорить о разработке этого направления в праве, оно только формируется. Ни в Белоруссии, ни в Российской Федерации нет разработок, посвящённых этой теме, публикуются лишь отдельные статьи юристов, занявшихся разработкой юридического аспекта использования интернета. Вопросы нормативного регулирования глобальных сетей имеют лишь постановочный характер.

Сейчас в Российской Федерации есть целый ряд нормативных актов, которые регулируют отношения в сфере информации и, соответственно, поднимают вопрос использования глобальной сети,

однако отдельного нормативного акта посвящённого непосредственно «Интернету» не существует.

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации и ч. 4 ст. 18 Конституции Донецкой Народной Республики каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Из-за быстрого развития технологий информация развивается быстрее, что подтверждает это значимость охраны информации, а, следовательно, и авторского права [2, 3].

Всеобщая декларация прав человека, Конституция Российской Федерации, Конституция Донецкой Народной Республики, Гражданский Кодекс Российской Федерации с последующими изменениями предоставляют гражданам Российской Федерации гарантии защиты прав интеллектуальной собственности.

Так, ст. 1265 Гражданского Кодекса Российской Федерации гласит, что право авторства – право признаваться автором произведения и право автора на имя – право использовать или разрешать использование произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, то есть анонимно, неотчуждаемы и непередаваемы, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на произведение и при предоставлении другому лицу права использования произведения. Отказ от этих прав ничтожен [4].

Авторское право – часть гражданского права, которое определяет права и обязанности, возникающие в связи с созданием и использованием (издание, исполнение, показ, обучение, копирование и т.п.) произведений литературы, науки, искусства. Гражданский кодекс Российской Федерации причисляет авторские права к интеллектуальной собственности.

Это обострило имеющиеся в мире проблемы в авторском праве и выявило новые проблемы правового режима объектов авторского права, охраны авторских прав в цифровых сетях. Эра высоких компьютерных технологий развивается очень динамично, а за этим не успевает законодатель. Всемирная информационная сеть «Интернет» является привычным средством передачи информации любого характера. Это способствует более быстрому и неформальному распространению новых товаров, хотя довольно хаотичному. Нынче большинство компаний имеют собственные интернет-сайты, виртуальные представительства, которые информируют мир о компании и её деятельности. Для их разработки, наполнения и поддержания расходуются немалые средства. Поэтому все чаще владельцы сайтов интересуются охраной авторских прав на них. В сети «Интернет»

заключается много сделок, есть виртуальные банки, распространяется разнообразная информация.

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дано определение «сайта» и «страницы сайта» как определённого сочетания технической и информационной составляющей» [5]. Согласно ст. 2, вышеупомянутого Федерального закона, «сайт» – это совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет».

Сайт в сети «Интернет» создаётся целенаправленной деятельностью профессионалов. Дизайнерское решение сайта связано с требованиями цветного, графического и аудиовизуального отображения.

Организация внутренних переходов поисковой системы нуждается в определенном программном решении. Подбор и систематизация информационных составляющих напрямую связаны с профессиональной направленностью веб-сайта [6, с. 73].

Создание сайта возможно охарактеризовать не только подбором, расположением, упорядочиванием составных частей сайта, но и творчеством. В этом процессе одни лица создают элементы, используемые затем, на втором этапе, другими лицами для создания комплексного объекта в целом.

Сложный, многогранный процесс создания сайта является сборным составляющим подобно ст. 134 Гражданского Кодекса Российской Федерации, согласно которой «сделка, совершённая относительно сложной вещи, распространяется на все её составные части, если иное не установлено договором». Как собранное произведение, он может сочетать как литературные, так и музыкальные, фотографические, аудиовизуальные и другие произведения, так и неохранные объекты (состоять как из разнородных, так и из однородных вещей). Каждый из указанных объектов не связан с другим (кроме единого творческого замысла) [7, с. 36].

Объектами авторского права являются произведения, закреплённые ст. 1259 Гражданского Кодекса Российской Федерации, ст. 1, 2 Бернской конвенции «Об охране литературных и художественных произведений» [8], ст. 1 Всемирной конвенции об авторском праве [9]. В ст. 44 Конституции Российской Федерации и ст. 33 Конституции Донецкой Народной Республики, указано, что

гражданам гарантирована свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, а также охрана интеллектуальной собственности.

Таким образом, каждый гражданин имеет право на результаты своей интеллектуальной, творческой деятельности; никто не может использовать или распространять их без его согласия, за исключениями, установленными законом. Государство способствует развитию науки, установлению научных связей Российской Федерации с мировым сообществом. Государство обеспечивает сохранение исторических памятников и других объектов, составляющих культурную ценность, принимает меры для возвращения в Российскую Федерацию культурных ценностей народа, которые находятся за её пределами.

Однако законодательство не предоставляет полного перечня объектов авторского права. Это положение обусловлено тем, что жизнь в своём развитии может порождать новые объекты творческой деятельности человека, а их любое нормативное закрепление может исключить их из круга объектов правовой охраны. Из указанных составляющих сайта и страницы сайта с точки зрения авторско-правовой охраны не подлежат рассмотрению как программные и аппаратные средства. Указанный тезис основывается на том, что аппаратные средства принадлежат к области техники, а не литературы или искусства. Программные средства позволяют владельцу сайта настраивать структуру и отображение информации на сайте, но с помощью программных средств возможно создание различных сайтов [10, с. 217]. Сама по себе программа для создания сайта принадлежит к объектам авторского права – компьютерным программам. Однако созданный с её помощью сайт является самостоятельным объектом.

С точки зрения авторско-правовой охраны можно рассматривать уникальный адрес в сети «Интернет» и информационные ресурсы веб-сайта. Уникальным адресом в сети «Интернет» является доменное имя, то есть символическое обозначение, предназначенное для идентификации информационных ресурсов и адресации запросов в сети «Интернет» и зарегистрированное в реестре доменных имён, которое соответственно общепринятому порядку и обычаям делового оборота, наделено, с технической точки зрения, свойством уникальности. Доменное имя может рассматриваться как охраняемая часть сайта, при условии его оригинальности [10, с. 274]. Информационные ресурсы сайта состоят из текста, графики, звуков, видеосюжетов.

Подбор, расположение, упорядочение информационных ресурсов сайта может иметь творческий характер. В процессе определения творческого характера автора сайта возможно применение деления мышления на продуктивное и репродуктивное. Отсутствие

вымышленных самим автором критериев подбора и расположения материала не может рассматриваться как продуктивное мышление и не даёт оснований для возникновения авторского права. Современное развитие телекоммуникационных технологий изменило представления и способы использования сайтов в предпринимательской деятельности, они являются необходимым реквизитом каждого субъекта хозяйствования. Сайт – не только «виртуальный офис» или «визитная карточка» в сети «Интернет». Постепенно он превратился в самостоятельный инструмент осуществления предпринимательской деятельности и получения прибыли.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Законодательство Российской Федерации в сфере защиты прав интеллектуальной собственности в сети «Интернет» сейчас на этапе зарождения. За последние годы предпринимались попытки по разработке правовой базы, однако, к сожалению, большая часть этих попыток похожи на популистские проекты без реальной перспективы их развития. Тем не менее стоит отметить так называемый закон «о суверенном интернете», в соответствии с которым в Российской Федерации создаётся национальная система маршрутизации интернет-трафика. Данный закон призван обезопасить отечественный сегмент интернета от возможных внешних угроз.

Таким образом, из всего вышесказанного, законодательство Российской Федерации нуждается в принятии ряда опорных нормативных актов в сфере взаимодействия со Всемирной сетью «Интернет», а именно:

1. Закона «О мерах по развитию национальной составляющей Всемирной информационной сети «Интернет» и обеспечению широкого доступа к этой сети в Российской Федерации», который бы собрал в одном нормативном правовом акте как меры по развитию внедрения сети «Интернет» во все существующие сферы государственной деятельности, так и расширил положения Конституции Российской Федерации в части свободы доступа и защиты авторских прав в сети «Интернет».

2. Закона «Об электронной коммуникации», закрепляющего и расширяющего идею бесплатного доступа к portalу госуслуг и сайтам всех федеральных и региональных органов власти по всей стране, в частности регулирующего вопрос компенсационных выплат для малообеспеченных семей и инвалидов 1 и 2 группы за использование технических средств взаимодействия с сетью «Интернет».

3. Закона «О взаимодействии со Всемирной информационной сетью «Интернет» на территории Российской Федерации», который бы

закрепил все нормы использования, защиты творчества и иных сфер жизнедеятельности людей, в виде отсылочных или новых норм. Поскольку на данный момент вышеупомянутые нормы рассредоточены среди множества нормативных актов и при этом дублируются, это создает множество проблемных правовых ситуаций со взаимодействием граждан с сетью «Интернет».

Во всяком случае, учитывая нынешнюю ситуацию, юристам из этих положений остаётся только изучать немногочисленную судебную практику, применять аналогию права и руководствоваться общими принципами в сфере IT, которые не способны в полной мере защитить права владельца объекта интеллектуальной собственности в сети «Интернет». Таким образом, можно говорить о том, что, хотя законодательно, сайт сейчас не является объектом авторского права, практика причисляет его к этой категории. Соответственно, автор сайта будет иметь личные неимущественные и имущественные права.

Список использованных источников

1. Березин, С.В. Internet у вас дома / С. В. Березин. – М.: СПб: БХВ-Петербург; Издание 2-е, 2021. – 752 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) [Электронный ресурс] – URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 09.03.2023)

3. Конституция Донецкой Народной Республики: принята Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 30 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-2-20221230/> (дата обращения 09.03.2023 г.).

4. Гражданский Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 16.04.2022, принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=lezl80sszg701735766 (Дата обращения: 08.03.2023)

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ; в ред. от 29.12.2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lezlgbp8dm569362065 (дата обращения: 09.03.2023)

6. Энтин, В.Л. Основы интеллектуальной собственности / В. Л. Энтин. – М.: Статут, 2022. – 174 с.

7. Кравченко, А.А. Особенности правовой охраны графического интерфейсов как объектов авторских прав / А. А. Кравченко. – М.: Статут, 2015. – 79 с.

8. Бернская Конвенция «Об охране литературных и художественных произведений» от 9 сентября 1886 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/bernskaya-konvenciya-ob-ohrane-literaturnyh-i-hudozhestvennyh-proizvedeniy> (дата обращения: 08.03.2023)

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005, заключена в Риме 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/?ysclid=lezlsgikj9911795558 (дата обращения: 10.03.2023)

10. Луцкер, П. Авторское право в цифровых технологиях и СМИ / П. Луцкер. – М.: КУДИЦ-Образ, 2022. – 416 с.

УДК 342.25

DOI 10.5281/zenodo.8168827

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОЛИ И ПЕРСПЕКТИВ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК НОВОМ СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**МИХАЛЬЧЕНКО Я.В.,
старший преподаватель кафедры
административного права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье проводится анализ муниципального управления на этапе становления местного самоуправления в Донецкой Народной Республике, дается оценка влияния организационного и правового механизмов, с учетом опыта Российской Федерации (на примере Ростовской области), исследуются критерии и показатели, позволяющие оценить эффективность муниципального управления, а также выявить пробелы и недостатки. В результате исследования предложена модель построения классификационной таблицы для оценки эффективности организационного и правового механизмов муниципального управления.

***Ключевые слова:** муниципальное управление, органы местного самоуправления, механизмы муниципального управления, организационный механизм управления, правовой механизм муниципального управления, органы муниципальной власти, муниципальное образование, представительные органы местного самоуправления, исполнительные органы местного самоуправления, система органов муниципальной власти*

INFLUENCE OF THE LEGAL MECHANISM OF MUNICIPAL GOVERNANCE ON THE FORMATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

MIHALCHENKO YANA,
senior lecturer Department of Administrative Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article analyzes municipal government at the stage of formation of local self-government in the Donetsk People's Republic, assesses the impact of organizational and legal mechanisms, taking into account the experience of the Russian Federation (on the example of the Rostov region), examines the criteria and indicators to assess the effectiveness of municipal government, as well as identify gaps and shortcomings. As a result of the study, a model for constructing a classification table was proposed to assess the effectiveness of the organizational and legal mechanisms of municipal government.

***Keywords:** municipal government, local self-government bodies, mechanisms of municipal government, organizational mechanism of management, legal mechanism of municipal government, municipal authorities, municipal formation, representative bodies of local self-government, executive bodies of local self-government, system of municipal authorities*

Актуальность исследования обусловлена происходящими изменениями в правовом поле ДНР, требующими ликвидации, изменения или замены ряда нормативно-правовых актов, с учетом законодательства РФ, в частности, федеральных законов. Существование органов местного самоуправления на территории ДНР до признания было закреплено на конституционном уровне, однако не нашло своего отражения в отдельном профильном нормативно-правовом акте, что позволяет говорить о необходимости создания закона о местном самоуправлении, который был бы основан на нормах федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но при этом учитывал особенности нового субъекта РФ.

Постановка задачи. Изменившийся правовой статус Донецкой Народной Республики ставит перед каждой ветвью власти ряд задач, требующих первоочередного решения. Одной из таких задач выступает создание органов местного самоуправления в новом субъекте Российской Федерации и их законодательное закрепление. Создание полноценной системы органов муниципальной власти должно исходить из территориальных, национальных, демографических особенностей, а также с учетом целей, поставленных в ходе специальной военной операции. Целесообразным представляется провести оценку влияния

организационного и правового механизмов муниципального управления на процесс становления местного самоуправления в ДНР в ее конституционных границах (в пределах всей Донецкой области).

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием вопросов реформирования системы местного самоуправления, возможного перехода на одноуровневую систему муниципальных образований занимаются такие ученые, как Т.Г. Гунина, О.Б. Иванов, Е.М. Бухвальд и др. Вопросам функционирования органов местного самоуправления как самостоятельного субъекта муниципальной власти, а также применения правового механизма в процессе определения роли органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, посредством нормативной регламентации, посвящены работы А.Л. Боренштейн, О.В. Курасова, О.А. Кожевникова.

Цель статьи заключается в анализе структурных и функциональных составляющих института муниципального управления, позволяющем провести оценку влияния его организационного и правового механизмов на процесс становления местного самоуправления в Донецкой Народной Республике, с учетом продолжающихся боевых действий и территориальных изменений.

Изложение основного материала исследования. Создание органов местного самоуправления в ДНР – процесс сложный и длительный, так как существует ряд обстоятельств, которые тормозят его или сводят на нет. Однако чем больше подобных трудностей появляется на практике, тем подробнее и более детально законодатель подходит к разработке нормативно-правового акта, направленного на создание полноценной и эффективной системы органов муниципальной власти, учитывающей интересы как территорий, находящихся в составе ДНР до СВО, так и вновь освобожденных.

Перед Народным Советом стоит непростая задача – создать документ, который учитывал бы приобретенный местными администрациями ДНР опыт муниципального управления, особенности создания и реорганизации органов местного самоуправления в РФ, специфику присоединенных в результате освобождения территорий, практику соседних областей РФ (например, Ростовской области), заключающую в себе внедрение административных регламентов, апробацию механизмов оказания государственных и муниципальных услуг, создание МФЦ (многофункциональных центров), применяемую систему менеджмента качества деятельности местных администраций и т.п.

Одним из основных направлений в процессе становления местного самоуправления в ДНР можно назвать разработку новых и повышение эффективности старых механизмов муниципального управления, с целью улучшения качества жизни населения конкретных территорий.

Особого внимания заслуживают организационный и правовой механизмы, так как являются базисными в процессе каждой управленческой деятельности. Управление ориентировано на достижение положительных результатов, что не представляется возможным без соблюдения соответствующих правовых норм, а также конкретизации, структуризации и систематизации задач, решение которых будет способствовать достижению намеченной цели.

Любая деятельность в государстве, в том числе и управленческая, независимо от уровня и формы, осуществляется в рамках закона и опирается на нормы права, что обуславливает необходимость проведения оценки, в первую очередь, правового механизма муниципального управления.

Эффективное муниципальное управление невозможно без соответствующей нормативно-правовой базы муниципалитетов. Таким образом, чтобы провести оценку влияния правового механизма на муниципальное управление, необходимо раскрыть критерии и показатели, позволяющие выявить его эффективность.

Например, в Ростовской области во исполнение Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» [1], губернатором издается соответствующее распоряжение, в котором закреплен перечень показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления, методики их просчета, порядок выделения грантов, с целью поощрения за достижение наилучших результатов. Правительство Ростовской области, в свою очередь, ведет регистр муниципальных правовых актов, в который включаются оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме, уставы муниципальных образований, иные нормативные правовые акты органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, правовые акты, вносящие в муниципальные нормативные правовые акты изменения, признающие их утратившими силу (отменяющие их), приостанавливающие или возобновляющие их действие [2]. Также проводится юридическая экспертиза документов, которая способствует реализации на практике правового механизма муниципального управления.

Для повышения результативности и эффективности деятельности местной власти реализуется практика изучения деятельности органов местного самоуправления и последующего заслушивания результатов на заседаниях Правительства Ростовской области. По итогам такой работы определяются меры и рекомендации по устранению выявленных проблем и недостатков.

Особое значение в процессе оценки действенности исследуемого механизма также приобрели программные документы, позволяющие отслеживать и анализировать работу каждого его элемента. Положительный результат от создания программных документов развития территорий говорит сам за себя, так как дает возможность наблюдать работу всей системы муниципального управления в динамике ее развития. Примером подобного документа выступает Программа изучения деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований в Ростовской области в 2023 году, принятая на основе Распоряжения Правительства Ростовской области от 26.12.2022 № 1217. Данный документ включает в себе основные направления, которые подлежат оценке: управление муниципальными финансами, экономикой, муниципальным имуществом, земельными участками, социально-трудовой сферой, сферой занятости населения, сферой инфраструктуры жизнеобеспечения, организация муниципального управления, а также социологические исследования.

В РФ создана специальная система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Основное внимание уделено показателям, которые в основном зависят от качества выполняемых местными властями полномочий и характеризуют уровень жизни населения, степень внедрения новых методов и принципов управления, а также их целесообразность. С этой целью Правительство РФ разработало перечень дополнительных критериев, специальную форму доклада и необходимые методические материалы, которые способствуют корректности отображения реальных показателей [3].

На данном этапе можно проследить тесное взаимодействие и взаимодополняемость исследуемых механизмов. Закрепленные в нормативно-правовых актах и разработанных на их основе программных документах положения, критерии способствуют повышению эффективности и организационного механизма. Например, с целью исследования качества муниципального управления, в Программе изучения деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований в Ростовской области в 2023 году предложено проводить оценку исходя из следующих критериев:

- изучение структуры и порядка организации деятельности в администрации муниципального образования;
- изучение стиля, формы и методов работы главы местной администрации;
- изучение порядка организации работы в муниципальном образовании по соблюдению исполнительской дисциплины (анализ правовых актов, устанавливающих порядок организации контроля и

проверки исполнения документов в администрации муниципального образования; анализ мер, направленных на повышение уровня контроля и проверки исполнения документов и поручений);

- изучение практики работы по повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления;

- изучение практики деятельности органов местного самоуправления по повышению гражданской активности жителей муниципальных образований;

- изучение практики деятельности органов местного самоуправления по внедрению передового опыта других муниципальных образований и разработке собственной практики передового опыта по решению вопросов местного значения;

- анализ количественного и качественного состава муниципальных служащих в администрации муниципального образования;

- анализ соблюдения нормативов;

- анализ реализации муниципальной программы развития муниципальной службы;

- анализ практики оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих;

- анализ обеспечения открытости и доступности информации о муниципальной службе, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети интернета и др.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. С учетом происходящих на территории ДНР изменений, в частности, в правовом поле, достаточно трудно определить те векторы, которые должны лежать в основе создаваемой системы органов местного самоуправления. Сегодня нормотворческий и законодательный процессы РФ также претерпевают изменения. Происходит полноценное реформирование в ряде вопросов, с учетом изменения международных отношений. Стоит задача создать полноценную и эффективную систему органов на местах, на которые будет возложен соответствующий функционал, способствующий своевременному и оперативному решению вопросов местного значения, исключая ненужные инстанции и бюрократизацию. Реформы в этом вопросе требуют детального изучения практики применения предлагаемой системы, проведения исследования ее положительных и отрицательных сторон с теоретической точки зрения, а также прогнозирования возможных рисков. Вопрос определения влияния правового механизма муниципального управления на становление местного самоуправления в ДНР позволяет сделать вывод об уровне нормативно-правовой

обеспеченности в вопросах реализации управленческих функций, выступающих основополагающими в деятельности органов государственной и муниципальной власти. Качество работы органов местного самоуправления можно оценить, проведя анализ уровня жизни населения конкретного муниципального образования посредством предложенных в научной статье критериев, что, в свою очередь, позволяет говорить о тесном взаимодействии организационного и правового механизмов в процессе муниципального управления.

Список использованных источников

1. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (ред. от 11.06.2021) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76576/. – (Дата обращения: 10.02.2023).

2. О регистре муниципальных нормативных правовых актов Ростовской области: областной закон Ростовской области от 06.08.2008 № 48-ЗС / ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10012585/>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

3. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 (с изм. от 30.06.2021 № 1084) / Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/85437/>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

РАЗДЕЛ 2

Административное право; административный процесс; таможенное право; трудовое право; право социального обеспечения; наследственное право; арбитражное право; арбитражный процесс; жилищное право

УДК 342.9

DOI 10.5281/zenodo.8167917

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ

**ГОЛОБОРОДЬКО В.И.,
преподаватель кафедры
административного права
ГБУ ВО «АКАДЕМИЯ МВД ДНР
ИМ. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматриваются особенности административных наказаний как карательных административно-правовых санкций. По мнению автора, хотя административным наказаниям и присущи общие черты административных санкций, они имеют определенную отличительную совокупность присущих им родовых признаков.

Ключевые слова: административное наказание, административно-правовая санкция, административное принуждение, административная ответственность, административный проступок

FEATURES OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENTS AS ADMINISTRATIVE LEGAL SANCTIONS

**GOLOBORODKO V.I.,
Lecturer at the Department
of Administrative Law,
SBI HE «ACADEMY OF THE MINISTRY OF
INTERNAL AFFAIRS OF THE DPR, NAMED
AFTER F.E. DZERZHINSKY»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article discusses the features of administrative penalties as punitive administrative-legal sanctions. According to the author, although administrative penalties have common features of administrative sanctions, they have a certain distinctive set of generic features inherent in them.

Keywords: administrative punishment, administrative-legal sanction, administrative coercion, administrative responsibility, administrative offense

Постановка задачи. Все социальные регуляторы (право, мораль, религия и т.п.) по своему общему содержанию нормативны. В зависимости от источников формирования выделяют нормы-обычай, нормы морали, корпоративные нормы и нормы права [1, с. 8]. Все эти виды социальных норм обладают собственными, присущими только им специфическими санкциями.

Специфика санкций обусловлена объективной природой и особенностями разных по своему содержанию видов социальных норм, разных форм социальной регуляции. По мнению исследователей, разделяемому и автором, не особенности санкций определяют различие социальных норм, а наоборот, объективные по своей природе существенные различия различных видов социальных норм, их специфические признаки обуславливают и особенности санкций за их нарушение [2, с. 79].

Обзор последних исследований и публикаций. Санкция, как важное правовое явление, в разное время являлась объектом исследования ученых. Этой проблематике уделяли внимание, в частности, Е.В. Агеева, А.П. Алехин, Д.Н. Бахрах, Г.П. Бондаренко, И.И. Веремеенко, Н.И. Еропкин, Ю.М. Козлов, Б.М. Лазарев, О.Э. Лейст, П.Е. Недбайло, А.П. Шергин, В.А. Юсупов и другие.

Актуальность статьи. Актуальность проблем административных наказаний основывается на определенных факторах: 1) экономическом – необходимости государственного регулирования хозяйственных отношений конкретными правовыми средствами, в то же время круг этих средств, основания применения и их виды должны определяться на законодательном уровне; 2) политическом – необходимости создания и поддержки режима законности в сфере исполнительной власти, с целью обеспечения защиты в административно-правовых отношениях условий для надлежащей реализации прав и свобод граждан; 3) нормативно-правовом – создание нового и реформирование действующего административного законодательства должно происходить на основании научно обоснованного учета происходящих социальных, экономических, политических изменений с целью создания эффективного правового механизма защиты общественных отношений.

Хотя проблематика административных взысканий является одним из ключевых в содержании института административной ответственности, однако она мало исследовалась отдельно от других правовых явлений. Установленные подходы и положения долгое время

не обновлялись, что не наилучшим образом отразилось на законодательстве.

Цель статьи заключается в исследовании особенностей административных наказаний как карательных административно-правовых санкций.

Изложение основного материала исследования. Зарубежная правовая наука и практика также использует понятие «санкция». Причем к этой правовой категории отнесен достаточно широкий круг мер воздействия со стороны уполномоченных органов. Так, например, в Правилах административной процедуры США под санкцией понимают осуществляемую административным агентством полный или частичный:

а) запрет, требование, ограничение или другое требование, влияющее на свободу индивида;

б) отказ в праве на средства защиты (предоставление административным агентством денежных средств, лицензий, полномочий, освобождения от уплаты налогов, исполнения правовых норм, признания агентством привилегий, иммунитета, требования, права и т.п.);

в) наложение взыскания или штрафа;

г) уничтожение, изъятие, конфискацию собственности, отказ в праве на нее;

д) оценку ущерба, возмещение, реституцию, компенсацию, выплату расходов, убытков или вознаграждения;

е) определение необходимых условий деятельности, отмену и приостановку лицензии;

ж) принятие других принудительных или ограничивающих мер.

Такой подход несколько размывает основания отграничения понятий «принуждение» и «санкция», фактически отождествляя их. Список санкций, приведенный в настоящем правовом акте, не является исчерпывающим и может быть дополнен другими мерами принудительного характера. В самом общем виде приведенная правовая норма трактует санкции как любые властные действия уполномоченного органа, направленные на субъекты правоотношений.

Правовая наука и законодательство стран Европы также оперируют понятием «административная санкция». В это понятие вложено следующее содержание: административные санкции – это административные акты [3, с. 4], налагающие наказание на частных лиц в отношении их действий, противоречащих принятым правилам. Кстати, под административным актом понимается любое индивидуальное мероприятие или решение, принимаемое к исполнению исполнительной властью, несущее природу прямого действия

независимо от того, благоприятно оно или нет в отношении прав, свобод и интересов частных лиц и не осуществляемое во исполнение судебной функции. Санкцией может быть штраф или иная карательная мера в денежной или неденежной форме [3, с. 16].

Наряду с этим не все административные акты, затрагивающие права и интересы частных лиц, считаются санкциями. Административные акты могут иметь много целей, исходя исключительно из общественных интересов, общественной политики, защиты сообщества от неотвратимой опасности, используя меры предосторожности с учетом их карательного влияния. Так, отказ предоставить или восстановить лицензию на основании того, что претендент не выполняет требования этой лицензии, не считается административной санкцией. Запрет или прекращение действия лицензии обусловлены новыми правовыми нормами, направленными на защиту окружающей среды, защита здоровья общества также не несут карательного характера. При этом выделяется главная черта административных санкций – само карательное влияние, осуществляемое вследствие нарушения прав.

Органы исполнительной власти зарубежных стран наделены значительными полномочиями по установлению и применению санкций. В различных сферах жизни исполнительная власть устанавливает правила, присматривает за их воплощением и, наряду с широким спектром мер поощрения частных лиц в случае несоответствующего действия, также может применять к ним санкции. Особенно это касается таких сфер, как социальное обеспечение, налогообложение, планирование городов, здравоохранение, торговля и т.д. Среди множества административных санкций наиболее применяемы денежные штрафы, конфискация товаров, закрытие предприятий, запрет на деятельность, приостановление или прекращение действия лицензии, разрешений, необходимых для осуществления деятельности в бизнесе или промышленности. Все они оказывают влияние на частных лиц.

Одной из причин растущих санкционных полномочий исполнительной власти во многих западных странах является политика декриминализации – то есть передача наказаний за ряд преступлений из уголовной в административную сферу.

Что касается теоретических разработок относительно санкций, можно говорить о нескольких подходах к их рассмотрению.

Первый подход предполагает рассмотрение санкции в более широком понимании, как любых отрицательных для правонарушителя действий со стороны государства в лице его уполномоченных органов

при нарушении правовых норм. Второй подход усматривает рассмотрение санкции только как элемента правовой нормы.

Как известно из теории права, норма имеет определенную структуру, элементами которой выступают гипотеза, диспозиция и санкция. Данная структура построения нормы сохраняется независимо от ее отраслевых особенностей. Однако в таком аспекте мы говорим о форме правовой нормы, особенностях, возникающих при регулировании определенного круга общественных отношений, которые влияют на изменение внутренней нагрузки этой формы, а именно на ее содержание.

Поднимая вопрос о видах санкций, их месте в структуре правовой нормы, большинство ученых согласилось с тем, что санкция может выступать элементом нормы права. Одни из них настаивают на обязательности санкций в структуре правовой нормы [4; 5]. Другие считают, что наличие или отсутствие санкции в правовой норме определяется структурой этой нормы. То есть в структуре правовой нормы, наряду с гипотезой и диспозицией, санкция является обязательным элементом. В то же время в структуре отдельной нормы она может отсутствовать [6, с. 53]. Однако когда правовая норма не содержит санкции, ее охрана обеспечивается средствами принуждения, закрепленными в других правовых нормах.

Некоторые авторы рассматривают санкцию только как указание средств принуждения, направленных на обеспечение выполнения правовых норм [7, с. 12, 21]. Другие трактуют санкцию значительно шире, как наступление всех негативных последствий для лица, нарушившего норму права [8, с. 178].

В любом случае применение санкции вменяется в зависимость от надлежащего выполнения правовой нормы. То есть все приходит к выводу, с которым невозможно не согласиться, что санкция имеет место только в случае нарушения или ненадлежащего соблюдения правовой нормы.

Санкция как негативная реакция государства на нарушение правовой нормы возникает лишь при наличии противоправного поведения или ненадлежащего выполнения общеустановленных правил. А государственное принуждение реализуется во многих формах, охватывающих и санкции. Поэтому, не ограничиваясь только санкциями, принуждение может быть задействовано не только вследствие нарушения правовой нормы, как ответной реакции уполномоченных органов, но и в силу возникновения определенных обстоятельств, которые угрожают или могут угрожать общественным отношениям.

Аналогичным, на наш взгляд, является соотношение административного принуждения и административно-правовой санкции: административное принуждение хоть и реализуется в форме административно-правовой санкции, однако не ограничивается ее применением. В свою очередь, административно-правовая санкция также проявляется не только в наказаниях, прямо предусмотренных правовой нормой, но и в других мерах административного принуждения.

Вопросу классификации мер административного принуждения уделялось много внимания, поскольку оно позволяет очертить и осознать многогранность мер административного принуждения, имеет большое значение при практическом применении указанных мер и разграничивает административные наказания от других принудительных мер.

До 50-х годов XX в. в юридической литературе царила двухчленная классификация мер административного принуждения. Исследователи выделяли административные санкции и другие меры административного принуждения, принудительные по своей природе, но лишенные характера наказания.

В начале 60-х годов XX в. М.И. Еропкин обосновал трехчленную классификацию. В соответствии с ней все меры административного принуждения делятся на административно-предупредительные, меры административного пресечения и административные наказания [9, с. 60].

На сегодняшний день это разделение мер административного принуждения стало общепринятым, и в соответствии с ним меры административного принуждения приобретают следующее содержание.

Административно-предупредительные меры применяются для предупреждения возможных правонарушений в сфере государственного управления, общественного порядка для обеспечения общественной безопасности. Характерной особенностью административно-предупредительных мер является то, что они применяются, когда правонарушение отсутствует.

На практике знакомы два вида таких ситуаций: во-первых, когда есть реальные основания предполагать, что может совершиться правонарушение, и, во-вторых, когда возникает необходимость в обеспечении правопорядка в чрезвычайных и экстремальных условиях (пожар, наводнение, эпидемия).

Принудительный характер этих мер проявляется в том, что они осуществляются без согласия другой стороны, объекта влияния, который в силу действующих норм права должен выполнить предписанные действия или воздержаться от определенного круга действий. Законодатель не только закрепляет властные полномочия по

применению специально уполномоченными органами таких мер (например, введение карантина, принудительный осмотр грузов, осмотр санитарного состояния предприятия, проверка соблюдения правил безопасности на производстве и других аналогичных мер), но и определяет порядок их реализации.

Назначение административных мер пресечения состоит в: прекращении противоправного поведения; устранении вредных последствий противоправного поведения; создании необходимых условий для возможного в будущем привлечения виновного к административной ответственности (составление протокола об административном правонарушении). Поэтому в отличие от предыдущего вида мер пресечение имеет место при наличии противоправного поведения, нарушении правовых норм и является своеобразной реакцией уполномоченных органов и должностных лиц.

Разнообразные меры административного пресечения подразделяют на несколько групп [10]:

1) меры, применяемые непосредственно к правонарушителю – требование прекратить противоправное деяние, административное задержание, доставление в органы внутренних дел;

2) меры имущественного характера – изъятие огнестрельного оружия, снос самовольных построек и т.п.;

3) меры технического характера – запрет эксплуатации неисправного транспортного средства, приостановление работы предприятия вследствие нарушения правил техники безопасности, правил пожарной безопасности, ограничение ремонтно-строительных работ в случае несоблюдения при их ведении требований по обеспечению общественной безопасности;

4) меры денежного характера;

5) меры медико-санитарного характера – отстранение от работы инфекционных больных, запрет эксплуатации предприятий торговли и общественного питания вследствие ненадлежащего санитарного состояния;

6) меры, связанные с действием лицензионно-разрешительной системы – отказ в выдаче лицензии на тот или иной вид деятельности, нуждающейся в лицензировании, приостановлении лицензии;

7) меры специального или исключительного назначения – применение оружия, специальных химических веществ и т.п.

Меры административного пресечения тесно связаны с мерами административной ответственности и в некоторых случаях предшествуют им, обеспечивая возможность их реализации.

Административные наказания, в свою очередь, применяются специально уполномоченными органами к лицу, действия которого

носят характер административного проступка, т.е. Основанием для использования этого средства административного принуждения является совершение административного проступка.

Другой подход наблюдается в системе мер административного принуждения, представленной И.И. Веремеенко [11, с. 71]. Она состоит из трех самостоятельных элементов:

1) административно-процессуальные меры, т.е. специально установленные и применяемые с целью обеспечения решения вопроса о правонарушениях, имеющие вспомогательный характер (административное задержание, задержание и арест имущества);

2) административно-правовые санкции;

3) административно упреждающие меры.

Такая классификация более основательно отразила сущность административного принуждения благодаря тому, что:

- во-первых, основанием для применения мер административного принуждения не всегда является правонарушение, как в случае применения предупредительных мер;

- во-вторых, данная классификация учитывает те процессуально-вспомогательные меры, которые по своей сути являются принудительными, но применяются для обеспечения производства по делам об административных проступках;

- в-третьих, все принудительные меры, спровоцированные нарушением правовых норм, были отнесены в раздел санкций.

Некоторые ученые обращали внимание на необходимость соотнесения мер административного принуждения с административными санкциями. По их мнению, характерным отличием при этом является результат применения санкции, а именно наступление административной ответственности [11, с. 61].

Однако такой подход несколько деформирует понятие административно-правовой санкции. Поскольку применение последней хоть и обусловлено совершением правонарушения, однако не всегда предполагает наложение административного наказания и как следствие наступления административной ответственности.

Административная ответственность – это фактически реализация предусмотренных нарушенной правовой нормой административно-правовых санкций, а именно применение уполномоченного органа или должностного лица административных наказаний к правонарушителю.

Применение такой административной санкции, как просьба прекратить определенные действия, нарушающие установленный порядок, указание на ненадлежащее выполнение специального порядка не влечет наступление административной ответственности, хотя имеет место нарушение правовых норм.

Следовательно, если административная санкция (как негативная реакция государства, в лице его уполномоченных органов) имеет место при любом нарушении административно-правовой нормы, то административное наказание применяется только при совершении проступка, состав которого предусмотрен правовой нормой и преследует цель наказания за нарушение установленных правил. Применение административного наказания, предусмотренного законодательством в установленном порядке, означает наступление административной ответственности для виновного.

В общей теории права для классификации санкций предложено несколько критериев. Так, В.А. Юсупов выделяет наряду с принудительными санкциями санкции-предупреждения и санкции-поощрения [12, с. 117]. Последние он называет санкциями положительного стимулирования.

Административные санкции, рассматривая их с точки зрения функциональной направленности в государственном управлении, могут быть стимулирующими, предупредительными и принудительно-карательными. Они включаются в механизм осуществления правопорядка как юридическое средство убеждения и принуждения.

Есть также классификация по степени определенности. Согласно такому критерию, санкции делятся на определенные и относительно определенные. В первых точно и конкретно указывается мера воздействия, которая должна быть применена за нарушение данной нормы. Во вторых – указанные пределы, в которых определенный орган с учетом конкретных обстоятельств правонарушения определяет соответствующую меру воздействия на конкретного правонарушителя.

Была предложена и другая классификация, получившая широкое применение в науке, а именно классификация в соответствии со способом охраны правопорядка [7, с. 106]. По этому критерию санкции можно разграничить на административные наказания (уголовные санкции) и правовосстановительные. Если уголовные санкции направлены на общую и специальную превенцию правонарушений, воспитание и исправление правонарушителей, то правовосстановительные направлены на восстановление причиненного вреда, на выполнение неисполненных обязательств и возобновление нарушенных прав.

По такому же критерию систематизирует административно-правовые санкции И.И. Веремеенко, однако, в дополнение к предложенным санкциям О.Э. Лейстом, включает в свою систему «санкции реального исполнения» [11, с. 76]. Соответственно, указанные санкции непосредственно направлены на принудительное исполнение

невыполненных обязательств или на создание и обеспечение гарантий такого исполнения.

Учитывая изложенное, можно четко определить место административных наказаний в структуре административных санкций. А именно: утверждать принадлежность их к карательным санкциям, применяемым к лицу в результате нарушения установленных правил в случае, предусмотренном законодательством.

Проблематика административных наказаний в юридической литературе в советское время и на современном этапе исследуется преимущественно не как самостоятельное правовое явление, а исключительно в процессе рассмотрения института административной ответственности. Таковой подход хоть и объясняется особенностью соотношения и взаимообусловленности этих правовых явлений, но в то же время существенно сужает исследование непосредственно проблем административных наказаний.

Эти вопросы были предметом исследования многих учёных. Административные наказания рассматривались в различных аспектах: в характеристике отдельных видов административных наказаний [13], в исследованиях, посвященных административной ответственности [14; 15], в особенности применения наказания теми или иными уполномоченными органами [16].

В то же время при изучении административных наказаний необходимо отдавать себе отчет в многогранности указанной проблематики и, как следствие, возможности множественности подходов к ее изучению. Так, анализ научных исследований, в той или иной степени затрагивающих наказания, позволяет выделить следующие подходы к данной проблематике:

- в институциональном аспекте - как элемент института административной ответственности;
- в нормативно-структурном аспекте – как элемент в структуре правовой нормы, то есть санкция правовой нормы;
- как вид административно-правовой санкции – формы государственного принуждения.

Если рассматривать административное наказание с точки зрения структуры правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция), то в таком аспекте наказание тождественно санкции.

Мы полагаем, что следует отметить возможность рассматривать эту правовую категорию также в других аспектах.

В институциональном контексте наказание выступает определенным элементом, вплетающимся в систему правовых норм, взаимодействие которых, в свою очередь, образует институт административной ответственности.

Проецируя подход к юридической ответственности как системе норм права, на один из ее видов – административную ответственность, можно также отметить, что она объединяет в себе три группы норм. Во-первых, это материальные нормы, закрепляющие общие вопросы административной ответственности (установление составов административных проступков, виды наказаний, субъекты ответственности). Во-вторых, это процессуальные нормы, регулирующие вопросы административного производства по делам об административных проступках. И, в третьих, правовые нормы, регулирующие правовое положение, формирование и полномочия субъектов административной юрисдикции.

С другой стороны, административные наказания можно рассматривать как один из видов административно-правовых санкций, являющихся формой реализации государственного принуждения в широком аспекте, или, учитывая отрасль правового регулирования, в узком смысле уместнее говорить об административном принуждении.

Подходя к административному наказанию с позиции его места в административно-правовых санкциях, следует говорить об отнесении этой правовой категории к отдельному виду административно-правовых санкций – карательных.

Административные наказания отличаются определенными особенностями.

1. Рассматривая административные наказания, следует, прежде всего, выделить как характерный признак их государственно-принудительный характер. Безусловно, им свойственен и воспитательный характер, однако его сущность заключается в принудительном влиянии со стороны государства на право

2. Административные наказания объединяют элементы карательного, воспитательного и предупредительного характера. Следует отметить, что правоохранительные возможности административных наказаний распространяются не только на нормы административного права, но и обеспечивают охрану и других правовых норм и правоотношений.

3. Особенность административных наказаний довольно часто видят в специфическом круге субъектов применения. А именно - преимущественно внесудебный характер применения.

Действительно, по сравнению с санкциями уголовного и дисциплинарного принуждения применение административного наказания имеет в большинстве своем разветвленную систему уполномоченных органов исполнительной власти. Однако наряду с этим законодатель выделил определенные виды административных наказаний, которые могут быть применены исключительно в судебном

порядке (конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест; дисквалификация; обязательные работы; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения).

4. Имеет определенные особенности и цель применения административного наказания. Если гражданско-правовые санкции, прежде всего, направлены на возмещение, компенсацию ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением обязательств или совершением других действий (деликтов), то целью административного наказания является:

- а) наказание правонарушителя за совершенный проступок;
- б) профилактическое влияние на широкий круг лиц, как подвергшихся административному наказанию, так и других.

Ученые придерживаются мнения, что содержание административных наказаний определяется характером управленческих отношений, урегулированных и обеспеченных нормами административного права и спецификой посягательств на эти правоотношения. В то же время особенность правоотношений в сфере государственного управления проявляется в нанесении, как правило, нематериального ущерба [10, с. 352].

Таким образом, при применении административных наказаний, которые не могут компенсировать моральный ущерб государству, прежде всего, преследуется цель кары. Можно сказать, что административное наказание заключается в ограничении, лишении субъективных прав и благ лица, к которому они применяются. Добровольное исполнение правонарушителем возложенного на него наказания не изменяет его принудительную сущность, так как при неисполнении возложенной обязанности государство в лице уполномоченных органов оставляет за собой право на применение других принудительных мер для обеспечения надлежащего исполнения (невыплаченный в срок штраф принудительно взимается за счет денежных поступлений правонарушителя – заработной платы, стипендии, пенсии и т.п.).

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Административные наказания являются одним из видов административно-правовых санкций. В то же время хотя административным наказаниям и присущи общие черты административных санкций, они имеют определенную совокупность родовых признаков, по которым отличаются среди прочих. Прежде

всего, они предусмотрены конкретной правовой нормой несоблюдения или нарушение которой инициирует их применение. Во-вторых, основной функцией административного наказания является кара правонарушителя. В-третьих, наказание реализуется через институт административной ответственности и выступает ее составным элементом. В-четвертых, законодательством предусмотрен специальный порядок их применения. И, наконец, административные наказания применяются специально уполномоченными органами в пределах законодательно определенной компетенции.

Список использованных источников

1. Алексеев, С. С. Государство и право / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 2004. – 189 с.
2. Нерсисянц, В. С. Философия права / В.С. Нерсисянц. – М. : Инфра М-Норма, 2005. – 656 с.
3. Principles of Administrative Law concerning the relations between Administrative Authorities and Private Persons, Council of Europe. – Strasburg, 1996. – P. 48.
4. Шебанов, А. Ф. Нормы советского социалистического права: лекция / А.Ф. Шебанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 44 с.
5. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
6. Алексеев, С. С. Теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 1995. – 310 с.
7. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. – М. : МГУ, 1981.
8. Пиголкин, А. С. Нормы советского социалистического права и их структура / А.С. Пиголкин. – М. : Госюриздат, 1960. – 200 с.
9. Еропкин, М. И. О классификации мер административного принуждения / М.И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе. – М. : Госюриздат, 1963. – С. 60-69.
10. Козлов, Ю. М. Административное право / Ю.М. Козлов, Л.Л. Попов. – М. : Юристъ, 1999. – 717 с.
11. Веремеенко, И. И. Административно-правовые санкции / И.И. Веремеенко. – М. : Юрид. лит., 1975. – 180 с.
12. Юсупов, В. А. Теория административного права / В.А. Юсупов. – М. : Юрид. лит., 1985. – 160 с.
13. Савин, М. Я. Административный штраф / М.Я. Савин. – М. : Юрид. лит., 1984. – 112 с.
14. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность / Д.Н. Бахрах. – Пермь, 1966. – 193 с.

15. Якуба, О. М. Административная ответственность / О.М. Якуба. – М. : Юрид. лит., 1972. – 152 с.

16. Павлова, Е. С. Применение судьей мер административного взыскания / Е.С. Павлова. – М., 1987. – 75 с.

УДК 351.74/76

DOI 10.5281/zenodo.8167989

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТНИКОВ ОВД ДНР В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

КАБЛОВ Д.С.,

канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,

Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

В статье проводится теоретико-правовой анализ правового статуса работника органов внутренних дел в условиях интеграции Донецкой Народной Республики в качестве нового субъекта Российской Федерации. Как результат определены особенности указанного института в переходной период.

Ключевые слова: государственная служба, правовое регулирование, работник ОВД, правовой статус, интеграция, законодательство

LEGAL REGULATION OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF EMPLOYEES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE DPR IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO THE RUSSIAN FEDERATION

KABLOV D.S.,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law FSBEI HE «Donetsk State University», Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

The article provides a theoretical and legal analysis of the legal status of an employee of the internal affairs bodies in the conditions of integration of the Donetsk People's Republic as a new subject of the Russian Federation. As a result, the features of this institute in the transition period are determined.

Keywords: civil service, legal regulation, employee of the Department of Internal Affairs, legal status, integration, legislation

Актуальность. Систематическое совершенствование нормативного правового регулирования деятельности государственных органов является одним из приоритетных направлений построения правового государства. В свою очередь, эффективная деятельность органов государственной власти зависит от профессионализма государственных служащих, в том числе и сотрудников ОВД.

В настоящее время в процессе вхождения Донецкой Народной Республики в качестве нового субъекта Российской Федерации особое внимание необходимо уделить правовому статусу сотрудника ОВД.

Вышесказанное и определяет актуальность нашего научного исследования.

Постановка задачи. Рассмотрение правового статуса сотрудника ОВД позволяет выявить его роль в государственно-служебных правоотношениях. Особо остро данный вопрос становится в настоящее время в условиях вхождения ДНР в качестве нового субъекта РФ.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую основу научного исследования составляют научные труды таких ученых, как Н.В. Витрука, Н.И. Матузова, В.М. Манохина и др.

Цель статьи. В ходе написания научного труда считаем необходимым провести теоретико-правовой анализ административно-правового статуса сотрудника ОВД в условиях вхождения ДНР в РФ в качестве нового субъекта.

Изложение основного материала исследования. Начальным этапом исследования административно-правового статуса работника органов внутренних дел должно быть установление основного понятийного аппарата.

Исследуя категорию «правовой статус личности», целесообразно определение последующих подходов ученых к выяснению сущности данного общественного явления.

Так, по мнению ученого С.А. Комарова, понятия «человек» и «личность» необходимо отличать друг от друга не по объему, а по сути, так как «личность» характеризуется переходом старого содержания на новый уровень самообогащения [1, с. 130].

Н.И. Матузов, рассматривая категорию «правовой статус личности», указывает, что она представляет собой определенную совокупность прав и свобод, а также обязанностей и законных интересов, которые определяются и гарантируются государством [2, с. 221].

Также следует обратить внимание на то, что в юридической литературе рядом с вышеуказанным понятием используется термин

«правовое положение личности», что вызывает необходимость установления вопроса о соотношении этих понятий. Так, с точки зрения Н.В. Витрука, категория «правовой статус личности» более узка, поскольку выступает частью (ядром) понятия «правовое положение личности» [3, с. 152]. В то же время большинство авторов считают эти термины аналогичными.

Большой энциклопедический словарь определяет статус (от лат. status – состояние, положение) как «социальное, соотносительное состояние (позицию) индивидуума или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы» (экономических, профессиональных, этнических и других) [4]. Люди, имеющие один и тот же статус, обнаруживают ряд подобных личностных черт, обозначаемых как «социальный тип» личности «приобретенный статус».

Следует сказать, что правовой статус работника ОВД, как и правовой статус государственного служащего, вообще происходит от более общей категории «правовой статус личности», которая является его центральным элементом.

Остальные элементы должны «удовлетворять» функционирование государственной службы и служащих. Такие элементы конкретизируют, уточняют статус служащих и разрешают в полной мере воплотить его потенциал.

Следует сказать, что в условиях вхождения ДНР в состав РФ появляются определенные особенности в непосредственном установлении и закреплении правового статуса сотрудника ОВД на законодательном уровне.

Так, следует обратить внимание на Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в РФ ДНР и образовании в составе РФ нового субъекта – ДНР», который является основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы вхождения ДНР в состав РФ.

Особое внимание требует ст. 36 данного ФКЗ, которая устанавливает особый переходной период интеграции ДНР в РФ до 1 января 2026 года, в течение которого урегулируются вопросы вхождения ДНР в политическую, финансово-кредитную, правовую системы РФ [5].

Исходя из этого мы видим, что начавшийся переходной период продлится до 1 января 2026 года, в течение которого должны быть урегулированы все вопросы относительно системы органов государственной власти, в том числе и ОВД, и правового статуса работников данных органов.

Так, Я.В. Бакарджиев рассматривает переходный период в государстве как «нормальное состояние со свойственными этому периоду своими особенностями и закономерностями в развитии всех существенных элементов» [6, с. 78].

Одним из актуальных вопросов переходного периода является институт правового статуса сотрудников ОВД, который вызывает особый интерес для научного исследования. Это связано с тем, что от качественного исполнения своих непосредственных обязанностей работником ОВД зависит эффективность функционирования государства в данный период. Кроме того, актуальности набирают вопросы прохождения государственной службы, в том числе и в ОВД, а также вопросы определения правового статуса работников ОВД как государственных служащих.

Следует обратить внимание на норму ФКЗ, а именно ч. 1 ст. 4 о принятии ДНР в РФ, согласно которой законодательные и иные нормативные правовые акты РФ действуют на территории Республики со дня принятия ее в состав РФ, если иное не установлено ФКЗ.

В свою очередь, ч. 2 статьи 4 данного ФКЗ говорит о том, что нормативно-правовые акты, принятые в ДНР, действуют до окончания переходного периода или до принятия соответствующих нормативных актов РФ [5].

Рассматривая правовой статус государственного служащего, следует сказать, что его основу в настоящее время составляют Конституция РФ и Конституция ДНР, а также Закон ДНР «О системе государственной службы ДНР» и Федеральный закон «О системе государственной службы РФ». В качестве основы государственного служащего Законом выделены общие обязанности, права, особенности их дисциплинарной ответственности. Отдельно выделены ограничения, связанные с принятием на службу, а также необходимость декларирования доходов лицами, претендующими на должность государственного служащего.

Правовой статус представляет собой совокупность определенных элементов, в том числе правил служебного поведения, ограничений, обязательств, порядка разрешения служебных конфликтов и споров и ответственности. Данные элементы определяются и закрепляются в нормативных правовых актах о том или ином виде службы.

Работники органов внутренних дел представляют собой особую разновидность государственных служащих. Они действуют по поручению и от имени государства в соответствии с должностными полномочиями с целью практического осуществления возложенных на них нормативно-правовыми актами обязанностей по охране

общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, и борьбе с различными правонарушениями.

Кроме того, личный состав ОВД вступает в правовые отношения, которые происходят из содержания их служебных полномочий не только внутри органа или подразделения, но и снаружи, то есть вступают в отношения с гражданами, другими государственными и негосударственными органами. Выступая в указанных отношениях от имени государства, они могут применить меры, необходимые для выполнения законных требований, в частности, меры принудительного характера.

Анализируя ч. 3 ст. 6 ФКЗ, регламентирующего принятие ДНР в состав РФ, можно сказать, что все сотрудники ОВД, замещающие должности в ОВД ДНР на момент принятия в РФ, имеют первостепенное (преимущественное) право на поступление в ОВД ДНР, образуемые на основании законодательства РФ при наличии гражданства РФ [5].

Правовой статус сотрудников ОВД в настоящий момент регламентируется Законом ДНР «О службе в органах внутренних дел Донецкой Народной Республики», а также ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором так же, как и в вышеуказанных законах, нашли свое отражение права, обязанности, ответственность и т.д.

Рассматривая административно-правовой статус работников ОВД, следует сказать, что в научной литературе выделен общий, специальный и индивидуальный статус. Общий статус личности определяется Конституцией, специальный статус характеризует представителя той или иной социальной группы, который наделен специальными, дополнительными правами, обязанностями, ограничениями и ответственностью. Особый правовой статус дополняет или ограничивает общий правовой статус. Индивидуальный статус представляет собой совокупность персонифицированных правил служебного поведения, ограничений, обязательств, порядка разрешения служебных конфликтов и споров и ответственности. Он также носит более подвижный, чем общий статус, характер: и претерпевает изменения, исходя из обстоятельств, происходящих в жизни человека [6, с. 48].

Особый правовой статус также относится к работникам ОВД. Правовой статус данной категории сотрудников выступает проявлением их правового статуса как граждан РФ в отраслевом разрезе, который характеризует их как лиц, проходящих службу в органах и подразделениях системы МВД ДНР. Поступив на службу в ОВД,

работник включается в сложный механизм, который можно представить в виде определенных структурных элементов: занимаемой должности; вхождение в определенный штат сотрудников; особого места сотрудника органов внутренних дел, которое определяется его должностными обязанностями.

Правовой статус указанной категории служащих регулируется соответствующим законодательством. Так, в момент принятия его на службу в ДНР его статус регулировался Законом ДНР «О службе в органах внутренних дел Донецкой Народной Республики» [8]. В настоящее время идет интеграция всех сотрудников ОВД в МВД ДНР по РФ, после чего правовой статус сотрудников ОВД будет полностью урегулирован ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9].

Характер и содержание правового статуса сотрудников ОВД напрямую зависит от нормативно-установленных целей, функций и задач.

Изучая правовой статус служащего, В.М. Манохин в него включает задачи, которые стоят перед сотрудником (должностные инструкции), его основные функции, права и обязанности, правовые формы деятельности служащих, порядок взаимоотношений по должности [10, с. 98].

Правовой статус работника ОВД – это определенная в нормативных актах система правил служебного поведения, ограничений, обязательств, порядка разрешения служебных конфликтов и споров, морально-правовых требований и ответственностей отдельной категории работников служб и подразделений системы МВД ДНР, выполняющих задачи в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Относительно определения статуса работника органов внутренних дел существуют четыре основные позиции:

а) положение работника как гражданина, регулируемое Конституцией (общее положение);

б) положение работника как сотрудника определенного подразделения (ведомства), т.е. лица, которое занимает определенную должность и находящегося на службе в ОВД (специальное);

в) общеспециальное положение (объединение двух вышеперечисленных);

г) возможность сотрудника иметь и осуществлять, юридические права и обязанности (правосубъектность).

В связи с этим можно сказать, что правовое положение работника ОВД зависит от законодательного регулирования его служебной

деятельности. Законодательством устанавливаются особенности правового статуса разных категорий работников органов внутренних дел, исходя из возложенных на них задач и обязанностей, характера служебных полномочий, а также специфики деятельности тех или иных подразделений и служб.

Следует сказать, что правовой статус сотрудника ОВД отличается от правового статуса государственного служащего и носит сложный, многогранный характер.

Так, с одной стороны, он выступит сотрудником вооруженного органа государственной исполнительной власти, должностным лицом, а с другой – лицом, которое исполняет свои обязанности по контракту (ст. 22 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») – субъектом служебно-трудовых отношений, возникающих при прохождении службы в органах внутренних дел.

Следует сказать, что переход в правовое поле РФ устанавливает также определенные запреты и ограничения, связанные со службой в ОВД.

Данные ограничения и запреты в первую очередь закреплены в ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако некоторые части статей данного ФЗ имеют отсылочные нормы на ФЗ «О противодействии коррупции» и ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [9]. Такие запреты и ограничения в первую очередь связаны с запретом заниматься предпринимательской деятельностью как самим сотрудником, так и через посредников, содействовать в такой деятельности другим лицам, принимать подарки или услуги, являться членом политических организаций и движений, иметь гражданство другого государства, участвовать в забастовках и т.д.

Однако законодательство, а именно ст. 34 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предоставляет право на работу по совмещению непосредственно в органах внутренних дел, а в отдельных случаях допускается совмещение на занятие научно-педагогической и иной творческой деятельностью, если такая деятельность не вызывает конфликта интересов и не влияет на выполнение обязанностей [9].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме).

В связи с вышерассмотренным, следует отметить, что административно-правовой статус работника ОВД в условиях

вхождения ДНР в РФ имеет определенные особенности, которые связаны с переходным периодом, установленным ФКЗ.

Также видим необходимость законодательного закрепления в ст. 34 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» перечня должностей, подразделений и служб органов внутренних дел, работникам которых разрешается совмещение должностей для занятия научно-педагогической и иной творческой деятельностью.

Список использованных источников

1. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: курс лекций / С.А. Комаров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Манускрипт, 1996. – 314 с
2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001. – 776 с.
3. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук; Российская акад. правосудия. – М. : Норма, 2008. – 447 с.
4. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск : МФЦП, 2002. – 1008 с.
5. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 10 октября 2022 г. – № 41. – Ст. 6930.
6. Бакарджиев, Я. В. Переходный период в развитии государства и правовой системы / Я.В. Бакарджиев // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4. – С. 69-79.
7. Аброкова, О. А. Правовой статус личности / О.А. Аброкова, М.Х. Гукешоков // Научные известия. – 2020. – № 19. – С. 47-50
8. О службе в органах внутренних дел ДНР: Постановление Народного Совета ДНР от 24.04.2015 № 34-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-sluzhbe-v-ovd/> – (Дата обращения: 24.04.2023).
9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. – № 49 (часть I). – Ст. 7020.

10. Манохин, В. М. Конституционные основы советского административного права / В.М. Манохин; под ред. Н.М. Кониной. – Саратов : Изд-во СГУ, 1983. – 365 с.

УДК 343.163(470+571)

DOI 10.5281/zenodo.8168033

К ВОПРОСУ О АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МАВЛИХАНОВА Р.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся полномочий прокурора в административном судопроизводстве. В качестве функций прокурора выделяются прокурорский надзор и административное преследование.

Ключевые слова: полномочия прокуроров, функции органов прокуратуры, органы прокуратуры, процессуальная компетенция органов прокуратуры

ON THE QUESTION OF THE ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL COMPETENCE OF THE PROSECUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

MAVLIKHANOVA R.V.,
PhD. jurid. Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article deals with issues concerning the powers of the prosecutor in administrative proceedings. Prosecutor's supervision and administrative prosecution are singled out as functions of the prosecutor.

Keywords: the powers of prosecutors, the functions of the prosecutor's office, the prosecutor's office, the procedural competence of the prosecutor's office.

Постановка задачи. Для выполнения органами прокуратуры своих основных функций действующее законодательство определяет полномочия прокуратуры – права и обязанности органов прокуратуры, установленные Конституцией Российской Федерации и законами Российской Федерации (далее по тексту – РФ).

Актуальность. По своему содержанию полномочия прокуратуры РФ могут быть распределены на три основные группы: 1) полномочия по выявлению нарушений законов, причин нарушений и условий, которые их влекут; 2) полномочия, направленные на устранение нарушений законов, причин и условий, вызываемых ими; 3) полномочия по привлечению нарушителей закона к ответственности. Полномочия прокуроров при условии их полного и правильного применения обеспечивают эффективность прокурорского надзора, своевременность выявления нарушений закона, причин и условий, вызванных ими, устранение нарушений закона, предотвращение им, привлечение виновных к ответственности [2].

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты исследуемой проблемы раскрыты в научных трудах многих ученых, как зарубежных, так и отечественных. Среди них Ю.В. Георгиевский, М.А. Чельцова, Ю.А. Матвейчев, А.В. Лапкин, И.М. Белодид, С.Н. Назаров.

Целью статьи является анализ нормативно-правовых актов и научной литературы, определяющих основные аспекты исследуемой темы, а также установление проблем и пробелов.

Изложение основного материала исследования. Юридическая природа и структура административно-правового статуса органов прокуратуры рассматривает обязанности и права как основы административной правосубъектности прокуратуры, юридическую ответственность ее работников, особенности правоприменительной деятельности и взаимодействия прокуратуры с другими государственными органами и некоммерческими организациями [3].

Под компетенцией (лат. *competentio* , от *competere* – взаимно стремлюсь, отвечаю, подхожу) понимают совокупность юридически установленных функций и полномочий органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица относительно предметов их ведения. Компетенция определяется местом ее субъекта в системе органов власти и органов для местного самоуправления. Нормативно-правовой основой компетенции есть конституция, конституционные и обычные законы, уставы, положения и другие правовые акты. Устанавливая компетенцию органа или должностного лица, конституция и другие нормативно-правовые акты не всегда четко разграничивают функции и полномочия. Функции определяют

направления, сферы действия органа власти или должностного лица, тогда как полномочия – это их права и обязанности, отмечающие, что они могут или должны делать по конкретному предмету ведения [4].

Ю.А. Тихомиров в общем виде определяет компетенцию как законно возложенный на уполномоченный субъект объем публичных дел. Компетенция, как сложное явление, он считает, состоит из элементов двойной природы. К собственно компетенционным элементам Ю.А. Тихомиров относит нормативно установленные цели как метод долговременной нормативной ориентации субъектов права и устойчивую деятельность по достижению этих целей; предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия; властные возможности как гарантированную законом меру принятия решений и выполнения действий. Сопутствующим элементом является ответственность за их невыполнение или, другими словами, гарантии выполнения компетенции [5, с. 55-66]. В советской юридической литературе указывалось, что «полномочия всегда предметны» и что полномочия не полностью характеризуют компетенцию [6, с. 14]. В теории права под полномочиями понимают вид и степень властного влияния должностного лица или государственного органа на заинтересованного участника правоотношений с целью удовлетворения его законного интереса, достижения определенного социально-полезного результата.

Компетенция является сложным, собирательным понятием, наука и законодательство не дают его однозначной трактовки [7] и предложили определить в законодательном порядке понятие «компетенция» как ключевое, связанное с понятиями «полномочия», «права и обязанности», «правовая регламентация», «функционирование», входящие в единую систему.

Следует отметить, что термин «полномочия» часто связывают с термином «компетенция», поскольку в науке конституционного права компетенция раскрывается как совокупность властных полномочий.

Как отмечает А.Б. Венгеров, «для функциональной характеристики государственного органа используется понятие компетенции, обозначающее взятый в единстве круг и объем полномочий и обязанностей, принадлежащих этому государственному органу, а также предмет его ведения» [8, с. 156].

По мнению Ю.В. Георгиевского, «компетенция органов централизованного и территориального управления означает объем их правоспособности и применения полномочий по выполнению задач организационно правового характера, когда необходимо применять все рычаги управления» [9, с. 83].

В учебнике М.А. Чельцова по советскому уголовному процессу отдельно рассматривается понятие «процессуальная компетенция», но оно сводится автором к полномочиям органов расследования, прокурора и суда [10, с. 71-73].

В этой связи возникает вопрос о содержании понятия «административно-процессуальная компетенция прокуратуры». Правильный ответ имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Неправильное толкование работниками органов прокуратуры положений о компетенции (полномочиях) может привести к выходу за пределы полномочий (компетенции) или недостаточного использования своих полномочий, что не способствует эффективности административно-процессуальной деятельности, целью которой является обеспечение прав и свобод.

Правовой (процессуальный) статус личности является определением занимаемым лицом – субъектом правовых отношений, определенного положения.

Исследование «компетенционных» проблем деятельности органов прокуратуры должно осуществляться не фрагментарно, а системно, носить комплексный характер. В отечественной процессуальной теории административного права отсутствуют монографические исследования, посвященные административно-процессуальной компетенции прокуратуры. Административно-процессуальная компетенция органов прокуратуры является специальной компетенцией прокуратуры, а с другой стороны, она является общей по отдельным видам процессуальной деятельности этих органов.

Компетенция – возложенный на субъекта объем суммарных дел, а административно-процессуальная компетенция прокуратуры – это возложенный административным процессуальным законом на органы прокуратуры объем публичных прав в сфере разрешения публично-правовых споров (конфликтов), возникающих в обществе.

Административная компетенция органов прокуратуры представляет собой «совокупность закрепленных в законодательстве полномочий государственно-властного субъекта, реализуемых им в определенных правоотношениях. Компетенция прокуратуры распространяется на правоотношения, возникающие в сфере осуществления надзора за соблюдением законодательства органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное расследование, учреждениями отбывания наказаний, другими органами, исполняющими уголовные наказания или применяющими меры принуждения, а также осуществление государственного обвинения и представительства в уголовном судопроизводстве в случаях, установленных законодательством [11].

Исследователи выделяют три вида компетенции прокуратуры: общая компетенция, компетенция всей прокуратуры в целом (с возможным разделением на компетенции видов прокуратур по специализации) и индивидуальная компетенция (компетенция каждого прокурорского органа в отдельности). При осуществлении прокурорского надзора в отношениях с субъектами выступает конкретный прокурорский орган – это и есть индивидуальная компетенция.

Индивидуализация происходит путем разграничения полномочий между высшими и низшими прокурорскими органами, а также между одинаковыми по своему правовому положению прокуратурами. При этом компетенция органов прокуратуры ограничена: первое ограничение касается круга поднадзорных субъектов, второе – круга актов прокурорского реагирования.

Классификация полномочий прокуроров может производиться по нескольким критериям. Да, полномочия прокурора можно делить на виды, которые в свою очередь определяются как основные направления деятельности прокуратуры. По целевому назначению полномочия прокурора делятся на два вида: основные полномочия и дополнительные.

Основные полномочия – это полномочия по выполнению надзорных функций. Они делятся в свою очередь на предметные и многофункциональные.

Дополнительные полномочия – это полномочия организационного плана (вспомогательные), такие как распределение надзора за отраслями и исполнителями, подбор и размещение кадров и т.п. Как предметные, так и функциональные полномочия отраслевые. Общих полномочий для всего надзора не существует, все полномочия распределяются на отрасли с учетом специфики каждой из них.

Объем полномочий обуславливается целями и задачами прокуратуры. Полномочий должно быть достаточно для достижения целей и решения поставленных задач, они должны выполнять служебные функции. Цель прокуратуры двоякая: с одной стороны, это обеспечение законности, с другой – охрана субъективных прав граждан, юридических лиц и государства. Указанными задачами и определяется характер возможностей.

Система административных полномочий органов прокуратуры определена через их разделение на внутриорганизационные и внешнеуправленческие.

Административные полномочия органов прокуратуры четко не закреплены ни в одном нормативно-правовом акте. Они перечисляются вместе с другими полномочиями. Большинство таких полномочий

указано только в общем виде, что снижает эффективность управленческих процессов, позволяет руководителям прокуратур и их подчиненным самостоятельно, не всегда правильно, трактовать свои права и обязанности в сфере исполнительно-распорядительной и надзорной деятельности [11].

Основными признаками административных полномочий есть то, что они принадлежат специально определенным субъектам органа государственной власти; закрепленные в соответствующем нормативно-правовом акте; характеризуют возможности должностных лиц по осуществлению общего управления определенным органом или подразделением; имеют специальную процедуру передачи от одного субъекта другому [12].

Ряд ученых определяют административные полномочия органов прокуратуры как закрепленные в законодательстве их права и обязанности, направленные на обеспечение реализации внутриорганизационных и внешнеуправленческих процессов с целью выполнения возложенных на них задач [11].

В силу конституционной функции прокуратуры, направленной на обеспечение и соблюдение законности, трудно однозначно определить особые процессуальные права прокурора. Но его деятельность по делу нельзя ограничивать установленными для лиц, участвующих в деле, правами, поскольку прокурор должен быть наделен правом инициировать замену законного представителя лица, когда последний не имеет права вести дело в суде или ненадлежаще пользуется предоставленными ему полномочиями.

Прокурор как сторона в административном процессе имеет процессуальные права и обязанности. Так, участники дела имеют право: 1) ознакомиться с материалами дела, делать из них выписки, копии, получать копии судебных решений; 2) представлять доказательства; участвовать в судебных заседаниях, если иное не определено законом; участвовать в исследовании доказательств; задавать вопросы другим участникам дела, а также свидетелям, экспертам, специалистам; 3) подавать заявления и ходатайства, давать объяснения суда, приводить свои доказательства, соображения по вопросам, возникающим во время судебного разбирательства, и возражения против заявлений, ходатайств, доказательств и соображений других лиц; 4) ознакомиться с протоколом судебного заседания, записью фиксирования судебного заседания техническими средствами, делать с них копии, подавать письменные замечания по поводу их неправильности или неполноты; 5) оспаривать судебные решения в определенных законом случаях; 6) воспользоваться другими определенными законом процессуальными правами.

Участники дела могут за свой счет дополнительно заказать и получить в суде заверенные копии документов и выписки из них.

Участники дела обязаны: 1) проявлять уважение к суду и другим участникам судебного процесса; 2) способствовать своевременному, всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств дела; 3) являться в судебное заседание по вызову суда, если их явка признана судом обязательной; 4) представлять все имеющиеся у них доказательства в порядке и сроки, установленные законом или судом, не скрывать доказательства; 5) предоставлять суду полные и достоверные разъяснения по вопросам, которые ставятся судом, а также участниками дела в судебном заседании; 6) выполнять процессуальные действия в установленные законом или судом сроки; 7) выполнять другие процессуальные обязанности, определенные законом или судом.

В отличие от административного процесса в уголовном процессе прокурор является основным субъектом совершения уголовного преследования и реализует свою компетенцию как на досудебных стадиях, так и во время судебного производства. В суде прокурор осуществляет надзор за законностью деятельности всех органов расследования, поддерживает обвинение, сформулированное под его наблюдением следователем. Компетенция прокурора является цепью, обеспечивающей связь досудебного и судебного производства, а точнее, следственного обвинения и государственного обвинения [12].

Далее считаем целесообразным проанализировать структуру административно-процессуальной компетенции органов прокуратуры. К компетенционным элементам относятся: а) нормативно установленные цели; б) предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия; в) властные полномочия как гарантированная законом степень принятия решений и совершение действий [5, с. 55-56]. Рассмотрим, как эти элементы определяют официальный (публичный) характер их деятельности, признаваемый принципом административного процесса. Органы прокуратуры имеют в административном процессе четко обозначенный законом предмет ведения.

Административный процесс публичный, поскольку он осуществляется в публичных интересах. «Публичная сфера предполагает сочетание прав и обязанностей в формулу полномочия как «право – обязанность», которую нельзя не реализовать в публичных интересах. Здесь проявляется «автоматизм» действия этой формулы» [5, с. 56].

В общей теории компетенции, как наиболее типичные полномочия государственного органа, выделяются следующие: 1) управляющий;

2) управляет; 3) решает; 4) участвует; 5) нормирует; 6) организует; 7) разрабатывает; 8) указывает; 9) координирует; 10) контролирует; 11) запрещает [5, с. 57]. Эти полномочия характерны для прокурора, который на разных стадиях процесса реализует их с определенной спецификой.

Властные возможности являются ключевым структурным элементом административно-процессуальной компетенции. Только властные полномочия в совокупности с нормативно определенными целями и предметами ведения органов дают основание для того, чтобы утверждать, что тот или иной орган наделен административно-процессуальной компетенцией. Другие стороны процесса (эксперты, защитники) имеют цели и предмет ведения, но у них отсутствуют полномочия.

Выводы по данному исследованию. Итак, административно-процессуальная компетенция носит универсальный характер. Компетенция органов вытекает из принципа публичности и регулируется в основном императивными правовыми нормами, которые с ними сталкиваются (взаимодействуют).

Административно-процессуальная компетенция органов прокуратуры является специальной компетенцией прокуратуры, а с другой стороны, она является общей по отдельным видам процессуальной деятельности этих органов. Компетенция – возложенный на субъекта объем суммарных дел, а административно-процессуальная компетенция органов прокуратуры – это возложенный административным процессуальным законом на органы прокуратуры объем публичных прав в сфере разрешения публично-правовых споров (конфликтов), возникающих в обществе.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/>

2. Матвейчев, Ю. А. Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/images/materials/upik_kafedra/um_materials/Publikazii/

3. Административная реформа: решения и проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mokirov.ru/targeted/development/reform/doklad/problem.php>.

4. Булгакова, Л. С. Участие прокурора в административном судопроизводстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2022_03_08.pdf

5. Теория государства и права: учебник / О.В. Петришин и др.; под ред. О.В. Петришина. – Х. : Право, 2016. – 368 с.
6. Кузнецов, И. Н. Компетенция высших органов власти и управления в СССР / И.Н. Кузнецов. – М. : Юрид. лит., 1969. – 244 с.
7. Основные полномочия правоохранительных органов в сфере борьбы с организованной преступностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otherreferats.allbest.ru/law/00077055_0.html.
8. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 1999. – 528 с.
9. Георгиевский, Ю. В. Компетенция органов общественной власти: теория и практика внедрения: монография / Ю.В. Георгиевский. – М. : Логос, 2015. – 375 с.
10. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М. : Юрид. лит., 1962. – 503 с.
11. Прокуратура как орган административного преследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo/prokuratura_organ_administrativnogo_presledovaniya
12. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urveda.ru/bakalavrskaya/administrativnaya-yustitsiya>.
13. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-polnomochiya-prokurora-v-ug>.

УДК 34.07

DOI 10.5281/zenodo.8172139

АНАЛИЗ МВД РФ КАК ЧАСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ

РАЗБЕЙКО Н.В.,

**старший преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права**

**ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,**

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В данной статье анализируется МВД РФ как часть системы государственных контрольно-надзорных органов России. Используется законодательство Российской Федерации

Ключевые слова: МВД, контроль, надзор

ANALYSIS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS PART OF THE SYSTEM OF STATE CONTROL AND SUPERVISORY BODIES

**RAZBEYKO N.V.,
Senior Lecturer of the Department
Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

This article analyzes the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as part of the system of state control and supervisory authorities of Russia. The legislation of the Russian Federation is used

Keywords: Ministry of Internal Affairs, control, supervision

Постановка задачи. Основанием соблюдения законности является обеспечение дисциплины в государственном управлении, то есть создание условий соблюдения установленных государством норм и правил. Одним из основных способов реализации этого направления выступает контрольно-надзорная деятельность системы государственных органов, наделенных соответствующими полномочиями. Одной из наиболее влиятельных структур в рассматриваемой системе является Министерство внутренних дел, поскольку его специализация наиболее обширна и включает не только функции по охране правопорядка и законности, но и контроль за определенными сферами жизнедеятельности общества. Поэтому определение эффективности осуществления контрольно-надзорной деятельности МВД является актуальным на любом этапе развития общества.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую основу настоящей работы представляют труды таких отечественных и зарубежных авторов, как С.А. Авакьян, А.Б. Агапов, Д.Б. Алексеев, А.П. Алехин, Г.В. Атаманчук, В.Г. Афанасьев, В.К. Бабаев, В.П. Беляев, В.Ф. Волович, О.В. Воронин, Л.В. Гааг, Н.А. Глазунова, В.М. Горшенев, Р. Давид, Н.М. Конин, Б.М. Лазарев, А.В. Мартынов, М.Н. Марченко, Ю.И. Мигачев, Б.Л. Назаров, Л.Л. Попов, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, Ю.А. Тихомиров, В.И. Туровцев, Ю.В. Филимонов О.Н. Чернецкая, В.Е. Чиркин, Н.Д. Эриашвили.

Актуальность обусловлена тем, что в последние годы все больше прослеживается необходимость повышения эффективности и результативности деятельности контрольно-надзорных органов, о чем открыто говорят первые лица государства, а важность предстоящих реформ подчеркивают многие ученые и специалисты. Совершенствование системы органов внутренних дел имеет особое

значение, поскольку их деятельность непосредственно отражается на соблюдении прав и законных интересов общества и его безопасности.

Целью статьи является анализ теоретических аспектов, законодательства и судебной практики и выявление современного состояния МВД РФ как части системы государственных контрольно-надзорных органов.

Объектом исследования является система государственных контрольно-надзорных органов РФ.

Предметом исследования выступает контрольно-надзорная деятельность Министерства внутренних дел РФ.

Изложение основного материала исследования. Система контрольно-надзорных органов в Российской Федерации представлена в соответствии со статьей 112 Конституции РФ [1].

Под государственным контролем и надзором (далее – государственный контроль и надзор) понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Основными способами государственного контроля и надзора является профилактика нарушений, оценка соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством РФ мер по пресечению выявленных нарушений, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений. Органы государственной власти – это федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ [3].

Структура федеральных органов исполнительной власти представлена на рис. 1.

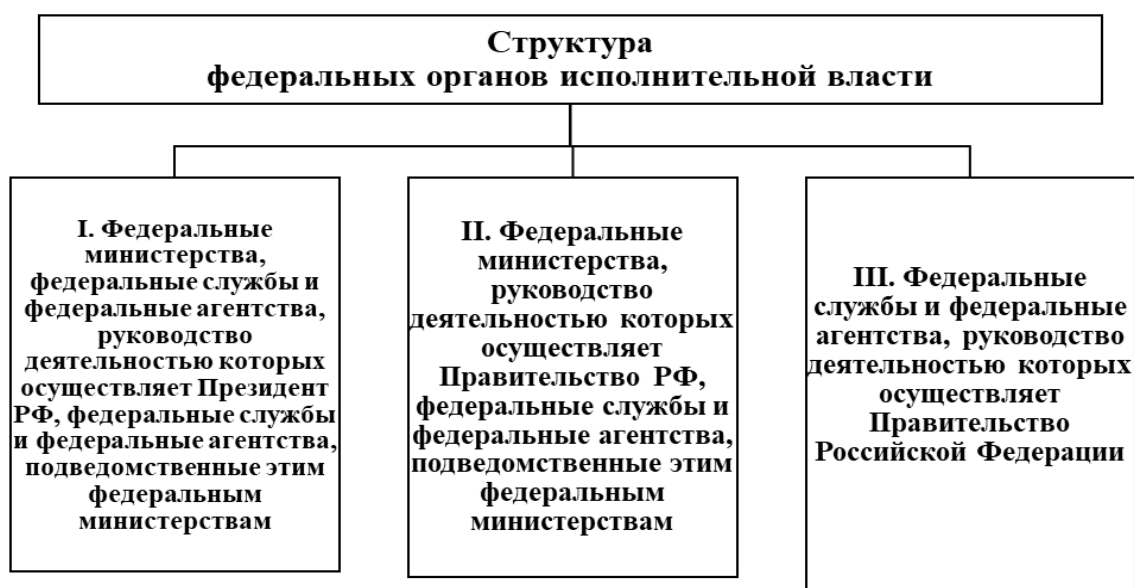

Рис. 1. Структура федеральных органов исполнительной власти [5]

Таким образом, в России сейчас насчитывается около 69 федеральных органов исполнительной власти, в том числе и контрольно-надзорные органы.

Органы исполнительной власти действуют в соответствии с принципами государственного управления, которые представлены ниже на рис. 2.

Рис. 2. Принципы государственного управления [7]

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) является одним из федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации [5]. При МВД России действует общественный совет, который формируется в порядке, установленном Президентом РФ.

МВД действует на основании Положения о Министерстве внутренних дел РФ [6], где закреплены основные задачи и полномочия МВД РФ – является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних

дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел. Базовым элементом системы обеспечения общественного порядка и противодействия преступности является полиция. Приоритеты ее деятельности сформулированы в Федеральном законе «О полиции».

Министерство внутренних дел Российской Федерации при осуществлении федерального надзора относит объекты федерального надзора к одной из следующих категорий риска причинения вреда (далее – категории риска):

- а) чрезвычайно высокий риск;
- б) высокий риск;
- в) значительный риск;
- г) средний риск;
- д) умеренный риск;
- е) низкий риск.

В сфере государственного надзора (контроля) министерство делит свои полномочия с другими государственными органами и службами, исходя из сферы общественных отношений, которые необходимо регулировать.

Например, уполномоченными органами, осуществляющими федеральный надзор, в области безопасности дорожного движения являются:

- МВД РФ и его территориальные органы;
- Министерство обороны Российской Федерации – в части отдельных функций по федеральному надзору в Вооруженных Силах Российской Федерации, возложенных в соответствии с Указом Президента РФ;
- Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации – в части отдельных функций по федеральному надзору в войсках национальной гвардии РФ [8].

Утвержден перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения:

1. Три факта нарушений в области безопасности дорожного движения, допущенных водителями при эксплуатации транспортных средств, принадлежащих на праве собственности или ином законном основании контролируемому лицу, в течение 90 дней с момента выявления первого из указанных фактов.

2. Пять фактов несоответствия идентификационных номеров и (или) идентификационных номеров основных компонентов (кузова,

рамы, кабины) транспортных средств, в отношении которых контролируемым лицом оформлены диагностические карты, содержащие заключение о соответствии транспортных средств обязательным требованиям безопасности транспортных средств, данным, указанным в документах, идентифицирующих транспортные средства, в течение 180 дней с момента выявления первого из указанных фактов [8].

При осуществлении федерального надзора могут проводиться следующие виды профилактических мероприятий:

- а) информирование;
- б) обобщение правоприменительной практики;
- в) объявление предостережения;
- г) консультирование;
- д) профилактический визит.

В Докладе о государственном контроле [3] можно проследить такие разделы, которые наглядно представлены на рис. 3.

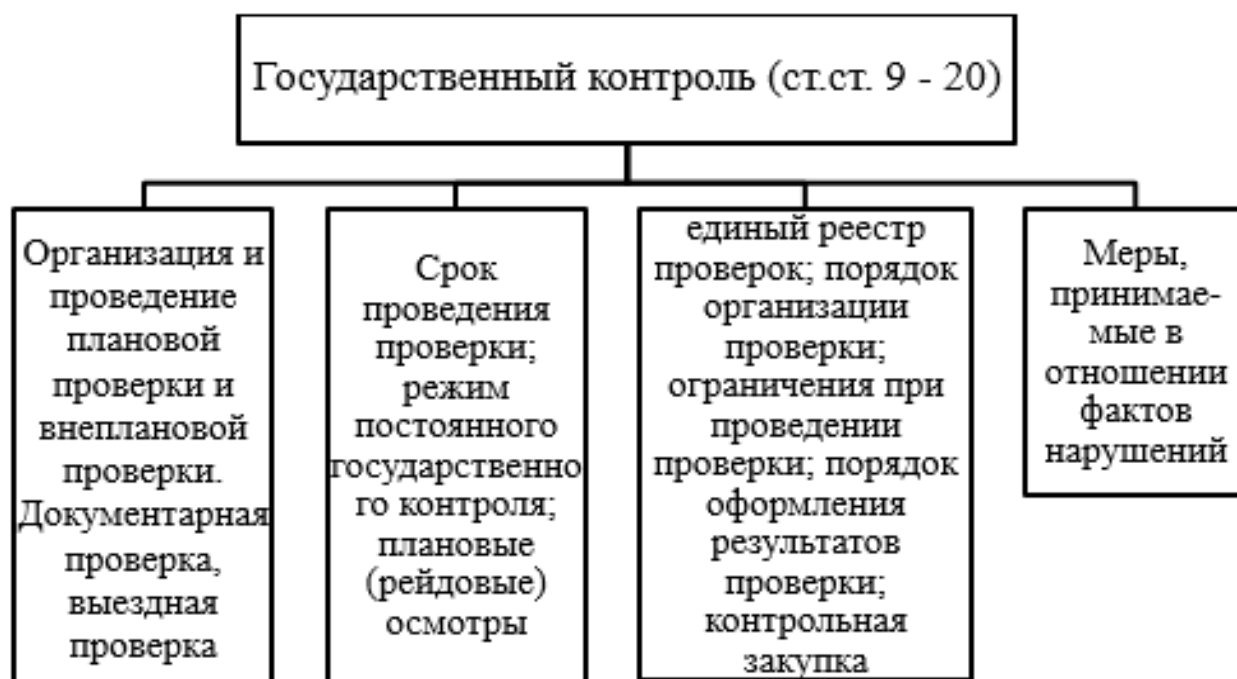

Рис. 3. Разделы в Докладе о государственном контроле [3]

Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ утверждается Президентом РФ [4], например, в Указе Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и

деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Кроме этого, по каждому контрольно-надзорному органу утверждается положение, показатели оценки, форма отчета, регламенты предоставления государственных услуг.

Методическое обеспечение оценки результативности и эффективности государственного контроля (надзора) осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области государственного контроля (надзора) контроля.

Информация об эффективности предоставляется в утвержденном порядке согласно определенным критериям, представленным на рис. 4.

Рис. 4. Информация об эффективности государственного контроля и надзора [7]

Используется мониторинг – это система наблюдения, анализа, оценки и прогноза эффективности государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности на основании соответствующих докладов [9].

Оценка результативности и эффективности деятельности контрольных (надзорных) органов осуществляется по каждому виду контроля на основе системы показателей результативности и эффективности государственного контроля (надзора).

Не допускается установление ключевых показателей вида контроля, основанных на количестве проведенных профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий, количестве выявленных нарушений, количестве контролируемых лиц, привлеченных к ответственности, количестве и размере штрафов, наложенных на контролируемых лиц в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях [2], законами субъектов РФ об административной ответственности.

Для осуществления контроля приняты Приказы МВД РФ:

– Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения [10].

– Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении контролируемым лицом обязательных требований), применяемых должностными лицами МВД России и его территориальных органов при осуществлении федерального государственного контроля (надзора).

Таким образом, нормативно-правовая основа контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел разнообразна и сложна.

При анализе взаимодействия МВД и общества выявлено, что по результатам проведенного ВЦИОМ исследования в 2022 году сотрудникам полиции своего региона доверяют 62% россиян (в 2012 году – 32%) [11]. Такой высокий рост доверия населения к органам внутренних дел зафиксирован впервые за последние десять лет. Этот результат обусловлен различными факторами, в том числе информационной открытостью ведомства и активном взаимодействии органов внутренних дел с гражданским обществом. Во многом это заслуга общественных советов при территориальных органах МВД России. В 2022 году организовано и проведено 380 заседаний общественных советов при территориальных органах МВД России. Помимо заседаний использовались и другие формы работы:

- заседания Президиумов;
- заседания комиссий;
- заседания рабочих групп;
- опросы членов общественного совета и другие.

Выводы. При осуществлении своих полномочий в сфере государственного контроля (надзора) органы внутренних дел опираются на широкий спектр правовых средств, повышение актуальности и эффективности применения которых служит основой для различных исследований. Наличие пробелов и противоречий в нормативно-правовых актах, регламентирующих порядок реализации данных средств, обуславливает необходимость укрепления и структурирования законодательной базы для улучшения процедуры их применения.

Особенностью органов внутренних дел является наличие полномочий не только по выявлению и предупреждению правонарушений, но и применению за них мер юридической ответственности. Существует множество определений понятия «государственный контроль» в разных законах, в науке тоже множество точек зрения по этому поводу. Однако отсутствует четкое разграничение между государственным контролем и надзором, что необходимо исправить в законодательстве РФ.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ от 18 октября 1999 г. – № 42. – Ст. 5005.

5. О структуре федеральных органов исполнительной власти (с изменениями и дополнениями: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 января 2020 г. – № 4. – Ст. 346.

6. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 22.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

7. Об утверждении Правил подготовки докладов об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля (надзора) (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 5 апреля 2010 г. № 215 // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 апреля 2010 г. – № 15. – Ст. 1807.

8. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1101 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 28. – Ст. 5531.

9. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»: Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 // Собрание законодательства РФ. – 24 декабря 2012 г. – № 52. – Ст. 7490.

10. Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения: Приказ МВД России от 13 декабря 2021 г. № 1025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.consultant.ru/documents/1057630>. – (Дата обращения: 08.03.2023).

11. Обзор деятельности общественных советов при территориальных органах МВД России за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.mvd.ru>. – (Дата обращения: 08.03.2023).

**ИНСТИТУТ АПЕЛЛЯЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И
АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

СИЧКАР В.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права;

ЛЕБЕДИНСКАЯ Н.В.,
магистрант кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье путём сравнительного анализа выявляются характерные черты института апелляции в гражданском и арбитражном процессе России, а также поднимается вопрос о принятии единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, актуальность и целесообразность которого с течением времени ставится авторами под сомнение.

Ключевые слова: институт апелляции; обжалование; судопроизводство; судебный акт; гражданский процесс; арбитражный процесс; общие признаки; единый ГПК РФ.

**INSTITUTE OF APPEAL IN CIVIL AND ARBITRATION
PROCEEDINGS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES**

SICHKAR V.A.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

LEBEDINSKAYA N.V.,
Master's student of the Department of Civil and
Business Law,
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article reveals by comparative analysis the characteristic features of the institution of appeal in the civil and arbitration process of Russia, and also raises the question of the adoption of a unified Code of Civil Procedure of the Russian

Federation, the relevance and expediency of which is questioned by the author over time.

Keywords: institute of appeal; appeal; judicial proceedings; judicial act; civil procedure; arbitration process; general features; unified Civil Procedure Code of the Russian Federation

Постановка задачи. В результате принятия единого ГПК РФ существующие в гражданском и арбитражном процессе противоречия будут устранены, а многие правовые коллизии разрешены.

По мнению разработчиков Концепции единого ГПК РФ, основными целями принятия нового кодекса являются:

– устранение противоречий между гражданским и арбитражным процессом с учётом норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ);

– установление новых правил разрешения спорных правовых вопросов;

– сохранение наиболее удачных наработок Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) и ГПК РФ, распространение их на весь гражданский процесс.

Актуальность. Апелляционное судопроизводство предназначено для проверки по требованиям заинтересованных лиц правильности решения, принятого по делу судом первой инстанции, и выполнения действий, обусловленных результатом проверки.

Правильное построение теории и практики апелляционного производства – залог нормального функционирования как арбитражного, так и гражданского судопроизводства в целом, так как в ходе пересмотра дела вышестоящим судом суд вправе не только реагировать на нарушения, но и устанавливать относящиеся к ним факты.

Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – единый ГПК РФ), принятая в не столь далеком 2014 г., была призвана способствовать повышению эффективности российского судопроизводства за счёт унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, однако на сегодняшний день единый ГПК РФ так и не был принят.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучением института апелляции, его признаков в гражданском и арбитражном процессе занимались многие учёные, среди которых Анохин В.С., Борисова Е.А., Коршунов Ю.А., Куемжиева Я.Н., Калиничева Е.П., Никитин С.В. и др. Большинство процессуалистов отмечают множество схожих черт апелляционного производства в этих двух процессах, однако отличия данной стадии судопроизводства тоже имеют место.

Цель статьи: провести анализ и сравнение признаков, присущих

институту апелляции в гражданском и арбитражном судопроизводстве, в результате чего обнаружить сходства и различия апелляционного производства в этих двух процессах. Кроме того, рассмотреть вопрос целесообразности принятия единого ГПК РФ.

Изложение основного материала исследования. Институт апелляции позволяет более полно и обоснованно гарантировать реализацию права на судебную защиту, поскольку обжалование предполагает вторичное рассмотрение дела по существу. Эта стадия необходима для выявления и исправления ошибок, которые могут допускать судьи при вынесении решений. Важным является факт, что в обоих процессах обжалование в апелляционном порядке возможно только для тех решений, которые ещё не вступили в законную силу.

Обновление российского института апелляции в гражданском и арбитражном процессе продиктовано необходимостью системной согласованности правил, повышения гарантий реализации принципов законности, обоснованности и справедливости при отправлении правосудия в России [1, с. 236].

Апелляция в гражданском и арбитражном процессе имеет одни и те же цели, основной из которых является повторное рассмотрение дела по существу заявленного требования в целом или в части в зависимости от содержания апелляционной жалобы.

Процедура пересмотра решения суда как в гражданском, так и в арбитражном процессе обладает рядом типичных характеристик, в том числе:

- с помощью апелляционной жалобы можно оспорить решение суда, пока оно ещё не обрело свою законную силу (п. 1 ст. 320 ГПК РФ, п. 1 ст. 257 АПК РФ);

- разрешение дела в порядке апелляции производится вышестоящей судебной инстанцией (ст. 320.1 ГПК РФ, ст. 258 АПК РФ);

- апелляционная жалоба должна подаваться через суд, принявший оспариваемый акт (ч. 1 ст. 321 ГПК РФ, ч. 2 ст. 257 АПК РФ);

- апелляционная жалоба на решение суда подписывается лицом, направляющим её в суд, или уполномоченным им лицом (ч. 3 ст. 322 ГПК РФ, ч. 1 ст. 260 АПК РФ);

- в апелляционную жалобу не допускается включение новых требований, не заявленных при рассмотрении дела судом первой инстанции (ч. 2 ст. 322 ГПК РФ, ч. 3 ст. 257 АПК РФ);

- постановление суда апелляционной инстанции приобретает юридическую силу в день его принятия (ч. 5 ст. 329 ГПК РФ, ч. 5 ст. 271 АПК РФ) [2, с. 57-58].

Срок подачи апелляционной жалобы одинаков для обоих кодексов – он составляет один месяц с момента принятия судом

первой инстанции обжалуемого решения. Арбитражный суд в свою очередь должен направить её вместе с делом в соответствующий арбитражный суд апелляционной инстанции в трёхдневный срок со дня поступления жалобы в суд.

Говоря о субъектах апелляционного производства, следует сказать, что апелляционную жалобу в рамках как гражданского, так и арбитражного процесса могут подать лица, участвующие в деле, а также не привлечённые к участию в деле лица, если суд принял решение об их правах и обязанностях (ст. 320 ГПК РФ, ст. 257 АПК РФ). Таким образом, круг субъектов апелляционного производства в обоих процессах идентичен.

В случае непринятия апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции суд апелляционной инстанции выносит определение об оставлении апелляционной жалобы без движения с назначением сроков для исправления неточностей или критических ошибок, содержащихся в апелляционной жалобе. Данная обязанность суда регламентирована и не имеет существенных отличий в процессуальных кодексах (ст. 323 ГПК РФ, ст. 263 АПК РФ) [3, с. 93].

Основания возвращения апелляционной жалобы по правилам гражданского и арбитражного процесса не имеют принципиальных отличий и согласуются с основаниями оставления жалобы без движения. Возвращение жалобы оформляется определением суда, которое может быть предметом отдельного обжалования (ст. 324 ГПК РФ, ст. 264 АПК РФ).

В ст. 328 ГПК РФ и ст. 269 АПК РФ указываются полномочия судов апелляционной инстанции. В целом статьи являются тождественными, за исключением п. 4 ст. 328 ГПК РФ о том, что жалоба может быть оставлена без рассмотрения по существу из-за нерешённого вопроса о пропуске срока обжалования решения. Также схожими можно назвать нормы об основаниях для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке. В обоих кодексах основания для отмены нормативных актов нижестоящих судов практически повторяются.

Идентичными также являются статьи о рассмотрении апелляционных жалоб на решения, которые были приняты в порядке упрощённого производства. В этом случае и в гражданском, и в арбитражном судопроизводстве судья будет единолично рассматривать жалобу без вызова лиц, участвующих в деле. Но оба кодекса предусматривают случаи, что при определённых условиях (характер и сложность рассматриваемого вопроса, доводы апелляционной жалобы и возражения относительно апелляционной жалобы) судья может вызвать стороны для участия в судебном заседании [4, с. 18].

Но вместе со сходными чертами институт апелляции имеет свои различия в процессуальном гражданском и арбитражном праве. Рассмотрим некоторые из них.

Уже с первых статей глав об обжаловании двух кодексов видно, что апелляция в гражданском процессе является более широким понятием. В ст. 320.1 ГПК РФ разъясняется, в каком именно суде будет рассматриваться апелляционная жалоба или представление. В ней иерархично указываются суды, начиная с районных судов и заканчивая Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ. В АПК РФ в отдельную статью (ст. 258) выделено наименование суда апелляционной инстанции, в арбитражном судопроизводстве таковым является арбитражный апелляционный суд. В соответствии со ст. 33.1 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в России в настоящее время действует двадцать один арбитражный апелляционный суд [5]. Один суд может принимать на рассмотрение апелляционные жалобы, которые были приняты в нижестоящих судах нескольких регионов одновременно.

Апелляционная жалоба в судах общей юрисдикции проходит предварительную проверку в суде первой инстанции на соблюдение требований к форме, содержанию и приложениям, и только после этого направляется в суд апелляционной инстанции, в то время как в арбитражном процессе суд первой инстанции обязан направить апелляционную жалобу в суд апелляционной инстанции, не проверяя содержание и приложения жалобы, указанная функция принадлежит суду апелляционной инстанции [6, с. 8].

Следует обратить внимание на тот факт, что указанные фактические действия суда общей юрисдикции по проверке права заявителя на обжалование, приемлемости жалобы по сроку её подачи, форме и содержанию совершаются судом без принятия особого процессуального акта.

После поступления дела вместе с апелляционной жалобой в суд апелляционной инстанции последний извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы, представления в апелляционном порядке (ч. 1 ст. 327 ГПК РФ). Указанные фактические действия также совершаются судом без вынесения особого процессуального акта как основания допуска жалобы к апелляционному рассмотрению.

Наличие института некоего «фактического» принятия апелляционной жалобы взамен принятия очевидного и ясного процессуального решения, очевидно, нарушает положение о процессуальной определённости.

Иные правила действуют в арбитражном судопроизводстве. Согласно правилам ст. 261, 262 АПК РФ суд апелляционной инстанции, установив соответствие жалобы требованиям допустимости к принятию, выносит определение о возбуждении производства по апелляционной жалобе. Таким образом, происходит процессуальное фиксирование начала производства в арбитражном суде апелляционной инстанции.

Как отмечает Калиничева Е.П., принцип концентрации, да и обычная логика предполагают, что апелляционные функции, включая распорядительные полномочия в отношении апелляционной жалобы, должны находиться исключительно в компетенции суда апелляционной инстанции. Суд первой инстанции, рассмотревший дело по существу, не может определять процессуальную судьбу действий, направленных на реализацию права на судебное обжалование [7, с. 199].

На наш взгляд, принятие арбитражным апелляционным судом определения о возбуждении апелляционного производства как контрапункта апелляционного процесса имеет несомненные преимущества перед фактическими действиями первой инстанции суда общей юрисдикции, которые, будучи совершены в рамках апелляционного порядка, не получают процессуальной фиксации, что затрудняет контроль информированности участников процесса об актах взаимодействия с судом.

В этой связи представляет интерес п. 22 Постановления № 16 Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» (далее – Постановление № 16 Пленума Верховного Суда РФ), в котором Верховный Суд РФ указал на возможность в целях экономии времени осуществления функции по проверке жалобы на соблюдение формы и содержания судом апелляционной инстанции, а именно: «В случае отмены определения суда первой инстанции об отказе в восстановлении срока на подачу апелляционных жалобы, представления и принятия судом апелляционной инстанции нового судебного постановления о восстановлении этого срока суд апелляционной инстанции направляет дело с апелляционными жалобой, представлением в суд первой инстанции для проверки их на соответствие требованиям ст. 322 ГПК РФ и совершения действий, предусмотренных ст. 325 ГПК РФ. Вместе с тем в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6.1 ГПК РФ) суд апелляционной инстанции вправе не направлять дело с апелляционными жалобой, представлением в суд первой инстанции, если установит, что апелляционная жалоба, представление отвечают всем требованиям ст. 322 ГПК РФ» [8].

Указанным постановлением Верховный Суд РФ фактически попытался исправить недостаток гражданского процессуального законодательства, однако было бы уместно провести соответствующие поправки непосредственно в ГПК РФ, закрепив функцию по проверке формальных требований к апелляционной жалобе за судом апелляционной инстанции.

Ещё одним различием является прописанная в ст. 262 АПК РФ процедура составления отзыва на апелляционную жалобу. Отзыв составляет лицо, участвующее в деле, и поясняет свои возражения касательно жалобы своего оппонента. Отзыв должен быть направлен в суд и другим лицам, принимающим участие в данном деле. В гражданском судопроизводстве процесс подачи отзыва на жалобу или представление не предусмотрен, что, возможно, является упрощением процедуры апелляции, так как участие в арбитражном процессе, как правило, осуществляется более квалифицированными юристами, представителями крупных организаций и других лиц.

Кроме того, в ГПК РФ имеются отдельные статьи, посвященные обжалованию определений суда первой инстанции (ст. 331-335 ГПК РФ), в то время, как в АПК РФ содержатся нормы относительно обжалования решений, при этом подразумеваются и определения. Хотя отдельная норма касательно обжалования определений и приведена в ст. 272 АПК РФ, при этом она носит ссылочный характер. На практике применяется аналогия и вопрос в отношении использованных формулировок отпадает. Вместе с тем, с точки зрения необходимости определённости и точности в процессуальном законодательстве, относящемся в первую очередь к публичному праву, намного уместней указание в АПК РФ на обжалование именно судебных актов, а не только решений [6, с. 9].

Следует отметить, что суть апелляции в гражданском и арбитражном процессах в целом заключается в следующем: при отсутствии нарушений процессуальных норм суд проверяет доводы апеллянта и поступившие на них возражения, не выходя за их пределы.

Вместе с тем законодательство допускает выход за вышеуказанные пределы: ч. 5 ст. 268 АПК РФ указывает на рассмотрение судом вопроса о законности и обоснованности решения только в обжалуемой части, если при этом лица, участвующие в деле, не заявят возражений; полномочия суда общей юрисдикции ещё шире в силу ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ: суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объёме, при этом оговорки про возражения участвующих в деле лиц в норме не содержится.

Не менее существенен следующий момент как в гражданском, так и в арбитражном процессе: в полномочия апелляции суда при рассмотрении апелляционной жалобы на решения не входит направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции (ст. 328 ГПК РФ, ст. 269 АПК РФ).

Исключение составляет упрощённое производство в гражданском процессе (ст. 335.1 ГПК РФ), по правилам которого, при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, а также в случае, если судом апелляционной инстанции признаны обоснованными приведённые в апелляционной жалобе доводы о том, что дело, рассмотренное в порядке упрощённого производства, подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства, суд апелляционной инстанции отменяет решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства.

В отношении ч. 4 ст. 330 ГПК РФ необходимо отметить, что законодатель входит в противоречие с самим собой, так как, исключив полномочие по возврату дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, он вводит данную норму, касающуюся упрощённого производства в ГПК РФ, чем, во-первых, нарушает тезис о невозможности расширительного толкования ст. 328 ГПК РФ. Во-вторых, не совсем понятны мотивы законодателя при введении данной нормы. Получается, что неправильно применённый порядок упрощённого производства является достаточным для возврата дела в суд первой инстанции, однако иные безусловные основания для отмены являются основаниями для пересмотра дела судом апелляционной инстанции по правилам суда первой инстанции.

Также следует отметить, что хотя направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по общему правилу ГПК РФ не допускается, в ст. 53 Постановления № 16 Пленума Верховного Суда РФ указываются основания для отмены решений и отправки их на повторное рассмотрение в суд первой инстанции:

1) при нарушении правил подсудности при рассмотрении дела в первой инстанции суд апелляционной инстанции отменяет решение и передает дело в суд, к подсудности которого законом отнесено рассмотрение этого дела в качестве суда первой инстанции;

2) если суд апелляционной инстанции придёт к выводу о том, что решение суда первой инстанции, принятое только на основании признания иска ответчиком либо только в связи с истечением срока исковой давности или признанием неубажительными причин пропуска срока обращения в суд, без исследования и установления иных фактических обстоятельств дела (ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ), является незаконным и (или) необоснованным, то он на основании ч. 1 ст.

330 ист. 328 ГПК РФ отменяет решение суда первой инстанции. В такой ситуации с учётом положений абзаца второго ч. 1 ст. 327 ГПК РФ о повторном рассмотрении дела судом апелляционной инстанции оно подлежит направлению в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу заявленных требований [8].

Данные основания активно используются в практике. Следовательно, суды, используя данное полномочие, игнорируют его отсутствие в ГПК РФ, а акты толкования права расширяют границы, очерченные гражданским процессуальным законодательством, и создают новые нормы, обязательные для нижестоящих судов [2, с. 60].

Предложения многих учёных о наделении апелляционного суда полномочиями возвращения (передачи) дела на новое рассмотрение в первую судебную инстанцию, а также введённые в действие такие полномочия апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве (ст. 335.1 ГПК РФ), противоречат началам системного регулирования апелляции, правовой идеологии апелляции как способа окончательного разрешения спора и реальным возможностям пересмотра любого дела в апелляционной инстанции с учётом применения особенных или иных специфических правил апелляционного производства, либо без учёта таковых.

Правосудие, единственно правильно понимаемое как справедливый суд, разрешающий спор по закону, не зависит от того, малозначительным или многозначительным по имущественной оценке является спор. Суд, совершённый по правилам упрощённого производства без вызова сторон, без ведения судебного протокола и при иных ограничениях процесса, не может иметь право на ошибки, оправдываемые допустимостью таковых в малозначительных делах. Поэтому апелляционный пересмотр решений упрощённого судопроизводства должен быть не упрощённым, но полноценным с применением всех общих правил апелляционного производства [1, с. 237].

При сопоставлении общих правил об основаниях и содержании полномочий апелляционного суда, действующих при переходе к рассмотрению дел по правилам процесса в суде первой инстанции, и специальных правил, подлежащих применению в аналогичных случаях при обжаловании решений, принятых в порядке упрощённого производства, полагаем необходимыми устранить различий между правилами ГПК РФ (ст. 335.1) и АПК РФ (п. 6.1 ст. 268), регулируемыми вопросы апелляционного пересмотра дел упрощённого производства. Переход к единому регулированию обжалования решений по делам упрощённого производства следует провести на основе правомочий апелляционного суда, предусмотренных правилами АПК РФ, что наилучшим образом охраняет право на доступ к правосудию и принципы правосудия.

Таким образом, институты обжалования судебных решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов имеют как общие, так и различные черты. Некоторые авторы полагают, что необходимо унифицировать порядок апелляционного обжалования. Одной из проблем апелляционной системы в гражданском и арбитражном процессах современной России в течение долгого времени являлось параллельное существование двух инстанций по пересмотру не вступивших в законную силу судебных актов – кассации и апелляции. Они дублировали друг друга, кассация выполняла функции, которые ей не свойственны.

В рамках проводимой в настоящее время судебной реформы, направленной на унификацию гражданского и арбитражного процессов, 8 декабря 2014 г. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ была одобрена Концепция единого ГПК РФ (далее – Концепция). Тем самым был утверждён базовый документ предстоящей полномасштабной реформы российского гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, предполагающей принятие нового единого ГПК РФ, действие которого распространилось бы как на арбитражные суды, так и на суды общей юрисдикции. В результате можно будет упростить сам институт апелляции и обеспечить всех граждан России правом на достойную защиту своих интересов. Отправной точкой для формирования Концепции явилось знаковое обстоятельство – объединение высших судов (Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда РФ).

Авторы Концепции показывают открытость института апелляции для последующих изменений, разрешающих существующие проблемы, и призывают к дальнейшему обсуждению единого кодекса, унифицирующего гражданский и арбитражный процессы.

Несмотря на то, что в течение нескольких лет, предшествовавших принятию Концепции, законодатель вносил точечные изменения в процессуальное гражданское и арбитражное законодательство, проблемы не только устранялись, а всё более усугублялись и вызывали неудовлетворенность населения страны, в том числе и у предпринимательской и юридической общественности. Все это послужило поводом для принятия срочных радикальных мер по совершенствованию ситуации с правосудием в стране [9, с. 54].

В контексте отмеченного можно выделить мнение Председателя Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Крашенинникова П.В. – исторически кодексов, посвященных гражданскому судопроизводству, два – Арбитражный и Гражданский

процессуальные кодексы. В настоящий момент уже три – добавился Кодекс административного судопроизводства. При разработке единого ГПК РФ будет возможность учесть плюсы и минусы применения всех трёх кодексов. По мнению Крашенинникова П.В. цели разработки нового Кодекса усматриваются в устранении противоречий между двумя отраслями норм процессуального права, установлении новых правил разрешения спорных правовых вопросов, сохранении наиболее удачных наработок, существующих как в АПК РФ, так и в ГПК РФ, укреплении альтернативных способов разрешения споров, закреплении существующих видов упрощённого производства, сохранении особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, выявлении кардинальных проблем [10, с. 101].

Концепция единого ГПК РФ – документ в первую очередь теоретического характера. Поэтому крайне необходимо тщательное и плодотворное взаимодействие разработчиков Концепции со всем юридическим сообществом. Данное взаимодействие должно быть открытым и прозрачным. Юридическое сообщество совместными усилиями сможет создать тот процессуальный кодекс, который будет удобен каждому гражданину и близок к состоянию правового совершенства [11, с. 120].

Необходимо отметить, что нет однозначной оценки Концепции со стороны научного сообщества. Одни авторы полагают, что это некий «свод законов XXI века», что новизна в проекте отсутствует и единственное достоинство состоит в устранении противоречий между нормами АПК РФ и ГПК РФ. Ряд других учёных увидели в новом кодексе положительные изменения – это институты представительства, доказательств, судебных расходов [12, с. 43].

Проанализировав саму Концепцию, мнения учёных, можно сказать, что каких-либо глобальных изменений в данном акте не содержится, скорее всего – это систематизация норм, а не их кодификация. Но в то же время небольшое преобразование отдельных институтов и устранение противоречий между гражданским и арбитражным законодательством могут положительно повлиять на судопроизводство.

Выводы по проведённому исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Институт апелляции в арбитражном и гражданском судопроизводстве имеет много общих черт, хотя имеются и существенные различия. Упразднить различия апелляционного производства призван единый ГПК РФ, который начал разрабатываться довольно давно, но на текущий момент так и не был принят.

К тому же в свете сегодняшнего дня необходимость его принятия постепенно теряет свою актуальность, так как процессуальный закон

продолжает активно реформироваться, серьёзные поправки внесены и продолжают вноситься и в АПК РФ, и в ГПК РФ, и в КАС РФ.

Таким образом, хотя не вполне доработанная и завершённая Концепция не устранила многие пробелы и недоработки существующего законодательства и не привела к созданию нового ГПК РФ, она уже сыграла важную роль в совершенствовании гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства.

Кроме того, следует признать, что Концепция является плодотворным и полезным систематическим сводом предложений по вопросам совершенствования полномочий апелляционного суда и иных правил гражданского и арбитражного производства. Вместе с тем, исходя из особенностей дел, отнесённых к предмету регулирования ГПК РФ и АПК РФ, считаем целесообразным и обоснованным сохранение действия ГПК РФ и АПК РФ, соответствующих сохранению отдельных ветвей судебной системы – судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Список использованных источников

1. Виниченко, Е. А. О совершенствовании апелляционного производства в России / Е.А. Виниченко // Научные исследования: теория, методика и практика: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 мая 2017 г.). – Чебоксары : ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. – С. 235-238.

2. Коршунов, Ю. А. Апелляционное производство в российском гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования / Ю.А. Коршунов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 1-1. – С. 56-66.

3. Дерябина, А. С. Сравнение института апелляционного производства в арбитражном и гражданском процессуальных кодексах / А.С. Дерябина // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 15 (27). – С. 92-94.

4. Попов, И. В. Различия апелляционного производства в гражданском и арбитражном процессах / И.В. Попов // Актуальные вопросы юридических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, июнь 2019 г.). – Краснодар : Новация, 2019. – С. 17–19.

5. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ: принят Государственной Думой 5 апреля 1995 г.: одобрен Советом Федерации 12 апреля 1995 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/. – (Дата обращения: 02.12.2022).

6. Рыбкина, К. В. Апелляционное производство в гражданском и арбитражном процессе / К.В. Рыбкина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 32. – С. 6-17.

7. Калиничева, Е. П. Проблемы и пути совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе / Е.П. Калиничева // Университетская наука. – 2020. – № 1 (9). – С. 196-200.

8. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 22 июня 2021 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388238/. – (Дата обращения: 02.12.2022).

9. Анохин, В. С. Концептуальные вопросы общей части нового Гражданского процессуального кодекса РФ / В.С. Анохин // Вестник ВГУ: серия «Право». – 2015. – № 3. – С. 52-66.

10. Никитин, В. В. Проблемы унификации гражданского процессуального законодательства / В.В. Никитин, М.Е. Поскребнев, С.И. Князькин // Российское правосудие. – 2015. – № 5 (109). – С. 100-108.

11. Руднева, Ю. В. К вопросу о концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ / Ю.В. Руднева, П.А. Антось // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 12-2. – С. 118-120.

12. Стрельцова, Е. Г. Новый процессуальный кодекс как итог процессуальной реформы / Е.Г. Стрельцова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 41-46.

УДК 338.2

DOI 10.5281/zenodo.8177186

КОМПЛЕКС МЕР ПО МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ

ЧАНГЛИ В.С.,
канд. экон. наук, доцент
кафедры менеджмента организаций;

ПОХИЛЬКО Е.Д.,
старший преподаватель кафедры юриспруденции
ФГБОУ ВО «Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры»,
Макеевка, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу комплексных мер по минимизации коррупционных рисков. Также в статье проводится анализ в отношении формирования антикоррупционной культуры современного общества.

Ключевые слова: риски, коррупция, культура, борьба, методы, способы

A SET OF MEASURES TO MINIMIZE CORRUPTION RISKS

CHANGLI V.S.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of
Management of Organizations;

POKHILKO E.D.,
Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence,
FSBEI HE «Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture»,
Makeyevka, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of comprehensive measures to minimize corruption risks. The article also analyzes the formation of the anti-corruption culture of modern society.

Keywords: risks, corruption, culture, struggle, methods, methods

Постановка задачи. Многие граждане рассматривают коррупцию как механизм ускорения решения собственных проблем. Обычно обыватели, сталкиваясь с нею, не пытаются отстаивать собственные права, поскольку уверены, что чиновники найдут множество приемов для получения взятки. Толерантное отношение общества к этому явлению объясняется тем, что большинство людей не осознают настоящего масштаба коррупции и ее последствий. Как следствие, сформировался такой опасный феномен, как «коррупционная культура».

Несомненно, основной вклад в развитие коррупции сделало общее падение морали. Это падение, начавшееся до так называемой перестройки, было связано с разочарованием в коммунистических идеалах и усилением культа потребительства (а до того – разрушением религии). Собственно, сам коммунизм уже трактовался как потребительский рай и главные претензии, высказанные к социалистическому строю, касались того, что он не мог обеспечить достойный уровень потребления [1, с. 64].

Таким образом, учитывая анализ ситуации, определим основные проблемы, порождающие высокий уровень коррупции:

1. Системность, функциональность коррупции и толерантность к ней в обществе. Распространение коррупционных способов решения политических, экономических и социальных вопросов и правовых споров позволяет сделать вывод о системности и функциональности коррупции во всех сферах государственной и общественной жизни, даже о формировании такого феномена, как «коррупционная культура».

2. Правовой нигилизм и недейственность принципов верховенства права. Коррупция на уровне формирования органов государственной власти, разработки и реализации управленческих решений перестает быть видом девиантного поведения, приобретая характер общественной нормы и превращаясь в своеобразный инструмент государственного управления. Это подрывает легитимность властных институтов, провоцирует дальнейшее распространение коррупции на низших уровнях управления, способствует утверждению в обществе правового нигилизма и неверия в действенность принципа верховенства права.

3. Пассивность институтов гражданского общества. Отсутствие мощных антикоррупционных общественных организаций общенационального уровня, которые бы эффективно занимались проблемами предотвращения и противодействия коррупции, снижает эффективность антикоррупционной борьбы. Эту ситуацию усугубляет фактор «коррупционной лояльности» институтов гражданского общества. Значительная часть населения считает коррупционное поведение вполне оправданным. Граждане, которые сталкивались с коррупцией, обычно не пытаются отстаивать собственные права законным способом из-за уверенности, что такие попытки будут тщетными [2, с. 48].

Однако было бы неправильно считать, что коррупция является проблемой лишь определенных стран. Это глобальное явление, которое было всегда и везде. Вряд ли можно его искоренить целиком, однако важен уровень распространенности, который следует стараться снизить до минимального. Распространение коррупции становится реальной угрозой международной демократии и международной безопасности. ООН, другие международные организации проводят по указанным вопросам симпозиумы, конгрессы и конференции специалистов, главы государств и парламентов ищут общие пути преодоления этого зла. Именно благодаря совместным действиям всех стран можно надеяться на реальное ограничение влияния организованной преступности и коррупции на демократические принципы мирового сообщества [3, с. 90].

Обзор последних исследований и публикаций. Проблемам разработки механизмов борьбы с коррупцией посвящены работы отечественных и зарубежных ученых. Так, Мельничук Т.В. в своей статье «Антикоррупционная политика: основные направления и новации» пишет, что важно выработать единые подходы к отнесению тех или иных преступлений к коррупционным, учитывая субъекты их совершения, и на этом строить политику борьбы с коррупцией [4, с. 298-308]. Братковский М.Л. в своей статье «Организационно-управленческий механизм противодействия коррупции» рассмотрел коррупцию не только как определенное действие, а как систему

негативных взглядов, установок, способов мышления, которые обуславливаются способом жизни [5, с. 155-160].

Актуальность статьи. В массовом сознании формируется мнение, что коррупционные преступления не причиняют значительного ущерба обществу, поэтому определенные слои населения выбирают не правовые, а коррупционные пути решения повседневных проблем. Честный чиновник часто не устраивает ни население в целом, ни предпринимателей, как его активную часть. В последние годы проблема коррупции стала едва ли не самой насущной среди волнующих граждан и препятствующих экономическому прогрессу страны. Поэтому актуальность представленной темы не может вызывать сомнений. От уровня теоретической разработки коррупции во многом зависят практические результаты, что определяет ее теоретическое и практическое значение для системы правоохранительных органов.

Целью настоящей статьи является обобщение существующего состояния научной разработки и законодательной регламентации правовых и организационных основ предупреждения коррупционных рисков и выявление проблемных вопросов, внесение предложений по их устранению.

Изложение основного материала исследования. Коррупция в нашем обществе составляет одну из главных угроз его развития. На это опаснейшее явление неоднократно обращает огромное внимание руководство Российской Федерации. В то же время само это явление, с одной стороны, мало исследовано, а с другой – хорошо замаскировано от глаз непросвещенного обывателя. Именно поэтому борьба с данным явлением пока крайне неэффективна.

Проведение анализа коррупции как системного явления необходимо начинать с выяснения ее факторов, которые выступают основой коррумпированных общественных отношений. Сами факторы (детерминанты) образуют целостную систему, которая предопределяет влияние на совершение противоправных деяний. Причем одни из них являются непосредственными причинами коррупционных деяний, вторые влияют опосредованно на их совершение, третьи создают благоприятные политические, экономические, психологические условия как для совершения конкретных коррупционных деяний, так и для существования коррупции как явления [6, с. 191].

Таким образом, можно сказать, что указанные факторы способствуют появлению и развитию факторов, которые выступают детерминантами коррупционных деяний – они обуславливают возникновение непосредственных причин и условий коррупционных деяний. В криминологической науке факторы, функционирующие на общесоциальном уровне и создающие благоприятный для

коррупцирования общественных отношений фон, определяют как социальные предпосылки коррупции.

Во избежание лишних дискуссий по поводу определения оптимальных количественно-качественных показателей измерения эффективности и сроков выполнения поставленной задачи целесообразно цель и промежуточные сроки противодействия коррупции определять как необходимость поступательного улучшения показателей уровня коррупции на основе:

- 1) международных рейтингов авторитетных антикоррупционных организаций;
- 2) данных внутренних социологических опросов;
- 3) данных официальной (криминологической) статистики;
- 4) результатов научных криминологических исследований.

Эта, возможно, не слишком быстрая, но простая для анализа эффективности работы стратегия, дающая возможность объективно оценивать деятельность государства и общества в области противодействия коррупции.

Поэтому для анализа вопроса системы противодействия коррупции в ДНР нужно еще раз концентрированно подытожить вышеизложенное: глобальная проблема – коррупция; общая цель – ее максимальная минимизация; эта цель достигается в процессе противодействия коррупции в конкретных формах, определенных субъектами и методами. Сочетание этих субъектов в совместной деятельности, достижение указанной цели всем имеющимся набором способов и в разных формах, собственно, и создает целостную систему противодействия коррупции в ДНР.

Стоит обратить внимание на то, что наибольших успехов в этой области достигают те страны, в которых совершаются взаимосвязанные институциональные, правовые, экономические, культурологические и политические меры, позволяющие контролировать и влиять на криминогенную ситуацию. Однако в странах переходного экономического типа с низким материальным уровнем жизни борьба с коррупцией предполагает выбор приоритетов [7, с. 499]. Это очень важные оговорки, которые должны исключать механическое копирование зарубежных доктрин и теорий. Совершенно понятно, что для отечественных реалий зарубежный опыт составляет лишь небольшую часть материала, необходимого при учете согласования национальной антикоррупционной стратегии, требующей уникального в своем роде и особенно творческого подхода.

Подобного мнения придерживаются и сотрудники органов правопорядка, большинство из которых (55%) поддерживают идею сочетания двух подходов к формированию механизма противодействия

коррупции: учет институциональных, правовых, экономических, культурологических и других особенностей государства, а также заимствования механизмов, успешно апробированных другими странами [8, с. 149].

Соответственно, Донецкой Народной Республике нужен такой же уникальный порядок правового регулирования противодействия коррупции, которое выражается в особом сочетании таких юридических средств, как превентивные антикоррупционные механизмы, правила относительно устранения последствий коррупционных правонарушений, система оснований ответственности за коррупционные правонарушения и правонарушения, связанные с коррупцией, и степень строгости правовых последствий этих правонарушений с целью эффективного противодействия коррупции.

Каждая страна пытается найти свою оптимальную линию противодействия коррупционным правонарушениям, обусловленным, с одной стороны, состоянием, структурой и динамикой коррупции (коррупция неоднородна в разных странах – в одних она чаще всего связана с похищением чужой собственности с использованием служебного положения, в других – получение взяток и т.п.), состоянием экономического развития и особенностями правовой системы и культуры общества, с другой – конкретным содержанием мер по противодействию коррупции [9, с. 50-68].

Мировой опыт противодействия коррупции показывает, что эффективность любых антикоррупционных механизмов зависит, прежде всего, от системности, обоснованности и прозрачности базовых положений. Итак, коррупция, как системная проблема, требует системных подходов к противодействию, которые заключаются в согласованных действиях трех секторов общества: власти, бизнеса и гражданского общества.

Сегодня, учитывая приумноженный опыт, меры по активному противодействию коррупции чаще всего делят на две группы. К первой относят меры по усилению борьбы с коррупционными проявлениями, ко второй – создающие институциональные предпосылки, питающие коррупцию, то есть с признаками потенциальной коррупции чиновником, который при определенных условиях может превратиться в коррупционера. Именно поэтому в европейской практике стратегия системного устранения причин коррупции ориентирована как на противодействие коррупционерам, так и на устранение причин и условий, питающих этот феномен [10, с. 14].

Заслуживает поддержки подход, по которому новая модель уголовно-правового противодействия коррупции должна строиться по принципу «многосторонности», когда уголовно-правовые запреты будут

реализовываться не только в отношении конкретных коррупционных деяний (основной рубеж), но и по поводу, который еще не является коррупционным деянием, но формирует определенный коррупционный риск, наличие которого уже есть общественно опасным (предыдущий рубеж), а также относительно дальнейших объективных проявлений, совершенных в прошлом актов коррупции, оставшихся латентными (завершающий рубеж).

Существует взгляд, согласно которому системообразующим антикоррупционным основанием политики в современных условиях должно стать активное и постоянное противодействие коррупции, основанное на трех главных стратегиях:

– стратегии-осознания, заключающейся в общем анализе ситуации и выработке антикоррупционной стратегии; антикоррупционному гражданскому образованию; построению антикоррупционных коалиций; свободном доступе к информации и независимых СМИ; разработке и внедрении антикоррупционных образовательно-просветительских программ и кампаний;

– стратегии-предупреждения, цель которой: формирование транспарентности органов власти; активное привлечение институтов гражданского общества к деятельности по предотвращению коррупции; уменьшение вмешательства государства в общественные отношения; принятие кодексов этики для чиновников, предпринимателей; снижение административных барьеров;

– стратегии-предотвращения, что предполагает формирование сильной и независимой судебной власти; неукоснительное исполнение закона; общественную экспертизу законодательства на предмет наличия коррупционной составляющей; доступность правовой помощи и защиты граждан [11, с. 13].

Рассматривая коррупцию как системное многоаспектное социально-политическое явление, обращаем внимание на выработку такого же подхода и к разработке действенных антикоррупционных механизмов. Усиление только уголовной и административной ответственности за коррупционные действия не решает эту проблему. В основе антикоррупционных мер есть следующие принципы: признание общественной опасности коррупции; неотвратимость ответственности за совершенные коррупционные деяния; недопустимость слияния властей и бизнеса; недопустимость принятия нормативных актов, допускающих неоднозначное толкование; приоритет превентивных мер борьбе с коррупцией; устранение монополии при принятии решений.

Так, на основании вышеизложенного можно определить, что коррупция чрезвычайно приспособлена к особенностям той или иной

сферы общественной жизни. Для этого меры противодействия, эффективные для противодействия коррупции в одной сфере, могут быть совсем неэффективными в другой.

Зато следует согласиться, что причинами неудачного противодействия коррупции является то, что на самом деле борьба с коррупцией проводится только (обычно) административными и уголовно-правовыми методами, то есть только с последствиями коррупции, хотя этот феномен является не так правовым, как социоэкономическим, политическим и культурным явлением. Это главная методологическая ошибка властей. Опыт стран, в которых уровень коррупции минимален (Финляндия, Дания, Новая Зеландия), убеждает, что применение только репрессивных мер является малоэффективным, а иногда вообще приводит к противоположным результатам. Поэтому антикоррупционная деятельность в государстве должна осуществляться по двум основным направлениям.

Первый – это собственно борьба с коррупцией как с конкретным уголовным или административным проявлением. Она заключается в выявлении, расследовании, прекращении и привлечении к ответственности виновных. Эту задачу по большей части решают правоохранительные органы и суды.

Второе направление – это комплекс, состоящий из экономических, политических, профилактических, культурных, воспитательных и организационных мероприятий, направленных на то, чтобы исключить социально-экономические и политические основы коррупции. Названную задачу решают все органы власти и управления, все структуры гражданского общества.

Черепанова Е.В. обосновывает необходимость введения культурно-репрессивной концепции противодействия коррупции. Основная идея этой концепции заключается в следующем:

1) радикальным средством противодействия коррупции является человеческий фактор, а именно антикоррупционная (в частности, правовая и нравственная) культура граждан;

2) антикоррупционное законодательство и антикоррупционные институты (в частности, органы антикоррупционной юстиции, уполномоченные противодействовать коррупции репрессивными методами) – это только инструменты, эффективность использования которых зависит от состояния указанного человеческого фактора.

Далее ученый продолжает, что основной ошибкой антикоррупционной политики является возвращение иллюзии, будто эффективно противодействовать коррупции можно путем волюнтаристского манипулирования антикоррупционными инструментами при полном игнорировании мер, направленных на

развитие антикоррупционного потенциала человеческого фактора, в частности, антикоррупционной (правовой и моральной) культуры граждан [12, с. 100-105].

Так, наиболее эффективно противодействие коррупции путем устранения основных условий, ее порождающих, в частности:

- низкий уровень жизни государственных служащих и лиц, уполномоченных на выполнение функций государства;

- высокие цены на товары и услуги;

- бездумная конфискационная налоговая политика государства, при котором производителю легче «купить» чиновника и скрыть его посредством прибыли, нежели платить налоги и т.д. Поэтому, чем беднее страна, тем больше коррупционных факторов имеет место на ее территории. Поэтому низкие заработные платы, высокая стоимость жизни, непрозрачные правила ведения бизнеса и другие объективные причины чаще всего служат основаниями для самооправдания тех, кто подвергся давлению обстоятельств и стал участником коррупционного деяния.

Конечно, работник-взяточник с низкой зарплатой находит для себя массу оправданий и мотивов. Поэтому акцент только на разоблачении правонарушений в этом сегменте – малоперспективное, с точки зрения предотвращения коррупции как перманентного явления, поскольку вакантное место разоблаченного займет, с высокой степенью вероятности, лицо с таким же подходом.

Отчего важно осознавать, что действенность эффективна на западе, в богатых и развитых странах, криминологических подходов, приемов и средств в борьбе с коррупцией будет значительно меньше в условиях ДНР, которая находится на пути построения демократического и правового государства.

В современном обществе состояние массового сознания определяется объективными условиями жизни, в частности, информационно-психологическим влиянием на него, под которым у людей формируется соответствующий взгляд на события и факты. Если эти условия не удовлетворяют общество, противодействовать коррупционной преступности трудно. Именно поэтому для успешных реформ повышение уровня правовой культуры становится первоочередным фактором.

Поэтому эффективность предотвращения коррупции зависит от уровня правосознания личности, организации превентивных мер, имеющих быть своевременными, оперативными, убедительными и понятными. Только подобающий уровень правовой информативности по действующему законодательству, его объективности и

справедливости формирует правильное отношение к его выполнению, а соответственно – играет незаурядную роль в предотвращении преступности и правовом воспитании личности.

Все предварительно описанные варианты способов противодействия коррупции ориентированы на предотвращение возникновения мотива или состояния потенциальной готовности лица совершать коррупционное деяние. Работа именно в этом направлении дает наилучшие результаты, но в современных реалиях вероятность их быстрого достижения не такова уже и высока.

Кроме того, реалистичный взгляд на современное общество и, наконец, на универсальную человеческую природу, в частности, не внушает уверенности в том, что высокая правовая культура, общественное сознание, даже при наличии сильной политической воли, будут сдерживать потенциальных субъектов коррупционных правонарушений от неправомерного поведения в условиях экономических кризисов, общественно-политических потрясений и т.д.

Иными словами, перед отечественной криминологией сегодня встает сложный концептуальный выбор. Развиваться в расчете на то, что объективные и субъективные причины коррупции, на которые эта наука имеет наиболее опосредованное влияние, будут устранены в будущем или же, отказавшись от приоритета слишком общей превенции и констатировав текущее положение дел в этой сфере, предлагать для практического воплощения только средства непосредственного предупреждения совершения коррупционных действий (в специальной и индивидуальной форме).

Следовательно, сосредотачиваясь на устранении коррупционных рисков и методах их совершения, необходимо введение жестких процедур, которые позволили бы четко разграничить компетенцию чиновников (функции принятия решений, их реализации и контроля), сузить возможности принятия должностными лицами ответственных решений на личное усмотрение, часто руководствуясь так называемым «ведомственным правопониманием», ввести четкий порядок взаимодействия чиновников и граждан или юридических лиц, сделать прозрачными механизмы принятия решений.

Другими словами, организационно-управленческое средство устранения коррупционных условий – уменьшение количества «взяточных» функций государственной службы, четкое законодательное определение процедур принятия управленческих решений и т.д.

Следует признать и необходимость максимального перевода услуг государства в онлайн в сферах с наибольшими коррупционными рисками.

Также отмечено, что для выработки эффективной государственной политики противодействия коррупции должна быть построена концепция комплексного воздействия на проявления коррупции, которая, среди прочего, включает проведение полноценной судебной реформы; обеспечение уголовной юстиции эффективными антикоррупционными методиками.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что титульной (первоочередной и главной) формой противодействия коррупции является предотвращение ее. Эффективность субъектов и способов противодействия коррупции – потенциально самая высокая именно в этой форме. Качественное предотвращение коррупции путем устранения ее причин (условий) и возможностей совершения коррупционных действий закономерно сводит к минимуму необходимость дальнейшей деятельности компетентных субъектов в сфере выявления таких действий и привлечения виновных к ответственности.

Наличие таких социальных явлений, как бедность, низкое правовое сознание общества, отсутствие политической воли и тому подобное, неизбежно приводит к коррупции. Эта социальная закономерность носит универсальный характер и применима ко всем социумам и странам. Соответственно, чем серьезнее (глубже) указаны проблемы в конкретном государстве, тем выше интенсивность первичного возникновения и дальнейшего развития коррупции. Предотвращение коррупции путем устранения этих причин является наиболее эффективным способом решения проблемы (но на определенном этапе развития оно может оказаться доступным далеко не всем странам).

Соответственно, выявление (раскрытие) коррупционных деяний будет считаться эффективным только в случае его продолжения («перерастания») в процессе привлечения виновных к ответственности. Это свидетельствует о неразрывности этих двоих компонентов и их особую системную связь с учетом высокой степени латентности коррупции. Соответственно, факт выявления (раскрытия) коррупционного деяния не может считаться завершенным результатом противодействия коррупции.

Этот результат наступает только после законного решения вопроса о привлечении виновного к юридической ответственности и назначении справедливого (адекватного) наказания (взыскания). Сам факт

выявления (раскрытия) совершенного коррупционного деяния в процессе противодействия коррупции является его промежуточным этапом и имеет исключительно предварительное криминологическое значение.

Следовательно, можно говорить о возможности вывода условной матрицы эффективности форм и способов противодействия коррупции. Она отражает закономерность, согласно которой усилия субъектов антикоррупционной деятельности по противодействию коррупции прямо пропорционально влияют на ее уровень, в зависимости от последовательности применения способов противодействия.

Выводы по данному исследованию. Эффективность противодействия коррупции напрямую зависит не только от оперативных и процессуальных возможностей уполномоченных субъектов, но и от правильного распределения объектов меры пресечения, приоритетности мер предотвращения и этапов их применения.

Чем выше эффективность профилактических мер, принятых на этапе выявления и устранения причин коррупции, тем меньше объем меры пресечения применяется на этапе устранения возможностей (условий) для совершения коррупционных деяний и т.п.

Устранение объективных и субъективных причин коррупции требует длительного времени и зависит от множества непредсказуемых факторов.

Следовательно, чрезмерный акцент на этой части системы противодействия коррупции – малоперспективный с точки зрения быстрого получения результата. Акцент на последнем этапе противодействия – выявление (раскрытие) коррупционных действий и привлечение виновных к ответственности – наименее производителен в силу:

- 1) особой латентности коррупции как ее неотъемлемой качественной характеристики;
- 2) того, что коррупционное деяние уже совершенное и причинило вред обществу;
- 3) того, что на этом этапе происходит правовое реагирование на следствие, а не на причины и условия, вызывающие коррупцию.

Список использованных источников

1. Юрковский, А. В. Правовые основы противодействия коррупции / А.В. Юрковский // Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2018. – 243 с.

2. Макаrchук, В. С. Общая история государства и права зарубежных стран / В.С. Макаrchук. – М. : Право, 2010. – 141 с.
3. Нисневич, Ю. А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями / Ю.А. Нисневич // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 3. – С. 90-100.
4. Мельничук, Т. В. Антикоррупционная политика: основные направления и новации / Т.В. Мельничук // *Правовые инновации в сфере противодействия коррупции*. – 2012. – № 10. – С. 298-308.
5. Братковский, М. Л. Организационно-управленческий механизм противодействия коррупции / М.Л. Братковский // *Современные проблемы государственного управления различными сферами и отраслями экономики: сб. науч. работ*. – Донецк, 2010. – С. 155-160.
6. Алексеев, С. С. Государство и право: начальный курс: учебное пособие / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1993. – 175 с.
7. Thirlway, H. *The Sources of International Law*. 2th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. – XXII. – 247 p.
8. Охотский, Е. В. Коррупция: сущность, меры противодействия / Е.В. Охотский // *Социс*. – 2009. – № 9. – С. 26-33.
9. Клямкин, И. М. Теневая Россия: учебное пособие / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 592 с.
10. Улизко, К. А. Правовая характеристика некоторых изменений законодательства о противодействии коррупции / К.А. Улизко // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. – 2009. – № 5 (13). – С. 26-29.
11. Идрисова, С. З. Становление и развитие законодательного обеспечения противодействия коррупции в сфере деятельности государственных служащих / С.З. Идрисова // *Арбитражный и гражданский процесс*. – 2013. – № 9. – С. 49-57.
12. Черепанова, Е. В. Противодействие коррупции в государственном управлении / Е.В. Черепанова // *Журнал российского права*. – 2017. – № 4. – С. 100-105.

РАЗДЕЛ 3

**Теория и история права и государства; история правовых учений;
международное публичное право; международное частное право**

УДК 340.12-044.963:330.101.8-027.583

DOI 10.5281/zenodo.8167964

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ДЕСТРУКТИВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

**ЕГОРОВА Ю.В.,
канд. юрид. наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье раскрыты особенности такого социально-экономического феномена, как «теневая экономика», её влияние на развитие и функционирование современного правового государства. Определены основные направления теневой экономики, приводящие к деструктивизации социально-правового развития страны. Сделан вывод о роли государства, как главного управленческого механизма в деятельности субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: теневая экономика, теневилизация экономической деятельности, социальная трансформация, экономическая нестабильность, экономическая безопасность, национальная безопасность

SHADOW ECONOMY AS A FACTOR OF DESTRUCTIVIZATION OF SOCIAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE STATE

**EGOROVA J.V.,
Candidate of Judicial Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Theory
and History of State and Law,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article reveals the features of such a socio-economic phenomenon as the «shadow economy», its impact on the development and functioning of the modern right-wing state. The main directions of the shadow economy leading to the destructivization of the socio-legal development of the country are identified. The conclusion is made about the role of the state as the main management mechanism in the activities of business entities.

Keywords: shadow economy, shadowization of economic activity, social transformation, economic instability, economic security, national security

Постановка задачи. В условиях нарастания процесса социальной трансформации современного социума, реформации и модификации его социальных установок, в соответствии с требованиями существующего миропорядка, возрастает роль обеспечения эффективного удовлетворения экономических потребностей населения, исключение возможности ограничения экономических интересов как отдельного индивида, так и государства в целом. Должный уровень поддержания данных показателей в норме выступает одним из ключевых элементов обеспечения экономической безопасности государства, является основой для сохранения нормального функционирования его общества.

Экономическая безопасность выступает как совокупность институциональных признаков государства, определяющих целостное, сбалансированное становление государства как части мирового хозяйства; такое положение экономики и институтов власти, при котором гарантируется защита национальных интересов [1, с. 49]. В этом механизме государство играет первостепенную роль, что обусловлено функционированием особого аппарата управления и принуждения, посредством которого происходит упорядочение общественных отношений и установление правил поведения, нарушение которых способно повлечь за собой реакцию государства в виде применения конкретных мер воздействия.

Актуальность. Исходя из того, что современное состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов, одним из которых выступает обеспечение экономической безопасности государства, как гарантии независимости страны, условия стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, особую актуальность приобретает проблема увеличения числа совершения экономических преступлений. К экономическим преступлениям относятся уголовно наказуемые общественно опасные деяния, совершаемые в процессе осуществления легальной экономической деятельности и/или под прикрытием ее институтов [2, с. 72]. В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) преступлениям в сфере экономики посвящен отдельный раздел, который включает отдельные главы со статьями о преступлениях против собственности, в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях [3].

Так, данные категории преступлений, в силу своей особой общественной угрозы, отличаясь высокой латентностью, негативно воздействуют на нормальное функционирование и развитие национальной экономики, наносят значительный финансово-экономический ущерб, что в совокупности приводит к потере социально-экономической устойчивости, а вместе с тем происходит

дестабилизация общего состояния экономической и национальной безопасности государства. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о решении проблем, связанных с теневой экономикой. Данное социальное явление чаще всего исследователями рассматривается как экономическая категория, отражающая сложную систему экономических отношений, уклоняющаяся от закона и имеющая нелегитимные элементы деятельности в своей структуре. Довольно точным представляется определение, выдвинутое С.Г. Верещагиным, который предлагает рассматривать теневую экономику, прежде всего, как «...неконтролируемый обществом сектор общественного воспроизводства в ходе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ и предпринимательских способностей, скрывааемых от органов государственного управления и контроля экономических отношений между хозяйствующими субъектами по использованию государственной, негосударственной и криминально нажитой собственности в целях извлечения сверхдоходов (сверхприбыли) для удовлетворения личных и групповых потребностей небольшой части населения страны» [4, с. 40].

Исходя из этого, можно предположить, что целью теневой экономики выступает выработка её субъектом специфических приёмов и способов, направленных на осуществление своей деятельности путём «обхода закона», что, в свою очередь, демонстрирует недостаточную совершенность законодательной базы, устанавливающей регуляторы и правила для того или иного вида деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные теоретические положения относительно правовой природы теневой экономики и её влияние на развитие отдельных сфер государственной деятельности были предметом исследования в общетеоретической и отраслевой литературе. Так, особую ценность представляют труды таких учёных, как В.К. Бабаев, А.Б. Венгеров, С.Д. Головин, Р.Ф. Иванов, И.А. Исаев, Ю.Г. Козлов, А.А. Крылов, Ю.П. Курочкин, В.С. Нерсесянц, А.С. Никифоров, К.А. Улыбин, А.А. Шурус.

Целью статьи выступает комплексный анализ такого социально-экономического явления, как «теневая экономика», её влияние на уровень развития и функционирования современного правового государства, а также разработка практических рекомендаций по противодействию теневой экономике с целью обеспечения экономической безопасности страны.

Изложение основного материала исследования. Вопрос теневой экономики рассматривается довольно остро на уровне различных государств. Выступая фактором экономической нестабильности, процесс теневизации экономических процессов, запрещенных

законодательством, провоцирует повышение уровня преступности коррупционной направленности. Важное значение в данной области играет законодательная урегулированность вопросов, касающихся беспрепятственного правомерного осуществления экономической деятельности, как одного из основных конституционных прав человека и гражданина. Так, согласно ст. 34 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [5]. Наряду с этим Конституция РФ закрепляет, что обеспечение экономической безопасности России является важнейшей функцией государства, делом всего русского народа, что подчёркивает значимость вопросов минимизации и устранения угроз, способных нанести социально-экономический ущерб государству, в том числе путём осуществления деятельности, носящей латентный незаконный характер.

Между тем отдельные вопросы по борьбе с экономической преступностью нашли своё отражение в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6]. Закон содержит ряд мер преимущественно административного характера по сокращению уровня коррупции в стране, а также меры по их профилактике.

Стоит отметить, что в силу своего динамического характера общественных отношений, складывающихся в экономической сфере, нормативно-правовая база, устанавливающая правовое регулирование в сфере борьбы с экономической преступностью, постоянно дополняется и совершенствуется.

Теневая экономика как социально-экономическое явления существует во всех странах, отличаясь лишь по своему объёму в зависимости от преобладающих факторов соответствующего региона. Причиной возникновения теневой экономики чаще всего является наличие законодательной несовместимости или противоречия норм с объективно существующими правилами, выработанными практической деятельностью в экономической сфере.

Исходя из анализа научных исследований, посвященных вопросу определения сущности «теневой экономики», стоит отметить, что авторами не достигнут консенсус относительно однозначного понимания данной категории, что обусловлено различием во взглядах основных целей и задач, которые включает в себя теневая экономика и теневизация сфер деятельности в целом. Стоит отметить и тот факт, что данное явление не рассматривается авторами исключительно в негативном аспекте, так большинство исследователей рассматривают

теневую экономику не только как паразитарную, но и как производящую товары и услуги, что позволяет произвести типологизацию данной категории [7, с. 277].

Можно выделить три сектора теневой экономики: – «белая» («беловоротничковая»); – «серая» («неформальная»); – «черная» («подпольная») [8, с. 57]. Так называемая белая теневая экономика представляет собой деятельность, при которой субъект её осуществления прибегает к двойственному толкованию законодательных норм, которые в силу существующего пробела в законодательстве не могут однозначно быть признаны незаконными.

Экономическая деятельность, производители которой уклоняются от официального учета, не желая нести расходов, связанных с получением лицензии и уплатой налогов, относится к понятию «серой» теневой экономики.

«Черная» теневая экономика обособлена от официальной экономики и представляет собой запрещенную законом экономическую деятельность, связанную с производством и реализацией запрещенных товаров и услуг. К ней относят продажу оружия, наркотических веществ, различную криминальную деятельность. Однако к ней же, как и к «серой» теневой экономике, относят коррупцию с разницей лишь в последствиях, связанных с этим экономическим преступлением [9, с. 75].

Несмотря на то, что некоторыми авторами теневая экономика не рассматривается как отрицательное явление, наличествующее в обществе, стоит указать, что с точки зрения формирования модели правового государства и исключения проблем, преобладающих в законодательной системе, рассматриваемая нами категория выступает неблагоприятным фактором в связи с деструктивным признаком в своей основе.

Изучая вопрос влияния теневой экономики на общее состояние государственной системы и её общественного сектора, можно выделить злокачественные направления, дестабилизирующие общую функциональную структуру государства. Теневизация экономической деятельности искажает действительную социально-экономическую картину мира в целом путём сокрытия подлинных показателей отдельных частей предпринимательской или иной трудовой деятельности. При выработке государственных мер по устранению существующих проблем в экономическом секторе, с учётом скрытых данных, теоретические подходы не будут соответствовать целям, которые устанавливаются государством, тем самым не будет достигнут предполагаемый эффект от стратегических задач.

Негативным аспектом проявления теневой экономики выступает уменьшение доходов государства за счёт поступления денежных ресурсов в безналоговую сферу. По справедливому замечанию А.А. Лыкова, «...в результате уклонения от выплаты налогов и социальных платежей в бюджет государства поступает меньше средств на реализацию социальных программ, развитие инфраструктуры и общества, следствием чего является многоплановое ослабление экономики» [10].

Проявление теневой экономики также свидетельствует о возможности обхода законодательства в силу допущенных ошибок при формулировании правовых норм. Данный факт говорит о ненадлежащем качестве законодательства, о проблемах законодательной техники или, в отдельных случаях, может свидетельствовать о некомпетентности самого законодателя, что выражается в низком уровне профессиональной подготовки, наличии пробелов в его знаниях в области теории права и практики правоприменения и др.

Наиболее глобальной проблемой, которая выступает первопричиной деструктивизации социально-правового развития государства, является допущение аппаратом его управления пренебрежения законом, путём использования субъектом теневой экономики, при осуществлении своей деятельности, противоправных методов ведения хозяйства. Как следствие, происходит подрыв доверия к действующему правовому механизму государства, распространению случаев теневизации в силу её безнаказанности. Таким образом, в глобальном масштабе развивается правовой нигилизм, как ответная реакция на невозможность контролирования государством одной из сфер своей деятельности правовым путём. Так, сама возможность получения прибыли через нарушение установленных нормативных регуляторов обесценивает закон и ведет к криминализации правосознания даже тех граждан, которые не связаны с теневым сектором экономики и осуществляют свою деятельность с соблюдением предусмотренных государством требований [10].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. На основании проведенного анализа стоит подчеркнуть важность государства, как главного управленческого механизма в деятельности субъектов хозяйствования, способного задавать определенный вектор экономическим процессам, первостепенной задачей которых выступает реализация общественных интересов и минимизация негативных и кризисных явлений в экономике. Именно государство через систему своих органов и

должностных лиц формирует ту инфраструктуру, ту институциональную среду, которая способствует согласованию экономических интересов различных субъектов [11, с. 82].

Сложность достижения указанных целей состоит в противоречии экономических интересов, как внутреннего источника движения и развития экономических отношений, и поиска компромисса с законодательными рамками. Однако нормативная несогласованность с действующими экономическими процессами может спровоцировать негативные явления в виде теневизации различных видов экономической деятельности. В этом случае перед государством стоит особая задача, которая заключается в выработке мер по борьбе с теневой экономикой и пресечением дальнейших случаев её распространения. Достижение указанной задачи возможно при комплексном подходе к её реализации путём борьбы с преступлениями в структуре теневой экономики, а также путём улучшения условий для функционирования легальной деятельности субъектов экономической деятельности. Данные направления в совокупности с постоянным мониторингом состояния экономической безопасности и усовершенствованием законодательной базы с учётом всех изменений, происходящих в экономической сфере, будут способствовать повышению уровня развития экономического потенциала государства в глобальном экономическом пространстве.

Список использованных источников

1. Туфетулов, А. М. Экономическая безопасность теневого сектора экономики в финансовом секторе / А.М. Туфетулов, Д.А. Зульфакаров, Э.Р. Валиуллина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 10-1. – С. 48-55.

2. Меньшикова, Е. А. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России и ее регионов / Е.А. Меньшикова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2020. – № 1 (56). – С. 71-80.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – (Дата обращения: 25.02.2023).

4. Верещагин, С. Г. Политика государства по борьбе с теневой экономикой, уклонением от уплаты налогов и противодействию легализации «грязных денег» / С.Г. Верещагин // Бизнес в законе. – 2006. – № 3-4. – С. 38-55.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 Г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%EA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF&sort=-1>. – (Дата обращения: 25.02.2023).

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/. – (Дата обращения: 25.02.2023).

7. Нафиков, И. С. Понятие теневой экономики (в контексте ее изучения как материальной основы организованной преступности) / И.С. Нафиков // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 12. – С. 277-284.

8. Кунявский, С. С. Теоретические аспекты теневой экономики / С.С. Кунявский // Форум молодёжной науки. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 55-66.

9. Теневая экономика: экономические преступления / Е.А. Болотнова и др. // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 38 (6). – С. 74-79.

10. Лыков, А. А. Юридическая природа теневой экономики и направления противодействия ей / А.А. Лыков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-tenevoy-ekonomiki-i-napravleniya-protivodeystviya-ey>. – (Дата обращения: 27.02.2023).

11. Иода, Ю. В. Реализация основных функций государства в контексте удовлетворения общественных интересов / Ю.В. Иода // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 7 (29). – С. 77-86.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

МАТВИЕНКО Е.А.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье раскрыты особенности развития прав и свобод человека и гражданина в контексте модернизации общественных процессов с учётом интернационализации и глобализации современного миропорядка. В данной работе проведено сравнительное исследование качественных сторон понятий «интернационализация» и «глобализация», определено их соотношение и значение для реализации прав и свобод. Сделан вывод о том, что указанные процессы должны быть не только формально закреплены в нормативных актах государств, но и воплощены в жизнь в условиях преодоления негативных последствий глобализации и новых глобализационных рисков.

Ключевые слова: институт прав и свобод, реализация и защита прав и свобод человека и гражданина, общественные процессы, интернационализация, глобализация, «Индустрия 4.0», глобальные вызовы, модернизация права

HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALIZATION AND GLOBALIZATION OF SOCIAL PROCESSES

MATVIENKO E.A.,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of
Theory and History of State and Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article reveals the peculiarities of the development of human and civil rights and freedoms in the context of the modernization of social processes, taking into account the internationalization and globalization of the modern world order. In this paper, a comparative study of the qualitative aspects of the concepts of «internationalization» and «globalization» is carried out, their correlation and significance for the realization of rights and freedoms are determined. It is concluded that these processes should not only be formally enshrined in the normative acts of

states, but also implemented in the conditions of overcoming the negative consequences of globalization and new globalization risks.

Keywords: *institute of rights and freedoms, realization and protection of human and civil rights and freedoms, social processes, internationalization, globalization, Industry 4.0, global challenges, modernization of law*

Постановка задачи. Политика любого современного государства должна быть направлена, в первую очередь, на развитие концепции так называемого «государства всеобщего благоденствия». Суть данной терминологической структуры подробно изложил социолог Т.Х. Маршалл, который описал современное государство, как особенную отличительную комбинацию демократии, благосостояния и капитализма. Именно эти составляющие в комплексе могут обеспечить гармоничное развитие производственных отношений и обеспечить качество жизни населения, путём соблюдения гарантированных прав и свобод человека.

Проблемы соблюдения, реализации и защиты прав и свобод человека всегда находились, находятся и будут находиться в центре внимания в связи со своей особой ролью определяющего фактора развития и прогрессивности страны. В настоящее время государство претерпевает качественные изменения почти во всех сферах своей деятельности в связи с приходом четвертой промышленной революции, известной также под названием «Индустрия 4.0», ключевыми аспектами которой являются возникновение и распространение совокупности новых цифровых технологий как новой фазы в развитии мировых глобализационных процессов. Как справедливо указывают Бурьянов С.А. и Бурьянов М.С., глобальные процессы 4.0 – новый этап развития общества – совокупность процессов, направленных на формирование единой общественной системы, а также техносферы, сил природы и космоса, основанных на инновационных цифровых технологиях [1, с. 88]. Однако, несмотря на, несомненно, положительные стороны указанного явления, обратной стороной технологического прогресса являются его глобальные вызовы 4.0 – новые глобальные негативные последствия планетарного масштаба (цифровые милитаризация, неравенство, тотальная слежка, угрозы кибербезопасности и др.) в сфере складывающихся постиндустриальных общественных отношений, связанные с внедрением инновационных цифровых технологий и несущие угрозы правам человека [2, с. 290].

Актуальность. Внутригосударственные изменения, которые диктует современное общество и происходящие в нём метаморфозы в связи со стремительной цифровизацией, не всегда выступают положительным явлением для создания благоприятных условий

жизнедеятельности как отдельного индивида, так и общества в целом в силу отсутствия законодательно-закрепленного стратегического видения дальнейшей регламентации качественно новых общественных отношений. Данный процесс может порождать ряд существенных нарушений в сфере регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, а именно: умаление основополагающих прав человека, создание обстановки, препятствующей удовлетворению жизненно важных потребностей, необходимых для нормального функционирования общества в целом, распространение факторов, провоцирующих социальное неравенство и т.д.

Исходя из этого, в условиях обострения новых глобальных вызовов, вызванных реформированием привычного уклада жизни, возникает потребность в выработке такой модели государственного управления, при которой права и свободы человека и гражданина не будут ущемлены, а система новых возможностей будет объективно отвечать новым реалиям, преодолевая социальную дифференциацию и при этом не будет создавать препятствий для нормального функционирования всей системы планетарных отношений.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос юридической природы прав человека и механизма их реализации в условиях глобализации, получили научное освещение в исследованиях многих учёных. Особую актуальность по вопросам прав и свобод человека имеют труды таких ученых, как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, А.Г. Бережнов, С.А. Бурьянов, Н.В. Витрук, Л.И. Глухарева, В.М. Горщенин, Н.В. Колотова, С.А. Комаров, В.В. Лазарев, Е.А. Лукашева, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, Н.И. Матузов, В.С. Нерсисянц, Т.А. Сошникова, Т.Н. Радько, И.В. Ростовщиков, Ф.М. Рудинский, В.Н. Сальников, В.А. Туманов, Л.С. Явич и др.

Целью статьи выступает комплексный анализ понятий «глобализация» и «интернационализация», как сущностных категорий в контексте развития прав и свобод человека в условиях современной действительности.

Изложение основного материала исследования. Процессы, протекающие в мировом сообществе, непременно получают свою оценку и объяснение со стороны различных научных деятелей. Это обогащает научные представления и научное знание в той или иной отрасли, однако многообразие подходов к определению ключевых признаков и качественной характеристики понятия и содержания явления создаёт не просто плюрализм точек зрения относительно его природы, но и приводит к путанице, противоречию и проблеме однозначной трактовки и разграничения смежных категорий, что в последующем на практике вызывает ряд коллизий.

В связи с этим, в рамках данного исследования, целесообразным выступает изучение терминологических и сущностных особенностей понятий «глобализация» и «интернационализация», их соотношение друг с другом и взаимное влияние на формирование основных прав и свобод человека. Анализ научной литературы показал, что исследователи, при разработке своего авторского определения категории «глобализация» основной акцент делают на комплексном, многостороннем характере её процессов. Глобализация, как многогранное явление современности, не ограничивается одной определенной сферой, а затрагивает все стороны общественной жизни.

Первую трактовку термина «глобализация» относят к американскому социологу Р. Робертсону, который в 1985 году истолковал это понятие, как «совокупность процессов, делающих единым социальный мир» [3, с. 21].

Интересной представляется трактовка О.Ф. Русаковой, которая раскрывает понимание глобализации через призму «объективного процесса интернализации всех сфер общественной жизни, связанного с углублением международного разделения труда, с развитием постиндустриальных технологий и мировых коммуникационных систем, с проявлением экстерриториальных сфер социальной жизни, со «сжатием» социального пространства и времени [4, с. 108].

Английский ученый Р. Робертсон глобализацию воспринимает, как «сжатие» мира и усиление взаимозависимости всех его частей, что сопровождается все более распространенным осознанием целостности, единства мира [5, с. 81].

В свою очередь, В.М. Коллонтай при исследовании природы западных концепций глобализации указывает, что «... это специфический вариант интернационализации хозяйственной, политической и культурной жизни человечества, ориентированный на форсированную экономическую интеграцию в глобальных масштабах с максимальным использованием научно-технических достижений и свободно-рыночных механизмов и игнорированием сложившихся национальных образований, многих социальных, культурно-цивилизационных и природно-экологических императивов» [6, с. 25].

Таким образом, понятие «глобализация» можно представить в качестве совокупности процессов, происходящих на уровне мировой системы, компоненты которой находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности между собой и поэтому выступают эффективным механизмом в построении целостной и гармоничной структуры общественных отношений.

Обобщая обозначенные подходы, следует выделить сущностные характеристики глобализации применительно к институту прав и свобод человека. Так, по справедливому утверждению Гарчевой Л.П.,

глобализацию прав человека необходимо рассматривать как процесс воздействия различных факторов международного значения (экономических, политических, культурных и информационных) на права человека в отдельных странах; взаимозависимость социального состояния индивида от жизни народов и человечества в целом, и, наоборот; это универсализация позитивного мирового опыта в области прав человека, признание и закрепление универсального статуса прав и свобод человека, их защиты на международном уровне [7, с. 17].

В свою очередь, «интернационализация» в научной литературе трактуется, как долговременный исторический процесс установления устойчивых разнообразных отношений между различными социальными общностями [8, с. 82].

Так, Н. Косолапов считает, что «интернационализация» предполагает выход чего-то сугубо внутреннего за начальные рамки или же объединенные действия нескольких субъектов мировой экономики и политики вокруг общих для них задач, целей, видов деятельности [9, с. 5]. Исходя из этого, интернационализацию следует рассматривать в качестве составляющей глобализации, которая имеет своей целью осуществление процессов конвергенции, независимо от национальных или идеологических притязаний современного общества, усиление схождения норм о правах, стратегии их защиты и реализации, а также использование универсальных средств международно-правового характера для создания единого правового пространства в сфере поддержания достойного уровня жизни и возможности полноценной реализации гарантированных прав и свобод человека и гражданина.

Отсюда следует, что понятия «глобализация» и «интернационализация», в своей взаимосвязи и с учётом своей взаимодополняющей основы, актуализируют динамическое развитие в различных сферах деятельности современного общества и государства и предполагают объединение всей системы мирового социума.

Возрастание значения института прав и свобод, обусловленное течением времени и роли человека на разных исторических этапах формирования системы общечеловеческих ценностей и идеалов, выступает главным содержанием глобализационных и интернационализационных процессов.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, современное общество характеризуется своим динамическим характером развития общественных отношений в различных сферах, быстрыми темпами распространения новых моделей поведения с учетом инновационных составляющих структуры научно-технического прогресса, что порождает появление новых прав человека, которые требуют должного внимания со стороны государства и мирового сообщества в целом.

Реализация новых прав должна быть основана на интегральном подходе осмысления основных составляющих права в целом. Так, Мутагиров Д.З. обоснованно подчёркивает, что по существу здесь речь идёт о новом осмыслении единства, взаимосвязи и взаимозависимости всех прав и свобод человека, о том, что реализация или, наоборот, не реализация тех или иных прав индивида, группы или социума порождает новые проблемы со знаками «плюс» или «минус» [10]. То есть автор делает акцент на важности «...неразрывного единства интересов индивидуумов, групп, обществ и человечества в целом...», что напрямую зависит от происходящих интернационализационных и глобализационных процессов, которые имеют своей целью сплочение разных по своей сущности общественных систем и появление на международном уровне единого пространства.

Исходя из этого, дальнейшие стратегии, как национального, так и международного уровня, должны быть направлены на поиск эффективных решений глобальных вызовов путём совершенствования системы управления общественными и иными процессами через человекоориентированную модернизацию права [2, с. 289]. При этом главное – учитывать не только формальную сторону закрепления прав и свобод человека и гражданина, которая заключается в юридической фиксации основных положений в законодательном акте, но и в их фактическом воплощении. Данные мероприятия, в их комплексном осуществлении, будут способствовать совершенно новому качественному уровню реализации всех концептуальных положений института прав и свобод с учётом особенностей действующего миропорядка.

Список использованных источников

1. Бурьянов, С. А. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению / С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов // Век глобализации. – 2021. – № 3 (39). – С. 86-100.

2. Бурьянов, С. А. Права человека и проблемы социального неравенства в условиях современных глобальных процессов и вызовов / С.А. Бурьянов // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, г. Москва, 21 апреля 2022 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Саратов: «Саратовский источник», 2022. – С. 289-293.

3. Кузнецова, А. С. Анализ понятия «глобализация» в курсе обществознания / А.С. Кузнецова // Моя профессиональная карьера. – 2019. – Т. 1. – № 7. – С. 20-24.

4. Русакова, О. Ф. Гражданское общество в эпоху глобализации / О.Ф. Русакова // Судьбы гражданского общества в России. В 2 т. Т. 2. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. – Екатеринбург, 2004. – С. 106-120.

5. Масловский, М. В. Современная западная теоретическая социология: [учеб. пособие] / М.В. Масловский; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. – 117 с.

6. Гарчева, Л. П. К вопросу о глобализации прав человека в современном мире / Л.П. Гарчева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 2. – С. 16-24.

7. Келеман, Л. А. К вопросу о соотношении понятий «интернационализация» и «глобализация» / Л.А. Келеман // Kant. – 2013. – № 2 (8). – С. 82-83.

8. Федосеева, Н. Н. Глобализация как общенаучный феномен: проблемы определения / Н.Н. Федосеева // Международное публичное и частное право. – 2009. – № 1. – С. 2-5.

9. Мутагиров, Д. З. Взаимовлияние процессов глобализации и эволюции системы прав и свобод человека / Д.З. Мутагиров // ПОЛИТЭКС. – 2013. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimovliyanie-protsessov-globalizatsii-i-evolyutsii-sistemy-prav-i-svobod-cheloveka>. – (Дата обращения: 29.11.2022).

УДК 340.12:930.85

DOI 10.5281/zenodo.8168769

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

МЕЛЬНИЧЕНКО Ю.С.,

**канд. юрид. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права**

**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,**

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассмотрены основные аспекты сущности правовой культуры в теории права. Предложена дефиниция понятия «правовая культура» и основные положения формирования правовой культуры. Обозначены особенности правовой культуры в современной России, а также основополагающие факторы, оказывающие влияние на состояние правовой культуры в настоящее время и способы ее повышения.

Ключевые слова: правовая культура, личность, общество, государство, право, правосознание, правовое воспитание.

LEGAL CULTURE: THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

MELNICHENKO Y.S.,
Candidate of Legal Sciences Associate Professor
of the Department of Theory and
History of State and Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article considers the main aspects of the essence of legal culture in the theory of law. The definition of the concept of «legal culture» and the main provisions of the formation of legal culture are proposed. The features of legal culture in modern Russia are outlined, as well as the fundamental factors influencing the state of legal culture at the present time and ways to improve it.

Key words: legal culture, personality, society, state, law, legal awareness, legal education

Постановка задачи. Современное российское общество в настоящее время переживает непростой этап своего развития. В государстве происходят существенные преобразования политической, экономической и социальной сфер жизни, которые при этом сопровождаются и реформой правовой системы Российской Федерации. Эффективность проводимых преобразований в действующем законодательстве, в правотворческих органах, в механизмах и формах реализации права, а также в государстве в целом, напрямую зависят и от уровня правовой культуры современного российского общества. Несмотря на значительный запас накопленных теоретических знаний, на сегодняшний день в сложившейся ситуации требуются неотложные меры правового характера для улучшения социально-политической ситуации в современном перестраивающемся российском обществе.

Актуальность. Правовая культура как одна из основных тем правовой науки нуждается в дальнейшей разработке как со стороны теории и методологии права, так и в части рассмотрения существенных характеристик отечественной правовой культуры, исходя из анализа изменений, которые происходят на современном этапе развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Необходимо отметить, что вопросы правовой культуры, правового сознания и правового воспитания никогда не оставались без внимания ученых. Общие проблемы формирования правовой культуры в обществе,

вопросы, связанные с правовым воспитанием граждан в настоящее время активно обсуждаются основным образом на страницах периодических юридических изданий.

Общетеоретическую основу исследования составили труды следующих специалистов в области права: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, О.Е. Кутафина, А.В. Малько, Р.З. Лившица, А.В. Мицкевича, Г.И. Муромцева, В.С. Нерсисянца, И.Ф. Рябко, Ю.А. Тихомирова, О.И. Цыбулевской и др.

В разное время к тем или иным аспектам вопросов, связанных с правовой культурой, обращались Р.А. Ромашова, В.Г. Тищенко, М.В. Баумова, которые внесли значительный вклад в разработку практико-прикладного аспекта проблем правовой культуры.

Также использовались специальные работы, посвященные правовой культуре: Е.А. Певцовой, М.Н. Марченко, С.А. Морозова, Т.В. Кашаниной, В.Н. Карташова, М.К. Горбатовой, А.В. Петрова и др.

Цель статьи. Цель данной статьи заключается в комплексном исследовании сущности правовой культуры, определении места, значения и особенностей правовой культуры в правовой системе Российской Федерации, выявлении основополагающих факторов, которые оказывают влияние на ее состояние, а также обоснование путей и способов ее повышения.

Изложение основного материала исследования. На сегодняшний день перед нашим государством стоят сложные тактические и стратегические задачи, которые связаны с эффективным выполнением национальных проектов, развитием экономики и общества в целом на новейшем инновационном уровне, обеспечением безопасности людей, а также достижением реальных результатов в повышении благосостояния граждан нашей страны. По этой причине человек является главным ресурсом всеобщих изменений и перемен, а также ключевой силой и ценностью общества и государства.

Полагаем, что в настоящий момент для современной России актуальным и насущным является то, что изменения, которые происходят в политической, экономической системах общества, а также перемены в социальной и духовной среде оказываются сильным сдвигом внутри культуры в целом и правовой культуры в частности. Для того чтобы разрешить сверхсложные задачи и преодолеть кризис в обществе, необходим решительный переворот в правовом мышлении, а также в индивидуальном и массовом правосознании. Кроме этого, необходима и быстрая переориентация на передовые технологии в юридической практике, общечеловеческие, моральные и нравственные ценности, что на сегодняшний день является актуальным и наиболее важным.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы, показал, что на сегодняшний день вопросы, связанные с исследованием в теории права правовой культуры, изучены довольно слабо. В то же время культурно-правовые ценности являются принципиально значимыми для отдельных людей, коллективов, организаций и наконец общества в целом.

подавляющее большинство авторов констатируют то обстоятельство, что понятие «культура» в том ее смысле, в котором оно сегодня существует в науках (философии, социологии, культурологии, юриспруденции и т.д.), характеризуется многозначностью, неопределенностью, размытостью основных элементов и черт, некорректным использованием в разных сферах познания и жизнедеятельности [1, с. 10].

Следует отметить, что смысл и содержание понятия «культура» исторически служили предметом споров и дискуссий в научных кругах. Само значение термина «культура» достаточно многогранно. Так, термин культура употребляется как для характеристики различных сфер жизнедеятельности, так и для определения духовной жизни человека.

На сегодняшний день современная наука вышла за границы понимания термина «культура» как всего того, что является деятельностью человека и сводится прежде всего к искусству, религии, образованию, музыке, литературе, театру, танцу. Определение «культура» понимается как система представлений, значений и смыслов, а также связанных с ними социальных практик.

Правовая культура – это одна из сторон общечеловеческой культуры, которая выражается и реализуется в праве, при этом правовая культура является одним из составляющих элементов гражданского общества и правового государства. В данном случае в нее входят и правовая культура всего населения, правовая культура органов власти, государства в целом, т.е. всех субъектов права.

Необходимо учитывать и то, что правовая культура – это и часть общей культуры общества, которая при этом является и частью правовой системы. В свою очередь, без культуры не может действовать правовая система. Каждое общество и каждое государство обладают своей правовой культурой, которая, прежде всего, представляет собой определенные знания и толкование государства и права в жизни общества, соблюдение установленных правил и уважительное отношение к правовым ценностям. К сожалению, на сегодняшний день мы можем наблюдать, как коллективный Запад во главе с США демонстративно навязывают всему цивилизованному сообществу свои так называемые «ценности» и это в том числе касается правовой культуры и правовых норм в целом. Взять хотя бы в качестве примера

пропаганду и легализацию однополых браков, а также смену пола не только взрослыми людьми, но и малолетними детьми. В данном случае идейных вдохновителей этого разврата и сумасшествия несколько не интересуют религиозные, моральные, нравственные принципы общества, которому пытаются навязывать и диктовать такую пропаганду, его правовая система и нежелание принимать такие «ценности».

Правовая культура сосредотачивает в себе те юридические явления и процессы или те их стороны и элементы, которые соответствуют закономерностям правовой действительности, ее необходимому содержанию и формам, а, в конечном счете – правовой воле как сущности права и реализуемым ею целям. Здесь вполне уместно говорить о том, что правовая культура накапливает в себе и транслирует ценностно прогрессивные элементы, которые выражают элементы правовой действительности, в противовес возможным отклонениям от нее в правовой реальности [2, с.168].

При этом правовая культура должна обеспечивать стабильность, упорядоченность и управляемость поведения людей в обществе, она должна быть обращена и на предупреждение, урегулирование, а также устранение различных конфликтных ситуаций. «Народ, – отмечает Гераклит, – должен сражаться за попираемый закон как за стену города» [3, с. 40]. Так, для Гераклита, Сократа и других философов и мыслителей ценность истинного закона является абсолютной.

Кроме того, одним из важнейших индикаторов культуры в целом и правовой культуры в частности многие авторы прошлого и современности выделяют первостепенное значение прав и свобод человека и гражданина в обществе. Так, данные положения закреплены в Конституции Российской Федерации, а именно в статье 2, которая провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [4]. По мнению Нерсисянца В.С., «по своей сути и основной идеи она представляет собой культуры признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей» [5, с. 374].

На наш взгляд, правовая культура выступает одним из основных элементов и составляющим для создания цивилизованного гражданского общества и правового государства в целом.

Так, И. Кант определял культуру «как то и только то, что служит благу людей или что по своей сущности гуманистично: вне гуманизма и духовности нет истинной культуры» [6, с. 766-767].

Таким образом, в правовую культуру могут входить только те юридические явления и процессы соответствующей цивилизации, которые выражают и отображают постулаты свободы и

ответственности, а также личной и общественной безопасности, законности и правопорядка.

В нашем понимании, в настоящее время отечественная правовая культура находится на переходном этапе и на данный момент нельзя говорить даже о среднем уровне правовой культуры российского общества. Низкий уровень правовой культуры также определяется и кризисом современного правосознания. Для того чтобы повысить уровень правовой культуры, необходимо на уровне государства проводить обдуманную пропаганду в средствах массовой информации, разрабатывать и применять в практической деятельности различные формы вовлечения граждан в правотворческую и правоохранительную деятельность. Кроме того, в современном мире на сегодняшний день огромное влияние на сознание людей, особенно молодежи, оказывают средства массовой информации. Зачастую отдельные средства массовой информации показывают, а иногда даже пропагандируют, пренебрежение к праву и государству, полное отрицание всех запретов. В этом проявляется одна из проблем, создающая угрозу формирования негативного отношения к праву в целом. Особенно остро данная проблема на сегодняшний день прослеживается среди молодого подрастающего поколения. В связи с неограниченным доступом к различным социальным сетям и соответствующей негативной пропаганде, которая в некоторых случаях изобилует из них, молодежь зачастую в качестве ориентира и примера того или иного поведения, в том числе и правовой культуры, выбирает для себя совершенно недопустимый стиль жизни.

С нашей точки зрения, одним из существенных элементов воздействия на развитие личности является его правовое воспитание, которое должно изначально зародиться в семье и продолжаться всю жизнь человека.

Следует отметить, что особенно сейчас, в то время, когда специальная военная операция происходит не только на полях сражения, но и в наших умах и душах, в нашем сознании, обязательно необходимо уделять большое внимание правовому воспитанию подростков и молодежи. Ведь будущее России зависит в том числе и от того, насколько будет воспитано и образовано молодое поколение наших граждан. Правосознание молодежи должно формироваться при этом от разных социальных институтов, таких как семья, школа, высшее учебное заведение, учреждения культуры, орган государственной власти. Данная работа должна быть регламентирована на законодательном уровне и вести к одной цели – высокому уровню правовой культуры наших граждан и общества в целом.

Полагаем, что к основным чертам правовой культуры личности можно отнести знание основных положений действующего законодательства и главное понимание их сути; соблюдение и исполнение законов, а также грамотное их использование; осознание не только своих прав, но и обязанностей, а также наличие ответственности; содействие соблюдению правопорядка и др. Еще раз отметим, что правовая культура является и важнейшим элементом правовой системы общества. И чем выше будет уровень правовой культуры у граждан, тем соответственно эффективнее будет функционировать правовая, экономическая и политическая система общества. Уровень правовой культуры граждан влияет и на гражданскую позицию, а также активность людей в участии в управлении государственными делами и общественной жизни. По нашему мнению, для того чтобы сформировать правовую культуру, «ставку» нужно делать не на принуждение и навязывание правовых знаний, а на воспитание и понимание того, что законы нужно знать, исполнять и не нарушать всеми без исключения.

При этом следует отметить, что правовая культура на основе существующих в обществе знаний и представлений формирует легитимные и общепризнанные образцы поведения, нормы, ценности, стереотипы и правила в отношении к позитивному праву, регулирующие деятельность социальных субъектов. Так, Россия всегда выступала и будет выступать за защиту сохранения традиционных ценностей в противовес новым, так называемым европейским ценностям, которые навязываются Западом, и в первую очередь это касается, сексуальных отклонений. Еще в 2013 году в Российской Федерации был принят закон № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». Но, как показывает жизнь, спустя девять лет депутаты Государственной Думы Российской Федерации решили, что этого недостаточно и пропаганду ЛГБТ и нетрадиционных ценностей необходимо запретить на государственном уровне вообще.

Проанализировав так называемые «заслуги» коллективного Запада в деле «пропаганды ЛГБТ», можно обнаружить, что более 30 стран узаконили однополые браки, все чаще и больше сторонники ЛГБТ демонстративно занимают высшие посты в органах власти США и Европы, и все это подается как исключительный пример толерантности. Так, в США количество сторонников гей-браков за последние 25 лет увеличилось в 5 раз и это, прежде всего, связано с деятельностью СМИ

и пропагандой, а в некоторых штатах и странах Запада даже подростки (без согласия родителей) могут получать терапию по смене пола. Более того, на сегодняшний день официальные политические деятели на Западе выступают с призывом легализовать педофилию.

На наш взгляд, именно от нравственного состояния нашего общества сегодня зависит, когда наступит мир и каким он будет. Традиционные и нетрадиционные сексуальные отношения по-настоящему могут определяться исключительно законными нравственными принципами и нормами. А кто может и должен определять эти принципы и нормы? Прежде всего, это те личности, которые не дрогнули перед лицом мирового зла, которое Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал как неприкрытый сатанизм. По мнению нашего Президента, «это те, люди, граждане, которые готовы стоять до конца за идеалы наших предков. Наши вера, идеи, ценности, традиции, нравственные и моральные нормы всегда основывались на божьих законах, которые признают естественным исключительно союз мужчины и женщины в браке и имеющим своей целью продолжение рода» [7].

Еще в марте 2014 года на церемонии вручения премии Президента молодым деятелям культуры и премии Президента в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества В.В. Путин акцентировал внимание на то, что «в российском обществе необходимо формировать такую культурную среду, такие ценности, которые бы опирались на нашу историю, традиции, объединяли бы время и поколения, способствовали консолидации нации и, конечно же, открывали возможности для создания нового, современного пространства культуры, в котором живет и развивается человек, реализует свой потенциал. И безусловно, мы были, есть и останемся частью мировой культуры» [8].

Правовая культура представляет собой субъективный опыт, а именно наличие определенных знаний, навыков и умений, а также юридический опыт социальных групп, наций, человечества, так называемая социально-правовая память, и этот опыт направлен на прогрессивное развитие людей, их организаций и общества в целом. Для создания современной правовой культуры необходимо в обязательном порядке учитывать и опыт прошлых эпох.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. В данной статье проведен анализ термина «правовая культура» и возможных вариантов его интерпретации, раскрыта сущность, особенности и значение правовой культуры в современной России. Понятийный анализ правовой культуры личности и общества на сегодняшний день по-настоящему

начинает прорабатываться и оцениваться представителями российской науки – правоведами, культурологами, политологами и учеными других сфер знаний отечественной науки. Полагаем, что современная правовая культура – это культура развитого и эффективно функционирующего гражданского общества и правового государства. Такая правовая культура по своему характеру и основному смыслу должна представлять собой культуру признания, защиты и осуществления прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей.

Правовой культуре в современном обществе должны быть присущи следующие черты: определяющее значение прав и свобод человека и гражданина в правовой организации общественной и государственной жизни; воспитание и установление в массовом правосознании чувства уважения к закону и правопорядку; реализация на практике принципа верховенства права; скоординированное и эффективное функционирование всех источников позитивного права и всех ветвей государственной власти; правовая активность граждан в осуществлении своих прав и надлежащем исполнении своих юридических обязанностей; активная законотворческая, правозащитная и правоприменительная деятельность всех элементов государственного механизма. В свою очередь, высокий уровень правовой культуры, основополагающей частью которой является и правосознание общества, выступает одним из признаков правового государства.

Список использованных источников

1. Карташов, В. Н. Правовая культура: понятие, структуры, функции: монография / В.Н. Карташов // Ярославский государственный университет. – Ярославль, 2008. – 200 с.

2. Петров, А. В. Правовая культура и ее структурные компоненты: проблемы генезиса / А.В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 167-173.

3. Мусский, И. А. Сто великих мыслителей / И.А. Мусский. – Москва, 2002. – 686 с.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном

интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

5. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсисянц. – Москва, 1999. – 552 с.

6. Спиркин, А. Г. Философия / А.Г. Спиркин. – Москва, 2001. – 816 с.

7. Подслушано в Госдуме: как депутаты решали запретить в России пропаганду ЛГБТ. Репортаж с парламентских слушаний // Россия: новостной портал: 74.ru 18.10.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://74.ru/text/politics/2022/10/18/71743742/>. – (Дата обращения: 15.02.2023).

8. В Кремле вручены премии деятелям культуры и премии за произведения для детей // Россия: новостной портал: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20638> 25.03.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20638>. – (Дата обращения: 17.02.2023).

УДК 341.735

DOI 10.5281/zenodo.8170852

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ И ИММУНИТЕТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ОДЕГОВА Л.Ю.,

**канд. юрид. наук, и.о. зав. кафедрой
конституционного и международного права;**

СОЛОВЬЁВА Ю.А.,

**канд. юрид. наук, доцент кафедры
конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье проведен анализ международных правовых норм и научных подходов к содержанию дипломатических привилегий и иммунитетов; рассмотрены актуальные вопросы реализации иммунитетов, обеспечивающих неприкосновенность помещения дипломатического представительства и личности дипломата. Подвергнуто критике «массовый характер» объявления дипломатических агентов Российской Федерации *persona non grata*, что продиктовано исключительно политическими причинами и не связано с уровнем профессиональной деятельности последних. Акцентируется внимание на недопустимости высказываний представителями институтов дипломатии,

направленных на разжигание международных противостояний (в том числе вооруженных конфликтов). Обоснована необходимость создания специализированного учреждения ООН по вопросам дипломатии, основными направлениями деятельности которого должна стать разработка проектов международных актов в сфере дипломатических сношений, а также мониторинг и независимое расследование ситуаций нарушения норм права внешних сношений.

Ключевые слова: орган внешних сношений, дипломатическое представительство, дипломатический агент, дипломатические привилегии, дипломатические иммунитеты, *persona non grata*

DIPLOMATIC PRIVILEGES AND IMMUNITIES: CURRENT INTERNATIONAL LEGAL ISSUES

**ODEGOVA L.Y.,
PhD in Law, Acting Head Department of
Constitutional and International Law;**

**SOLOVYOVA Y.A.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Constitutional and International Law,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article analyzes international legal norms and scientific approaches to the content of diplomatic privileges and immunities; topical issues of the implementation of immunities that ensure the inviolability of the premises of the diplomatic mission and the identity of the diplomat are considered. The «mass character» of the announcement of the diplomatic agents of the Russian Federation *persona non grata* is criticized, which is dictated by purely political reasons and is not related to the level of professional activity of the latter. Attention is focused on the inadmissibility of statements by representatives of diplomatic institutions aimed at inciting international confrontations (including armed conflicts). The necessity of creating a specialized UN agency for diplomacy, the main activities of which should be the development of draft international acts in the field of diplomatic relations, as well as monitoring and independent investigation of situations of violation of the law of external relations, is substantiated.

Keywords: *body of external relations, diplomatic representation, diplomatic agent, diplomatic privileges, diplomatic immunities, persona non grata*

Постановка задачи. Дипломатические представительства играют важную роль в реализации внешнеполитических функций государства, направленных на установление и поддержание отношений с международным сообществом, а также защиту своих национальных интересов. Естественно, что эффективность их работы во многом зависит от состояния нормативного закрепления полномочий как самого дипломатического представительства, так и его персонала, и не в

последнюю очередь – от условий, созданных в государстве пребывания для беспрепятственной реализации функций последними.

Актуальность. Сегодняшние реалии демонстрируют достаточное количество примеров того, что четкое нормативное закрепление правового статуса органа внешних сношений не гарантирует всестороннюю защищенность его сотрудников от различного рода правонарушений (экстремизм, террористические угрозы и атаки, а также угрозы, вызванные военными, этническими и другими конфликтами). Примерами могут служить неединичные нападения на посольства России (например, в ночь с 11 на 12 сентября 2022 года в Канаде, 8 октября 2022 года в Кишиневе и пр.), которые происходили «при попустительстве властей страны».

С другой стороны, международное право наделяет дипломатических агентов рядом привилегий и иммунитетов, которые им предоставляются не для «собственной выгоды», а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатического представительства как органа, представляющего интересы своего государства на территории государства пребывания. В то же время средства массовой информации изобилуют примерами, когда сотрудники дипломатических служб, используя свое должностное положение, совершали правонарушения (например, бывший посол Гватемалы в Бельгии и Нидерландах Морисио Росаль, используя таможенный иммунитет, занимался контрабандой наркотических средств [1]; заместитель генерального консула Индии в Нью-Йорке Девиани Кхобрагаде была «заподозрена» в мошенничестве с визой и предоставлении ложной информации миграционным службам [2]). Именно подобные случаи и стали причиной того, что в науке международного права все чаще поднимаются вопросы о «целесообразности и оправданности» предоставления дипломатическим агентам привилегий и иммунитетов в том объеме, в котором они закреплены на текущий момент.

Помимо этого, сегодня, особенно в условиях «обострения» дипломатических отношений Российской Федерации (далее – РФ, Россия) с рядом зарубежных государств (что вызвано, среди прочего, состоянием вооруженного конфликта, происходящего на территории России и Украины), отдельные представители институтов дипломатии допускаются высказывания, направленные на разжигание международных вооруженных противостояний. При том, что такие деяния противоречат положениям Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года (далее – Венская конвенция), где закреплено, что основная цель дипломатии – способствование развитию дружественных отношений между государствами [3].

К примеру, Глава дипломатии Европейского Союза Жозеп Боррель назвал Россию «привыкшей бороться до конца, упомянул ее победы над Наполеоном и Гитлером и призвал вооружать Украину» [4]. Аналогичное заявление было сделано и немецким дипломатом Вольфгангом Ишингером, который призвал продолжать вооружать Украину и садиться за стол переговоров только при условии, что последняя «добьется значительных успехов на поле боя» [5].

Обзор последних исследований и публикаций. Естественно, что различные аспекты функционирования дипломатических представительств всегда находились в поле зрения юристов-международников. Отдельно хотелось бы отметить работы таких ученых, как Исса Бессам [6], И.П. Блищенко [7], А.А. Нагиева [8] и пр. Однако исследование вопросов реализации привилегий и иммунитетов, как самими дипломатическими представительствами, так и их сотрудниками, является до сих пор актуальным, поскольку каждое аккредитуемое государство преследует цель, чтобы его органу внешних сношений был предоставлен такой объем привилегий и иммунитетов, который в полной мере обеспечивал бы ему возможность эффективно функционировать. С другой стороны каждое государство пребывания заинтересовано в том, чтобы дипломатические агенты своими деяниями не только проявляли уважение к обычаям, традициям и государству в целом, но и в случае совершения ими правонарушения были привлечены к ответственности.

Указанное актуализирует тему исследования и определяет его *цель* – анализ международных правовых норм и научных подходов к содержанию дипломатических привилегий и иммунитетов, а также практики их применения; случаев правонарушений, совершенных как в отношении сотрудников дипломатических представительств, так и непосредственно ими.

Изложение основного материала исследования. В доктрине международного права под дипломатическим иммунитетом принято называть изъятие иностранных дипломатических представителей и их имущества из-под юридического влияния государственных органов страны пребывания [7, с. 77-78; 8, с. 68], что обеспечивает беспрепятственную реализацию полномочий последними. В отличие от иммунитетов, привилегии представляют собой особые правовые преимущества, предоставляемые государством пребыванию дипломатическому представительству и его сотрудникам для создания благоприятных условий их функционирования [7, с. 77-78].

Дипломатические привилегии и иммунитеты можно систематизировать следующим образом: привилегии и иммунитеты дипломатического представительства как органа внешних сношений, а

также личные привилегии и иммунитеты сотрудников дипломатического представительства. Анализ положений Венской конвенции [3] дает возможность к первой классификационной единице относить неприкосновенность помещений дипломатических представительств (как и его архивов и корреспонденции); фискальные привилегии (освобождение от налогообложения в государстве пребывания от всех таможенных пошлин и пр.); право на использование на здании представительства флага и эмблемы аккредитуемого государства. Личными привилегиями и иммунитетами можно считать следующие: личная неприкосновенность сотрудников; иммунитет дипломатического агента от юрисдикции государства пребывания; таможенные иммунитеты (освобождение от досмотра личного багажа); освобождение дипломатических агентов от всех трудовых и государственных повинностей.

Одним из важнейших дипломатических иммунитетов, безусловно, является иммунитет, обеспечивающий неприкосновенность помещения дипломатического представительства. В ст. 22 Венской конвенции [3] разъясняется, что власти государства пребывания не могут проникнуть в эти помещения иначе, как с разрешения главы представительства. Данный запрет является абсолютным и не имеет никаких ограничений. Недопустимость доступа местных органов власти в помещения дипломатического представительства без согласия его главы также исключает возможность проведения таких принудительных мер, как обыск, арест, реквизиция и иных исполнительных действий. Кроме этого, обеспечивая неприкосновенность помещений дипломатического представительства, государство пребывания обязано предупреждать любые действия, которые могут нанести вред, нарушить спокойствие либо «унизить достоинство» дипломатического представительства.

Неприкосновенность помещений дипломатического представительства также включает в себя обязательство государства пребывания обеспечить защиту последнего от посягательств частных лиц, что включает в себя как непосредственную физическую охрану дипломатического представительства, так и проведение розыскных и следственных мероприятий (с последующим привлечением виновных к ответственности) по фактам вторжения, нарушения спокойствия, различного рода «оскорбительных деяний» в отношении последнего.

В то же время сегодня властями отдельных стран допускаются «попустительства» в выполнении таких обязанностей. Примерами могут служить следующие ситуации: 1) 4 августа 2022 г. посольство Азербайджанской Республики в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии подверглось нападению со стороны радикальной религиозной группы, которое выразилось во

вторжении на территорию дипломатической миссии, осквернении государственных символов и нанесении ущерба зданию [9]; 2) 8 октября 2022 г. посольство РФ в Кишиневе подверглось нападению, выразившемуся в попытке проникновения в здание, нанесении «оскорбительных надписей», а также повреждении здания из-за выстрелов петард [10].

Еще одним, не менее важным дипломатическим иммунитетом, является иммунитет, который обеспечивает личную неприкосновенность. Так, ст. 29 Венской конвенции закрепляет следующие положения: 1) личность дипломатического агента неприкосновенна; 2) он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме; 3) государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство.

В контексте отмеченного отдельного внимания заслуживает вопрос содержания обязанности государства пребывания по обеспечению усиленной защиты дипломата от посягательств со стороны частных лиц, поскольку это является одним из главных факторов, способствующих «нормальной» деятельности последнего. Однако в последнее время, в связи с распространением террористической деятельности и увеличением количества вооруженных конфликтов (как международного, так и немеждународного характера), в ряде государств возникла «тенденция» к активизации различного рода посягательств на жизнь, честь и достоинство дипломатов. Так, например, 9 мая 2022 года посла России в Польше С.В. Андреева во время возложения цветов на военном мемориальном кладбище советских солдат в Варшаве облили краской [11]. Еще ранее, 19 декабря 2016 года, во время публичного выступления был застрелен посол России в Турции А.Г. Карлов [12]. Считаем, что целью таких посягательств на жизнь (честь, достоинство) дипломата, олицетворяющего определенное государство, является не что иное, как привлечение внимания всего мирового сообщества к той либо иной ситуации (религиозному или этническому «противостоянию», вооруженному конфликту и пр.).

Бесспорно, что такие противоправные деяния представляют угрозу для сотрудничества государств, развития их дружественных отношений, в связи с чем наукой международного права их отнесено к категории преступлений международного характера. Это такие правонарушения индивидов или групп лиц, посягающие не только на национальный, но и международный правопорядок, представляющие общественную опасность для двух, нескольких или всех государств, международных организаций, юридических и физических лиц. Не случайно в преамбуле

Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов [13], отмечено, что преступления против дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой, угрожая безопасности этих лиц, создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами. При этом каждое государство устанавливает меры наказания за указанные преступления в соответствии со своим национальным правом.

Важно также подчеркнуть, что сегодня одной из существенных проблем при обеспечении соблюдения личной неприкосновенности дипломатических агентов остается применимость процедуры *persona non grata*, т. е. объявление дипломатического агента нежелательным лицом в государстве пребывания [8, с. 72]. Так, ст. 9 Венской конвенции [3] закреплено, что государство пребывания может в любое время, не будучи обязано мотивировать свое решение, уведомить аккредитующее государство, что глава представительства или какой-либо из членов дипломатического персонала представительства является *persona non grata* или что любой другой член персонала представительства является неприемлемым.

Главная проблема заключается в том, что сегодня рядом государств принятие таких решений в отношении российских дипломатов «носит массовый характер» и никоим образом не связано с уровнем профессиональной деятельности последних. Так, с 24 февраля 2022 года европейскими государствами было объявлено *persona non grata* в общей сложности 574 российских дипломата. Такие высылки происходили под разными предлогами – как в связи с проведением РФ специальной военной операции в Украине, так и по обвинениям в якобы ведении деятельности, неподобающей дипломату [14].

Еще одним дипломатическим иммунитетом, анализу содержания которого хотелось бы уделить внимание в рамках данной работы, является иммунитет от юрисдикции государства пребывания. Так, в соответствии со ст. 31 Венской конвенции [3] дипломатический агент пользуется иммунитетом от административной, гражданской и уголовной юрисдикции государства пребывания. Привлечь последнего к ответственности за совершенное правонарушение можно двумя способами: 1) непосредственно самим аккредитующим государством; 2) государством пребывания, в случае если представляемое им государство откажется от иммунитета юрисдикции. Так, к примеру, после совершения румынским дипломатом Сильвиу Йонеску в Сингапуре преступления, выразившегося в наезде на автомобиле на трех пешеходов (один из которых скончался), компетентными органами

Румынии последний был привлечен к ответственности в виде лишения свободы, конфискации имущества и штрафа [15]; японского дипломата Сюдзи Симокодзи, «избившего до полусмерти» свою жену во время нахождения в Канаде, по возвращении в Японию, было освобождено от занимаемой должности и возложено на него обязанность по уплате штрафа [16]. При этом «история дипломатических отношений знает» только один случай, когда за совершение преступления дипломат понес ответственность в стране пребывания. Так, в 1997 г. грузинский дипломат Г. Махарадзе, управляя автомобилем в нетрезвом виде, спровоцировал дорожно-транспортное нарушение, жертвой которого стала 17-летняя гражданка США Дж. Уолтрик. В последующем Президентом Грузии Г. Махарадзе был лишен дипломатического иммунитета, он был признан виновным и отбывал тюремный срок в США [17].

Безусловно, что такие примеры являются больше исключениями, чем практикой, что связано с тем, что дипломаты не просто представляют интересы собственного государства, но и «олицетворяют» его (являются его символом), а такие «случаи» наносят репутационный урон аккредитуемому государству. В связи с чем «реакцией» министерства иностранных дел на совершенные его дипломатами правонарушения становится, как правило, дисциплинарное взыскание. Естественно, что это порождает злоупотребления со стороны дипломатических агентов ряда государств своими полномочиями.

Как нами уже отмечалось, сегодня все чаще «представители дипломатии позволяют себе» высказывания, не допустимые для представителя государства. К примеру, бывший глава украинского МИД, А.Б. Дещица (позднее – посол Украины в Польше) неоднократно публично оскорблял президента РФ В.В. Путина. Другой представитель украинского МИД (в то время – консул Украины в Гамбурге) В.И. Марущинец открыто заявлял, что «фашистом быть почетно. Смерть антифашистам!». Он фотографировался в каске солдата вермахта, которая «перешла к нему в наследство» от отца, служившего в гитлеровских войсках, а на 60-летие коллеги подарили ему торт в форме книги Адольфа Гитлера «Майн кампф». И это при том, что в международном праве героизация нацизма запрещена (к примеру, резолюция А/С.3/74/L.62 Генеральной Ассамблеи ООН о борьбе с героизацией нацизма [18]).

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, в связи с тем, что практика международных отношений демонстрирует достаточное количество случаев использования дипломатических привилегий и иммунитетов не в рамках необходимости, для реализации своих функций, а для личных целей

либо осуществления противоправной деятельности, в науке международного права все чаще поднимается вопрос о необходимости корректировки их объема. Мы не разделяем такой подход, поскольку считаем, что все дипломатические привилегии и иммунитеты в совокупности дают возможность дипломатическому представительству полностью и качественно реализовывать поставленные перед ним задачи. Но мы уверены в необходимости создания специализированного учреждения ООН по вопросам дипломатии, целью которого станет продвижение принципа содействия развитию дружественных отношений между государствами посредством дипломатии. Считаем, что основными направлениями деятельности такого учреждения должна стать разработка проектов международных актов в сфере дипломатических сношений, а также мониторинг и независимое расследование ситуаций нарушения норм права внешних сношений.

Список использованных источников

1. Блум, М. И. Действие российского уголовного закона в пространстве / М.И. Блум. – Рига : Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки, 1954. – 262 с.

2. Заместителя генконсула Индии в Нью-Йорке задержали за мошенничество с визой // LENTA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2013/12/13/fraud/>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

3. Венская конвенция о дипломатических сношениях (принята 18 апреля 1961 года) // веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. – (Дата обращения: 10.02.2023).

4. Боррель вспомнил о российских победах и призвал вооружать Украину // РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230120/borrel-1846317620.html>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

5. Немецкий дипломат Вольфганг Ишингер призвал готовиться к войне на истощение // ИА Красная Весна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/64df6c37https://ria.ru/20230120/borrel-1846317620.html>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

6. Исса Бессам (Сирия) Международно-правовые аспекты защиты дипломатических агентов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Исса Бессам. – М., 2014. – 25 с.

7. Блищенко, И. П. Дипломатическое право: учебное пособие / И.П. Блищенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1990. – 287 с.

8. Нагиева, А. А. Личная неприкосновенность сотрудников дипломатического представительства: актуальные международно-правовые вопросы / А.А. Нагиева // Московский журнал международного права. – 2022. – № 1. – С. 65-77.

9. В МИД РФ осудили нападение на посольство Азербайджана в Лондоне // РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220804/posolstvo-1807367904.html>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

10. Дипломаты заявили о нападении на посольство России в Кишиневе // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/08/10/2022/634199cc9a7947af8c64ba36>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

11. Посла России в Польше облили красной краской при возложении венка // Газета «Ведомости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/05/09/921368-posla-oblili-kraskoi>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

12. В Турции вынесли приговор по делу об убийстве посла России // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/03/2021/60477a119a79475ba67bfad3https://www.vedomosti.ru/>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

13. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов: Резолюция 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 года // веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml. – (Дата обращения: 10.02.2023).

14. Почти 600 российских дипломатов были высланы из стран Запада с начала операции на Украине // Информ. агентство ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16888093>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

15. Румынский дипломат обвиняется в убийстве // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vz.ru/amp/news/2010/2/4/372864.html>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

16. Дипломатический иммунитет: преступления на любой вкус // Lifejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oadam.livejournal.com/317156.html?nojs=1&page=3>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

17. В Тбилиси досрочно освобожден бывший грузинский дипломат Георгий Махарадзе // РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20020227/80287.html>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

18. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/С.3/74/L.62 от 1 ноября 2019 г. // веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N19/350/26/PDF/N1935026.pdf?OpenElement>. – (Дата обращения: 10.02.2023).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ГРАЖДАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

РУДЕНКО П.В.,
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассмотрены особенности современных ценностных ориентаций гражданства, его состояние и значимость в контексте модернизации общественных отношений, а также развития прав и свобод человека. Проведён анализ моделей регулирования института двойного (множественного) гражданства и вопроса приемлемости существования данного феномена.

Ключевые слова: гражданство, право на гражданство, гражданское общество, гражданская принадлежность, правовая регламентация основных прав и свобод человека, ценностные ориентиры гражданства, двойное (множественное) гражданство

VALUE ORIENTATIONS OF CITIZENSHIP IN THE MODERN INTERPRETATION OF HUMAN RIGHTS

RUDENKO P.V.,
postgraduate student of the Faculty of Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article examines the features of modern value orientations of citizenship, its state and significance in the context of modernization of public relations, as well as the development of human rights and freedoms. The analysis of models of regulation of the institution of dual (multiple) citizenship and the question of the acceptability of the existence of this phenomenon is carried out.

Keywords: citizenship, the right to citizenship, civil society, citizenship, legal regulation of fundamental human rights and freedoms, values of citizenship, dual (multiple) citizenship

Постановка задачи. Современное общество характеризуется динамичной сменой социальных парадигм, как объективной реакции на постоянное усложнение социальных процессов, происходящих в государстве. Причины стремительно «усложняющегося социума» связаны с особенностями постиндустриального общества, повсеместной

автоматизацией и информатизацией, а вместе с тем и изменениями, и переосмыслениями ценностных ориентиров. Ведущая роль информации в жизни общества повысила значимость прав человека, как главного критерия любого правового государства.

С учётом текущих изменений происходит смена представлений о концепциях прав человека, определяются новые особенности, на основе которых и выстраивается современное общество. Так, в своей работе Уманова И.А. определяет градацию критериев, на основании которых базируется мировой демократический социум, среди которых ключевым вектором развития выступает поиск компромисса между правами, свободами человека и другими высшими ценностями, преобладания ярко выраженного правозащитного характера, главной целью которого выступает противодействие вызовам и угрозам человечеству, а также выдвижение принципиально новых критериев определения и оценки благ и ценностей человека [1, с. 5].

Правовое демократическое государство, как основа государственной национальной политики Российской Федерации (далее – РФ), должно отвечать современным высоким социально-экономическим и политическим стандартам. Как справедливо отмечает Ягудин И.Р., этот процесс немислим «...без установления принципов гражданского общества, базирующегося на реальном соблюдении прав и свобод личности, а также теории гражданства, включающей в себя целый комплекс политических, социальных и гражданских прав, присущих современному индивиду» [2, с. 51].

Категория гражданства, как содержательная характеристика государственного единства и целостности, выступает одним из центральных институтов как российского, так и зарубежного права, в связи со своей особой ролью связующего компонента между государством и гражданином.

Актуальность. В настоящее время интенсивность дискуссий относительно основных проблем концепции гражданства не ослабевает. В первую очередь это связано с тем, что институт гражданства охватывает не только внутригосударственные вопросы, но и затрагивает международную плоскость, в связи с чем при решении определённых проблемных аспектов, связанных с гражданством, необходимо искать пути решения во взаимодействии нормативных и социальных компонентов международной и национальной правовых систем. В условиях модернизации всех сфер деятельности современного российского общества одной из основных задач, стоящих перед государством, выступает формирование у граждан чувства социальной ответственности, которое должно базироваться на условиях объективной действительности, отвечающей всем параметрам государства всеобщего благосостояния.

В ходе социально-исторического развития российского общества понятия «гражданство» и «гражданственность» приобретают особый смысл и значимость, трансформируясь из правовых категорий в постулаты идей и представлений о гармоничном единстве лица со своим государством через особую связь, именуемой гражданской принадлежностью. Исходя из этого, особый интерес вызывает вопрос двойного гражданства и проблемы определения национальной принадлежности.

Анализ последних исследований и публикаций. Научной основой исследования послужили труды отечественных учёных-юристов в области теории и истории государства и права, государственного и международного права применительно к теме исследования. Вопросы гражданства затрагиваются в работах таких учёных, как С.А. Авакьян, Н.Б. Витрук, Л.Д. Воеводин, И.П. Ильинский, Б.М. Клименко, Е.И. Клименко, Е.И. Козлова, Б.С. Крылов, А.И. Лепешкин, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев, Е.А. Михалева, А.В. Мицкевич, В.С. Нерсисянц, Е.А. Скрипелев, Б.Е. Топорнин, П.А. Ушаков, С.В. Черниченко, В.Е. Чиркини др.

Целью данной статьи выступает всесторонний анализ современных ценностных ориентаций института гражданства, его состояние и значимость в контексте модернизации общественных отношений, а также развития прав и свобод человека.

Изложение основного материала исследования. Нормативная природа гражданства, место и роль указанного правового института в условиях модернизации общественных отношений определяется исходя из особенностей национального права, уровня законодательной регламентации норм, закрепляющих статус субъектов правовых связей и отношения гражданской принадлежности.

В истории становления феномена гражданства можно выделить два цикла его развития. Первый цикл – Античность, второй – Средние века и Новое время. Каждый из них характеризуется особенными векторами своего развития, однако исходя из анализа указанных временных отрезков, можно выделить общие моменты, которые выражаются в стремлении к эволюционированию во всех сферах человеческой деятельности; формальное узаконение своего статуса в обществе; уменьшение активного участия граждан в управлении государством; отчуждение гражданина от государства, формализация отношений между гражданином и государством и др. [3]. Эти и другие предпосылки указывают на то, что с самого начала зарождения идей о гражданстве значимость указанного феномена для человека приобретает особый смысл в связи с особой правовой связью складывающихся правоотношений, подлинной идеологией и правовыми привилегиями.

Действующее законодательство РФ содержит довольно лаконичную, но достаточно ёмкую правовую дефиницию феномена «гражданство». Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О гражданстве Российской Федерации», гражданство рассматривается, как устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [4]. Некоторые авторы, исследуя проблемные аспекты данного института, несмотря на существование легально закреплённой трактовки понятия «гражданство», дополняют её существенными признаками, которые, по их мнению, обладают специфической нормативностью.

Так, в научных источниках гражданство определяется, как специфическая связь между физическим лицом и государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей, целью которой является распространение всей полноты государственной власти на человека и обладание всем комплексом прав и обязанностей» [5, с. 33]. Гражданство может пониматься как социально одобряемая и культивируемая в обществе ценность; наделение лица почетным гражданством символизирует особую связь личности с тем или иным обществом, страной или административно-государственным образованием [6, с. 782].

Таким образом, в указанных определениях подчеркиваются взаимные обязанности, которые должны соблюдаться как государством, так и её гражданином. В связи с этим интересным моментом выступает определение пределов и правовых границ при двойном или множественном гражданстве. Так, статья 3 Гаагской Конвенции указывает, что лицо, имеющее двойное или множественное гражданство, может рассматриваться как собственный гражданин любым государством, гражданство которого это лицо имеет.

Стоит подчеркнуть, что феномен двойного или множественного гражданства до некоторого времени не получало одобрения во многих странах, было официально запрещено на законодательном уровне, что прямо закреплялось в Конституциях стран, поскольку данное явление повышало риски осуществления подрывной деятельности нормального функционирования того или иного государства, способствовало социальной разобщённости, что в своей совокупности представляло угрозу национальной безопасности страны.

Гуманистические представления современного мира изменили позиции ряда стран относительно приемлемости существования правового института двойного или множественного гражданства. Стоит констатировать, что в РФ на законодательном уровне содержится признание двойного гражданства. Статья 62 Конституции РФ

устанавливает, что гражданин РФ может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором РФ [8]. Закрепление на конституционном уровне права на двойное гражданство говорит о высоком уровне развития демократических свобод страны. В настоящее время граждане, имеющие два и более гражданств, характеризуются более сложным правовым положением в обществе, что обусловлено рядом факторов, среди которых особое значение имеет так называемое наличие «двойных прав» и «двойных обязанностей» между лицом и государствами, гражданином которых оно является, а также проблемы возникновения коллизий при использовании прав и исполнении обязанностей по отношению к соответствующим странам. Так, отраслевое законодательство РФ в своих нормах содержит гарантию сохранения прав и обязанностей гражданина РФ: «приобретение гражданином РФ иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации» [4].

Несмотря на достаточно чёткую законодательную урегулированность данного вопроса, понятия «двойное» и «множественное гражданство» значительно шире по своему значению исходя из подходов к политико-правовому пониманию данного феномена. Затрагивая проблему ценностно-мировоззренческой ориентации личности по отношению к своей гражданской принадлежности, стоит указать, что множественное гражданство и ощущение множественной верности порождает путаницу между правами и обязанностями человека, его истинной политической идентичностью, социальной идентификацией в обществе, тем самым нарушая гармоничное единство элементного состава сущности концепции гражданства.

Стоит указать, что множественность в установлении гражданства не возникает спонтанно и само по себе. Причиной возникновения служит ряд как объективных, так и субъективных причин. Внешняя среда косвенного воздействия, а также влияние внутренних процессов, происходящих в государстве в совокупности, выступают катализатором в принятии решения о приобретении одновременно гражданства двух или более государств. С точки зрения идеологического концепта гражданства, приобретение гражданства иного государства по субъективным причинам в основном говорит о недостаточной человеко-ориентированной политике страны, об отсутствии должной правовой защиты и других причин, которые порождают сомнение личности в должной правовой регламентации его основных прав и свобод.

При этом наличие у лица двойного (множественного) гражданства само по себе не образует проблем. Однако в ряде случаев существует

риск, который связан с идейными соображениями лица, являющегося гражданином нескольких государств. Это, в первую очередь, касается случаев замещения определённых должностей. Так, к примеру, государственные и муниципальные служащие, а также военнослужащие по общему правилу не вправе иметь двойное гражданство [9], однако среди них есть те, у кого нет возможности прекратить гражданство другого государства по независящим от них причинам. В этой связи устанавливаются ограничения, связанные с несением госслужбы, если только это не сопряжено с допуском к гостайне. Данный факт вполне оправдан приверженностью убеждениям национальной верности государству и недопущением случаев шпионажа, государственной измены, способных дестабилизировать функциональный аппарат государства и создать условия, способные нанести ущерб национальной безопасности страны.

В настоящее время двойное (множественное) гражданство, как правило, возникает в результате коллизии норм законодательства государств, что связано с конституционным закреплением принципов регулирования отношений, связанных с гражданством, особенностями принципов его приобретения. В данном случае множественное гражданство возникает в результате применения норм законодательства того или иного государства как объективный юридический факт, который не зависит от воли лица, его желаний или идейных соображений.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, проблема гражданской принадлежности в специфике развития представлений современного социума о правовых основах гражданского общества приобретает особый смысл, оставаясь одной из важнейших тем в контексте дискурса о ценностных ориентирах института гражданства.

Гражданство и гражданственность в своём комплексном единстве должны рассматриваться как важный атрибут и параметр современного человека, предполагающие выработку особого чувства гражданского долга, ответственности за судьбы гражданского общества и государства в целом. Отсюда следует, что развитие такого правового состояния – это взаимная обязанность как государства, так и личности, являющейся гражданином страны.

Список использованных источников

1. Умнова, И. А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях / И.А. Умнова // ОМБУДСМЕН: Издательская группа «Юрист». – 2012. – № 2. – С. 5-11.

2. Ягудин, И. Р. Феномен гражданства в векторах измерения прав и свобод личности / И.Р. Ягудин // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 2(41). – С. 51-57.

3. Максимова, Л. Ю. Эволюция феномена гражданства в контексте исторического развития Западной Европы / Л.Ю. Максимова // Вестник МГИМО. – 2017. – №6 (57) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-fenomena-grazhdanstva-v-kontekste-istoricheskogo-razvitiya-zapadnoy-evropy>. – (Дата обращения: 20.02.2023).

4. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. – (Дата обращения: 20.02.2023).

5. Давудова, Д. К. Теоретические подходы к определению понятия «гражданство» в сфере конституционного права Российской Федерации / Д.К. Давудова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 4 (54). – С. 31-34.

6. Цицерон, М.Т. О государстве: О законах; О старости; О дружбе; Об обязанностях; Речи; Письма / Марк Туллий Цицерон. – Москва: Мысль, 1999.– 782 с.

7. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (Гаага, 12 апреля 1930 г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16352#bxxv7XTQD5laOKBf1>. – (Дата обращения: 20.02.2023).

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.2021 № 116-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383355/. – (Дата обращения: 20.02.2023).

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

СВИРИДОВА К.Е.,
ассистент кафедры теории
и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье определены особенности категории права на информацию, изучены подходы к её определению в контексте различных авторских трактовок. В исследовании проведён анализ соотношения соблюдения прав на информацию как комплексного правомочия и ограничения к её доступу в целях обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: право на информацию, цифровизация общества, ограничение доступа к информации, феномен информационной трансформации, информационная безопасность, национальная безопасность, обеспечение информационной безопасности государства

FEATURES OF THE CATEGORY OF THE RIGHT TO INFORMATION IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

SVIRIDOVA K.E.,
assistant of the department of Theory and
History of State and Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article defines the features of the category of the right to information, examines approaches to its definition in the context of various copyright interpretations. The study analyzes the correlation between the observance of the rights to information as a complex competence and restrictions on its access in order to ensure national security.

Keywords: the right to information, digitalization of society, restriction of access to information, the phenomenon of information transformation, information security, national security, ensuring the information security of the state

Постановка задачи. Безопасность, как социальное явление, на протяжении всей истории человеческой цивилизации выступает одной из важнейших целей существования как отдельного индивида, общества, так и государства в целом. В условиях пространственной цивилизации, перехода от индустриального общества к

постиндустриальному, проблема обеспечения безопасности, поддержание достаточного уровня защищенности личных прав и интересов, а также устранение угроз различного характера становится наиболее острой в связи с динамическим развитием современных процессов, протекающих в прогрессивном государстве. Политика любой страны должна быть направлена на обеспечение таких фундаментальных интересов, как сохранение неприкосновенности конституционного строя, территориальной целостности, обеспечение общественно-политической, экономической и социальной стабильности общества, нормального функционирования специальных институтов и органов власти, а также развитие взаимовыгодного международного сотрудничества в различных сферах. Комплексный охват указанных интересов выражается целостным понятием «национальная безопасность».

Немаловажным документом в сфере обеспечения безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством РФ, выступает Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [1]. Вместе с тем стоит указать на определенное несовершенство данного нормативного правового акта, которое заключается в исключении из содержания действующей редакции Закона основных терминов и определений. Отсутствие основополагающих терминологических конструкций, которые упоминаются в тексте нормативного акта, таких как «безопасность», «национальная безопасность», «обеспечение безопасности», «безопасность государства» и иные дефиниции, создаёт на практике определённые сложности в правильном толковании и корректном понимании норм, закрепленных в указанном Законе.

Базовым документом стратегического планирования в Российской Федерации (далее – РФ), определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, является Стратегия национальной безопасности РФ [2]. Именно данный нормативный акт содержит в себе официальное законодательное закрепление понятия «национальная безопасность», которое трактуется в качестве состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, при осуществлении политики, направленной на обеспечение национальной безопасности государства, важным аспектом выступает недопущение дискредитирующих факторов в механизме реализации гарантированных прав и свобод человека и гражданина, а также ущемления интересов, потребностей и ценностей современного общества.

Актуальность. В эпоху цифровой трансформации современного общества важнейшую роль приобретают вопросы, касающиеся обеспечения национальной безопасности государства, а также его информационной составляющей, связанные с действенным механизмом регулирования и соблюдения прав граждан. Именно информация, как главный продукт информационного общества, такие информационные права и свободы человека, как право на информацию и свободный доступ к ней, их развитие и модернизация в современном цифровом обществе, играет первостепенную роль в контексте совершенствования уровня жизни, а вместе с тем и эффективной деятельности всего государственного аппарата, как единого целостного организма. Стоит отметить, что феномен информационной трансформации мирового социума является многоаспектным и включает в себя огромное количество рисков. При отсутствии должной защиты информационного потока, транслируемого в средствах массовой информации и телекоммуникационных сетях, посредством влияния на человеческое сознание, возможен подрыв национальной безопасности всего государства. Стоит упомянуть и тот момент, что, несмотря на огромное количество положительных сторон цифровизации общества, существует и отрицательное влияние данного феномена. Так, к примеру, увеличилось количество преступлений в связи с появлением и повсеместным распространением виртуальных кошельков, электронных банковских операций и т.д., участились случаи хищения конфиденциальной информации, денежных средств, личных данных из компьютеров и серверов и др. Эти аспекты свидетельствуют об актуальности темы исследования в связи с особой значимостью вопросов обеспечения информационной безопасности и определения пределов реализации прав на информацию, как ключевых направлений деятельности государства как в международном, так и в национальном дискурсе.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы, касающиеся реализации субъективного права на информацию, проблемы ограничения права на информацию в той или иной мере затрагивались многими авторами, исследующими проблемы теории права. Особо следует выделить работы таких авторов, как С.С. Алексеев, Н.Б. Баранова, И.Л. Бачило, А.Ю. Белевич, А.Б. Венгеров, А.П. Вершинин, Л.Д. Воеводин, Д.В. Гавришов,

В.Г. Елизаров., А.В. Кротов, Т.Л. Кичигина, Е.С. Лисицина, В.Н. Лопатин, В.С. Нерсисянц, О.Г. Павлова, В.Д. Перевалов, М.А. Погорелова, В.С. Хижняк, А.Е. Шерстобитов и др.

Целью данного исследования является анализ института прав человека на информацию, как одной из ключевых категорий общих прав и свобод человека и гражданина в условиях современной трансформации общественных отношений.

Изложение основного материала исследования. Институт информационных прав, являясь связующим звеном между фундаментальными правами личности и действующей структурой рационализации организационной деятельности государства по улучшению благосостояния внутренней и внешней среды своего функционирования, выступает в качестве комплексного, многоаспектного явления, однако до сих пор имеет ряд неразрешенных проблем как в теоретическом, так и нормативном отношении. Право на информацию, как и иные категории прав, является объективным по своей сущности, естественным правом человека. В соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [3]. Стоит указать, что «право на информацию», как правовая категория не имеет легально закрепленного определения в действующем законодательстве, в связи с этим на данный момент трактовать данное понятие необходимо исходя из точек зрения исследователей, которые сформировались в научной доктрине. Авторские определения отличаются друг от друга как полнотой изложения качественных сторон указанного явления, так и определением особенностей, которые наиболее полно характеризуют и являются ключевыми в исследуемой дефиниции. К примеру, А.А. Чеботарева представляет права и свободы информационного характера в качестве суммы правомочий различных субъектов в информационной сфере, если более конкретнее – в области поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, применения информационных технологий, а также обеспечения защиты информации [4, с. 51]. Специалист по информационному праву И.Л. Бачило предлагает рассматривать право на информацию как комплексное субъективное право гражданина, которое означает возможность свободно производить различного рода действия (манипуляции) с информацией независимо от того, каково ее назначение и что она представляет собой по своему содержанию [5, с. 8]. Такой автор, как В.Н. Монахов, считает, что право понимается как отдельное правомочие права на информацию [6, с. 327]. В своём исследовании С.Н. Братановский и С.Ю. Лапин право на информацию определяют, как нормативный определенный порядок реализации полномочий

различных субъектов в области производства (создания, получения, доступа, сбора, хранения, использования и распространения) информации в целях, не противоречащих свободам, правам и интересам личности, общества и государства. При этом авторы делают уточнение, что цели доступа к информации не должны противоречить правам и интересам других лиц, общества, государства, что является вполне обоснованным [7, с. 28-29].

Исходя из анализа научной литературы, право на информацию может рассматриваться в качестве отдельного гарантированного права на получение информации, либо в качестве комплексной категории, которая, в свою очередь, включает в себя совокупность субъективных прав, прямо прописанных в основном законе государства – Конституции.

Представляется более корректным второй подход определения правовой природы «права на информацию», поскольку данная категория не ограничивается одним конкретным правомочием, а включает в себя целый спектр правомочий по поиску, получению, производству, передаче, распространению и охране информации. При этом, по справедливому высказыванию Д.В. Огородова, следует также учитывать, что право на информацию не является однородным явлением, поскольку существует административное, гражданское и другое право на получение информации, каждое из которых имеет свои особенности [8, с. 61].

С учётом того, что право на информацию выступает комплексным институтом, ключевой проблемой, в условиях цифровизации и информатизации общества, является вопрос правовых границ ограничения доступа к информации.

Для выстраивания отношений в демократической плоскости государству необходимо обеспечить работу своих государственных органов с преобладанием в их деятельности таких качеств, как открытость и прозрачность, что выступает действенным инструментом обеспечения взаимодействия общества и органов власти с учётом сохранения гарантированных прав и поддержания политики безопасности. Однако не вся информация может быть предоставлена в открытом доступе и полной мере. Государство должно выступать своеобразным фильтром, ведь не каждая информация подлежит разглашению и приемлема для обнародования в средствах массовой информации или других официальных источниках. Ограничения доступа к определенным сведениям в силу своей особой природы и важности применяются в качестве исключительной меры, ведь вследствие распространения таких данных может возникнуть угроза нанесения ущерба безопасности государства. По справедливому высказыванию Баяндина Г.В., любое ограничение рассматриваемого

права должно устанавливаться в конкретных целях, прямо указанных в Конституции и продублированных в части 1 статьи 9 ФЗ «Об информации». К таким целям относятся: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства [9].

Данный вопрос выступает достаточно дискуссионным, поскольку цели, которые преследует процедура ограничения информации, сформулированы довольно широко, что даёт возможность государству в некоторых случаях злоупотреблять своим правом на фильтрацию и ограничение информации.

Исходя из этого, главным требованием при ограничении права на доступ к информации по соображениям национальной безопасности является соответствие данных мер законодательным требованиям, установленным государством. При этом сам закон должен отвечать требованиям общедоступности, точности, обладать высоким уровнем законодательной техники для исключения возможности неправильного или расширительного толкования причин и целей ограничения того или иного вида информации. Кроме того, как указывают Пономарева Ю.В., Макарова З.В., закон должен обеспечивать адекватные гарантии против злоупотреблений, в том числе быстрое, полное, доступное и эффективное рассмотрение обоснованности ограничения независимым органом надзора [10, с. 93].

Мировое социокультурное пространство, характеризуясь динамичным развитием общественных отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, создаёт обоснованные предпосылки для дальнейшего усложнения, постоянного изменения и трансформации указанного вида правоотношений. Вместе с этим будет увеличиваться и уязвимость безопасности всех задействованных при этом ресурсов, что опосредует выработку разумной политики в сфере защиты информации и недопущения ущемления права на её получение, передачу, производство и распространение. Идея свободы поиска данных и самовыражения, закреплённая в самых разных конвенциях, должна оставаться приоритетом наряду с обеспечением безопасности такого поиска [11, с. 71].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, все глобализационные изменения, происходящие как во внутригосударственном, так и в мировом пространстве, требуют постоянного мониторинга ситуации со стороны контролирующих органов относительно сохранения баланса между учётом интересов, соблюдением всех прав и свобод человека и гражданина в сфере

информации и сохранением стабильной ситуации в области обеспечения национальной безопасности, защиты государственных интересов в информационном пространстве. Несмотря на высокую значимость исследуемого вопроса, до сих пор остаются неразрешенными некоторые аспекты как на уровне научной, так и правовой доктрины. Так, термин «право на информацию» не имеет легального определения и более целесообразно, исходя из авторских дефиниций исследователей, рассматривать данное право в качестве совокупности правомочий, связанных с информацией. Неразрешенные проблемы должны повышать интерес к дальнейшим разработкам и поиску оптимальных путей их решения в связи с тем, что информация, как главный продукт информационного общества, может нести в себе как положительные аспекты в развитии организационной деятельности государства, так и негативные, способные нанести риск национальной безопасности страны.

Список использованных источников

1. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/. – (Дата обращения: 22.02.2023).

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/. – (Дата обращения: 22.02.2023).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

4. Чеботарева, А. А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод / А.А. Чеботарева // Юридический мир. – 2015. – № 1. – С. 49-53.

5. Бачило, И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 5-16.

6. Канишевский, Н. А. Право на информацию, право на доступ к информации: проблемы соотношений понятий / Н.А. Канишевский //

Актуальные вопросы развития современной цифровой среды: сб. ст. по материалам научно-технической конференции молодых ученых, Москва, 14-16 апреля 2021 г. – Волгоград : Издательский дом «Сириус», 2021. – С. 321-329.

7. Братановский, С. Н. Право на доступ к информации как элемент конституционного права на информацию / С.Н. Братановский, С.Ю. Лапин // Гражданин и право. – 2012. – № 8. – С. 20-35.

8. Огородов, Д. В. Субъективное право на информацию: некоторые вопросы / Д.В. Огородов // Право и информатизация общества. – № 2002. – С. 59-74.

9. Баяндин, Г. В. Механизм ограничения права граждан на доступ к информации / Г.В. Баяндин // Молодой ученый. – 2019. – № 50 (288) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/288/65059/>. – (Дата обращения: 25.02.2023).

10. Пономарева, Ю. В. Вопрос соотношения права на информацию и интересов национальной безопасности в свете международного опыта / Ю.В. Пономарева, З.В. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Вып. 15. – № 1. – С. 91-95.

11. Растегари, С. Пределы ограничения права человека на информацию в международном праве / С. Растегари // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 5 (48). – С. 68

УДК 340.15

DOI 10.5281/zenodo.8177020

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**СТЕПАНОВА Ю.С.,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье представлен общий анализ теорий, объясняющих современное состояние человеческого общества. Обоснована позиция по сохранению за современным обществом термина «информационное» через его ключевую особенность – автоматизацию информационных процессов; дано определение понятия «информационное общество». Выявлены и проанализированы признаки, цель, сфера и методы правового регулирования информационного общества; дано его определение.

Ключевые слова: общество, типологизация общества, информационное общество, правовое регулирование

INFORMATION SOCIETY: DEFINITION OF THE CONCEPT AND SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION

**STEPANOVA YU.S.,
Senior Lecturer of the Department of Theory and
History of State and Law of the Faculty of Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article presents a general analysis of theories that explain the current state of human society. The position on the preservation of the term «information» for the modern society through its key feature – the automation of information processes is substantiated; the definition of the concept of «information society» is given. Features, purpose, scope and methods of legal regulation of the information society are identified and analyzed; given its definition.

Keywords: society, typology of society, information society, legal regulation

Постановка задачи. Следует отметить, что вопросу становления и функционирования правового регулирования информационного общества, к сожалению, со стороны ученых уделяется значительно меньше внимания, чем изучению собственно самого информационного общества, поскольку обозначенный вопрос по своей правовой природе является в научно-познавательной сфере достаточно новым, а, следовательно, недостаточно исследованным.

Актуальность. Следует отметить, что исследованию информационного общества в целом посвящено достаточное число научных исследований в различных отраслях наук. Вместе с тем вопрос о понятии «информационное общество» до настоящего времени остается остро дискуссионным. Проблема же правового регулирования информационного общества остается слабо изученной, а, следовательно, актуальной и своевременной.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование проблематики информатизации общественных отношений и типизации современного общества получило развитие в трудах современных иностранных ученых, в числе которых Ф. Уэбстер, Д. Белл, М. Постер, М. Кастельс, Э. Тоффлера и др. Концептуальные положения информационного общества и его философско-методологические, филологические, культурологические, социологические аспекты отражены в научных наследованиях таких отечественных и зарубежных авторов, как Р. Азизова, А. Алексеевой, К. Амиржанова, В. Белоусова, И. Бачило, Ю. Вольфсона, Н. Караваева, А. Климовой, Н. Лаврика, Н. Моисеева, В. Назарова, Д. Белла, К. Берда, М. Кастельса, Г. Маклюэна, Р. Макридисы, Й. Масуды, Ф. Фукуямы и др.

Целью настоящего исследования является определение понятие «информационное общество» и рассмотрение отдельных вопросов правового регулирования информационного общества.

Изложение основного материала исследования. На протяжении более чем двухтысячной истории человеческое общество характеризуется разным уровнем научно-технического, экономического, правового, культурного и духовного развития. В различные этапы своего существования на процессы эволюции человека и его объединения оказывали влияние различные внутренние и внешние факторы, причем по мере «роста цивилизованности» человека, воздействие внешних факторов становится не столь очевидным. Вместе с тем, в контексте взаимной обусловленности общества, государства и права, развитие цифровых и IT-технологий в последние десятилетия вызвало острые научные дискуссии относительно типологизации сегодняшнего общества. Современное научное знание достаточно насыщено теориями типологизации общества.

Прежде всего, следует отметить, что в различного рода словарях и энциклопедиях понятие «общество», чаще всего, дается в двух пониманиях: в широком как совокупность исторически обусловленных форм и способов взаимодействия людей; и в узком – как исторический конкретный тип социальной системы [1], которое и берется для его типизации.

В числе первых типологизаций общества отмечаются теории (подходы), которые в качестве критерия выбирали наличие письменности (дописьменные и письменные); наличие социальной структуры (простые и сложные); способ производства (охотников и собирателей; скотоводческие, земледельческие, индустриальные); способ производства и форма собственности, т.н. формационный подход (выделяют первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации); цивилизационный подход [2, с. 416-419].

Многообразие теорий, объясняющих состояние современного общества, в свою очередь, породило ряд классификаций, упорядочивающих информационные теории, имеющие наибольшее социологическое значение. Однако масштабностью и глубиной анализа теорий, по нашему мнению, отличается классификация Ф. Уэбстера, предполагающая выделение концепций социальной преемственности и теории, относящие информационное общество к обществу нового типа [3, с. 12]. Сам Ф. Уэбстер приходит к выводу о «смешанной картине», т.е. одновременном присутствии кардинальных изменений и преемственности, которая, по его мнению, все же преобладает [3, с. 365].

Вместе с тем считаем невозможным отрицание особой роли и места информации и очевидных особенностей современного развития общества (например, постоянно увеличивающийся объем информации как ресурса [4, с. 51]; информационная зависимость общества [5, с. 164-171]; трансграничность информационных сетей, доступных желающим; возможность оперативной социальной коммуникации вне зависимости от места нахождения на Земном шаре; трансформация деятельности СМИ по формам создания и распространения информации и их технологическая стыкуемость с информационными компьютерными сетями [6, с. 16]; возрастание удельного веса знаний в социальной деятельности (производство, эксплуатация, использование услуг) [7, с. 3-12] и т.д.), послуживших толчком к появлению понятия «информационное общество».

Однако мы солидарны с мнением авторов, отмечающих, что любой тип общества использует информацию, в силу чего «информационное общество» в данном контексте весьма неподходящий термин, имеющий небольшую аналитическую ценность для определения особенностей наступающей эпохи [8, с. 31]. Также согласимся с мнением Н. Караваева относительно того, что подход, согласно которому в обществе значительно возросла роль информации и, тем самым, движущей силой становления нового типа общества становится не материальное производство, а информационное, не отражает должным образом своеобразия новой социальной формации [8, с. 31]. Информация никогда не переставала быть движущей силой. И хотя в современной науке существуют альтернативные информационному обществу понятия (сетевое, общество знания, постбуржуазного, посткапиталистического и др.), мы не считаем целесообразным вводить какое-то новое понятие для обозначения нового типа общества. На наш взгляд, достаточно понимать ключевую особенность этого общества, суть которой состоит в автоматизации информационных процессов. Исходя из такой трактовки, можно объяснить экономические изменения (рост экономической ценности информации, повышение роли информационной сферы общества и т. д.), изменения в сфере культуры (автоматизация информационных процессов позволила неоднократно увеличить объемы обрабатываемой и передаваемой информации и, в свою очередь, область распространения), процесс глобализации общества (превращение мирового пространства в единое сообщество людей) и многие другие социокультурные трансформации.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что информационное общество в его широком понимании – это общество с высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов в их геополитическом масштабе.

Движение к формированию информационного общества является постепенным, длительным, а также неизбежным процессом, который в каждом государстве отличается своей спецификой, что позволяет нам говорить о понятии «информационное общество» в узком смысле, как обществе с высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов, обусловленных объективными национальными историческими, социальными, культурными, политическими и экономическими условиями, включенных в геополитические процессы.

Развитие «информационного общества» диктует сейчас необходимость правового регулирования, воплощение эффективных норм и правил формирования государственной политики, а также направлений развития современного, стабильного правового государства, что, естественно, привело к многостороннему вниманию со стороны научных деятелей и исследователей.

Сферой правового регулирования считается совокупность общественных отношений, которую можно и нужно упорядочить с помощью права и правовых средств. Это, прежде всего, общественные отношения (экономические, политические, социально-культурные), функционирование которых невозможно без использования правовых средств [9, с. 818-832].

Целесообразно будет рассмотреть понятие правового регулирования информационного общества через определение его основных признаков, цели, сферы, методов и механизма реализации упорядочения и эффективности развития общественных отношений.

Говоря о признаках правового регулирования информационного общества, следует отметить, что ему присущи как признаки правового регулирования общественных отношений в целом, но также и свои определенные особенности, что делает его теоретический характер уникальным. Рассмотрим подробнее.

Во-первых, оно является разновидностью социального регулирования с присущими ему умственно-волевыми отношениями [9, с. 248], поскольку «информационное – это общество, в котором все возможности современной цивилизации используются на благо конкретного человека, в котором он максимально раскрывается и вполне реализует себя» [10, с. 16-17].

Во-вторых, оно является преимущественно государственно-властным регулированием, но может осуществляться и через участие общества (через общественные организации, коммерческие объединения, трудовые коллективы) [9, с. 248].

В-третьих, осуществление системно-нормативного регулирования посредством комплекса юридических средств, обеспечивающих его

эффективность [9, с. 248]. Принятие Донецкой Народной Республики на правах самостоятельного субъекта в Российскую Федерацию, ставшее логическим завершением всеобъемлющей интеграции, заложенной в Доктрине «Русский Донбасс», обуславливает ее включенность в российское правовое пространство, в т.ч. в части регулирования информационной сферы.

В-четвертых, имеет общий характер, охватывая большие сферы значимых с точки зрения правового регулирования общественных отношений, распространяясь на все население и территорию государства [9, с. 248]. Всеобъемлющий характер правового регулирования информационного общества очевиден при анализе, например, положений Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (стратегии развития информационного общества в 2017-2030 гг.), охватывающей интересы отдельно взятого гражданина, государства и общества в целом в их взаимодействии [11].

В-пятых, имеет, как уже отмечалось ранее, конкретно-исторический характер, т.е. всегда связано с реальными общественными отношениями в определенный исторический период.

В-шестых, характеризуется единством регулирования, заключается в едином и одинаковом масштабе правового оценивания адекватных жизненных ситуаций, требующих регламентации [9, с. 248].

В-седьмых, имеет целенаправленный и формализованный характер, направленный на упорядочение общественных отношений, их охрану и защиту, вытеснение и блокировку деструктивных форм проявления поведения и деятельности субъектов права, стимулирования социального развития, формализованных в предписаниях законов и подзаконных актов, нормативно-правовых договоров, правовых прецедентов и других форм права; процессуальный и результативный характер, которого проявляется через определенные стадии, то есть этапы перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений и гарантирует доведение норм права к их выполнению благодаря юридическим средствам, имеющимся в его распоряжении, благодаря государственной обеспеченности [9, с. 248].

Цель правового регулирования информационного общества должна раскрываться через стремление построить общество, ориентированное на интересы людей, открытое для всех, в котором каждый мог бы создавать и накапливать информацию и знания, иметь к ним свободный доступ, пользоваться и обмениваться ими, для предоставления возможности каждому человеку в полной мере реализовывать свой потенциал, способствуя общественному и личному развитию и повышению качества жизни. Таким образом, цель правового

регулирования информационного общества можно сформулировать как достижение правопорядка и консолидации интересов и потребностей субъектов информационного общества.

Сферу правового регулирования информационного общества формирует абсолютно все социальное пространство, в котором используются достижения информационно-технологической революции с целью развития личности, в чем собственно и заключается особенность создания, функционирования и регулирования информационного общества в целом. Уникальность правового регулирования информационного общества заключается в его универсальном характере. Сложность сферы правового регулирования информационного общества заключается в учете нормотворческими органами при создании нормативно-правовой базы для регулирования отношений в информационном обществе общественных и групповых и, самое главное, частных интересов, а также национальной самобытности, сохранения мультикультурализма, обеспечения свободы взглядов и свободы средств массовой коммуникации, доступа населения к достижениям цивилизации в цифровой форме.

Правовое регулирование информационного общества осуществляется с помощью общих средств и способов, т.е. методов, правового воздействия, однако опосредованных цифровизацией и автоматизацией информационных процессов: 1) основные: императивный, диспозитивный (например, защита персональных данных); 2) вспомогательные: рекомендательный, поощрительный (например, переход на биопаспорта, право человека на доступ к публичной информации).

Механизм правового регулирования информационного общества, в первую очередь, зависит от степени его эффективности, которая в равной степени обусловлена совершенством нормативной базы, уровнем правосознания и правовой культурой субъектов права [9, с. 248]. Безусловно, не стоит забывать, что на действующий механизм правового регулирования (как, впрочем, и на механизм правового регулирования информационного общества) оказывают влияние и экономический, идеологический, религиозный, политический, исторический и культурный факторы, о которых уже упоминалось выше.

На основе вышеизложенного предлагаем под правовым регулированием информационного общества понимать деятельность государства, обеспеченную нормами национального права и общепринятыми нормами международного права, в сфере регулирования социального пространства, охваченную правом и пронизанную процессами цифровизации и автоматизации информационных процессов, направленную на достижение

правопорядка и консолидации интересов и потребностей субъектов информационного общества.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что информационное общество (и связанные с ним явления и процессы), как особый этап в развитии человечества, оставляет «открытыми» многие вопросы. Вместе с тем само понятие «информационное общество» мы можем рассматривать в его широком понимании, как общество с высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов в их геополитическом масштабе; в узком – как общество с высоким уровнем цифровизации и автоматизации информационных процессов, обусловленных объективными национальными историческими, социальными, культурными, политическими и экономическими условиями, включенное в геополитические процессы. В свою очередь правовое регулирование информационного общества предложено рассматривать через определение его основных признаков, цели, сферы и методов и сформулировать как деятельность государства, обеспеченную нормами национального права и общепринятыми нормами международного права, в сфере регулирования социального пространства, охваченную правом и пронизанную процессами цифровизации и автоматизации информационных процессов, направленную на достижение правопорядка и консолидации интересов и потребностей субъектов информационного общества.

Список использованных источников

1. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] / Академик.ру. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>. – (Дата обращения: 25.02.2023).
2. Лопухов, А. М. Словарь терминов и понятий по обществознанию / А.М. Лопухов; ред. Е.М. Гончарова. – М. : Айрис-Пресс, 2016. – 512 с.
3. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 398 с.
4. Амиржан, К. Ж. Становление теории информационного общества / К.Ж. Амиржан // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 3 (40). – С. 51-54.
5. Сляднева, Н. А. Homo informaticus, или эволюция человека в информационном обществе / Н.А. Сляднева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3 (41). – С. 164-171.

6. Назаров, В. Л. «БОЛЬШАЯ ИГРА» v. 2.0: Россия в глобальном информационном пространстве / В.Л. Назаров, Д.В. Жердев. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. – 304 с.

7. Ракитов, А. И. Россия в глобальном информационном процессе и региональная информационная политика / А.И. Ракитов // Проблемы информатизации. – 1993. – № 1-2. – С. 3-12.

8. Караваев, Н. Л. О смыслообразующем аспекте понятия информационного общества / Н.Л. Караваев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 3. – С. 28-32.

9. Скакун, О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков : Эспада, 2007. – 840 с.

10. Пушкарьова, Т. О. Електронна освіта і її розвиток в Україні / Т.О. Пушкарьова, О.М. Мельник // Комп'ютер у школі та сім'ї. – 2013. – № 3. – С. 16-17.

11. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (утв. Постановлением Правительства РФ № 313 от 15.04.2014) // Собрание законодательства РФ. – 05.05.2014. – № 18 (часть II). – Ст. 2159. – Текст: непосредственный.

УДК 34.01

DOI 10.5281/zenodo.8177037

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА КАК ОСНОВА ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

СУРОВЦЕВА А.А.,

канд. экон. наук, доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права;

НАДВОРНАЯ А.А.,

преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права

**ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»**

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматривается одна из ключевых теория происхождения государства – теория общественного договора, исторический путь ее становления и развития. Анализируются договорные отношения публичного характера от возникновения государства (теория общественного договора) до современной эпохи.

Ключевые слова: теория общественного договора, договор, публичное право, договорные отношения

THE THEORY OF SOCIAL CONTRACT AS THE BASIS OF CONTRACTUAL RELATIONS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

**SUROVTSEVA A.A.,
Candidate of Economics. Associate Professor
of the Department of Civil and Business Law;**

**NADVORNAYA A.A.,
Lecturer of the Department of
Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article examines one of the key theories of the origin of the state – the theory of the social contract, the historical path of its formation and development. The article analyzes contractual relations of a public nature from the emergence of the state (the theory of the social contract) to the modern era.

Keywords: theory of social contract, contract, public law, contractual relations

Постановка задачи. Сформированная на базе идей Древнего мира (Конфуция, Платона, Аристотеля и др.), концепция общественного договора оформилась в целостную общественно-политическую теорию в эпоху Нового времени. Это стало результатом быстрого и интенсивного развития философских идей того времени.

Обзор последних исследований и публикаций. В отличие от всех предыдущих исторических периодов, эволюция теории государства в общественно-политической мысли этого времени активно исследуется и рассматривается в многочисленных научных трудах. Эти исследования осуществляются как в рамках специальных наук, касающихся этого вопроса (политологии или права), так и в рамках исследований других научных сфер и направлений (например, истории). Однако в этих работах внимание авторов сосредоточено на аспектах, которые специфичны для их наук. В то же время выявить и проанализировать все определенные в то время аспекты институции государства (включая определение термина «государство») можно только в рамках науки государственное управление. Это, в свою очередь, заставляет тщательно исследовать эволюцию теории государства в общественно-политической мысли XVII-XVIII вв. с активным использованием первоисточников.

Актуальность статьи. Одной из ключевых теорий, объясняющей феномен государства в целом, является «теория общественного договора». Даже десятилетия популярности и доминирования марксизма не вытеснили эту идею из общественно-политической мысли. А крах социализма как социально-политического устройства и коммунизма как общественно-политической идеологии лишь актуализировали идею общественного договора. Кроме того, сам договор выражается как определенный регулятор общественных отношений, как универсальная категория общественной жизни, что определяет актуальность темы научной статьи.

Цель статьи заключается в историческом анализе становления и развития теории общественного договора, определение ее влияния на современные договорные отношения.

Изложение основного материала исследования. В XVI в. сформировались убеждения о необходимости математической красоты мира. Научная деятельность Коперника и Галилея сформировала новую научную парадигму и фактически выдвинула претензии на формирование единой и понятной человеку картины мира. Достижения основателя науки Нового времени Френсиса Бэкона, в области методологии, и механистический детерминизм Рене Декарта вывели научные исследования и теоретизирование на новый, более высокий качественный уровень. Апогеем развития науки стало открытие в 1665 г. английским естествоиспытателем И. Ньютоном закона всемирного тяготения, на основе чего он сформировал единую механистическую картину мира. Начало распространяться убеждение, что человеческий интеллект способен дать объяснение всему существу без опоры на Божий замысел или Божье вмешательство.

Такие успехи в методологии и естествознании не могли не привести к адекватному оживлению исследований в области обществоведческих наук. И, хотя такой оптимизм распространялся прежде всего на описание физического мира, это привело к попыткам перенести эти достижения и сферу гуманитарных и социальных наук. К тому же, в это время имели место общественно-политические явления, которые требовали тщательного исследования и научного объяснения. В XVII в. английская буржуазная революция, переросшая в гражданскую войну, заставила философов тщательно задуматься не только над сущностью государства как институции, но и над степенью и уместностью его вмешательства в жизнь человека. Политические и военные столкновения с целью перераспределения власти между общественными институтами требовали мощного теоретического обоснования - люди не хотели умирать без твердой уверенности, что гибнут за утверждение лучшего в мире способа государственного

управления. Поэтому неудивительно, что эта потребность в идеологических основах привела к формированию наиболее мощных после Платона и Аристотеля теорий государства.

Томас Гоббс считал главным мотивом человеческих поступков эгоизм. Поэтому он предвидел, что догосударственному периоду истории человечества присуще не просто страдание от обид, вызванных неупорядоченностью межчеловеческих отношений (как считали абсолютно все предшественники Гоббса), а настоящая война каждого с каждым, всех против всех. Единственным возможным путем спасения Гоббс считал отказ каждого человека от доли своей индивидуальной свободы в пользу определенной общественной институции. Такой институцией, согласно представлениям Гоббса, и стало государство.

Государство представляло реальное единство, воплощенное в одном лице, путем согласия, заключенного каждым человеком с каждым другим. Таким образом, Т. Гоббс провозгласил концепцию общественного договора основанием власти и упорядоченности жизни в обществе. Он считал государство единственным Верховным лицом, выражающим волю всех. При объединении в государство люди уступают часть своей свободы в пользу этого института ради согласования потребностей и интересов участников такого объединения. Согласно этим представлениям, государство является чрезвычайно мощным сверхчеловеческим и сверхобщественным образованием, могущественным чудовищем, которое имеет абсолютную власть над каждым отдельным человеком. И поскольку общественное соглашение заключается не между государством и обществом, а отдельно каждым человеком между собой, то никакого контроля над государственной властью быть не должно.

Однако такая негуманная и несколько тоталитарная трактовка феномена государства не могла удовлетворить просвещенного и политически активного человека того времени. Идеологическое оправдание произвола правителя и его чиновников не находило поддержки среди широких слоев населения, которое начало вмешиваться в процессы государственного управления. Это заставляло найти другие идеологические основания функционирования института государства. Поэтому исследования Т. Гоббса не стали уникальными даже для его страны.

Дж. Локк усматривал признаком государства наличие законодательства (причем, индикатором государства он воспринимает право казнить нарушителей). В то же время автор определил в общих чертах главную функцию государства – организация общества для его же блага. По мнению Локка, государство достигает этого путем регулирования его деятельности (законодательства), надзора за

соблюдением этих правил («сохранение собственности») и защиты от других государств. В отличие от практически всех своих предшественников, целью существования государства он считал вовсе не какое-то абстрактное общее счастье или общую безопасность, а вполне конкретные сугубо имущественные моменты. Трудно понять причины таких взглядов, когда имущество ставится выше жизни, поскольку эти строки были написаны вскоре после Английской буржуазной революции XVII в., бурным событиям которой сам Локк был свидетелем.

Таким образом, Дж. Локк считал государство добровольным объединением людей для обеспечения безопасности их жизни и деятельности, а главным образом – для обеспечения сохранности имущества. Согласно этому, при объединении в государство люди не теряют свою свободу, а получают новые возможности благодаря согласованию своей деятельности. В своих взглядах Локк сохранил и фактически восстановил многие еще античные представления о государстве. В то же время он первым отметил право на казнь как монопольную привилегию этого института.

Однако, обе эти теории как доминирующий монстр, подавляющий свободу и инициативу, и государство как добровольное объединение, увеличивающее возможности, – не давали ответов на большое количество вопросов общественно-политической жизни, возникших в то время. Давно прошли античные времена, когда государство было единственной формой организации общества. Тысячелетие попыток церкви доминировать в общественной жизни привело только к потере государством монополии в этой сфере. Тогдашнее бурное развитие местного самоуправления как институции, похожей на государство по функциям, но отличной по природе, продемонстрировало возможность существования различных форм организации общества. А возникновение политических партий вообще окончательно засвидетельствовало способность общества к самоорганизации. В этих условиях встал вопрос о первичности и приоритетности государства и общества, который требовал скорейшего решения.

В XVII-XVIII вв. начала зарождаться идея о приоритете общества над государством. Сторонники этой идеи считали, что государство возникло позже общества и является производным и зависимым от него институтом. Эти общественно-политические интуиции нуждались в четком оформлении, которое они приобрели за пределами влияния интеллектуального авторитета английских мыслителей - во Франции.

В 1762 г. было опубликовано произведение великого французского философа-энциклопедиста Ж.-Ж. Руссо (1712-1778 гг.) «Об общественном договоре, или принципах политического права».

Этот великий трактат во многом заложил концептуальные основы всей будущей политико-правовой мысли. С присущей французам легкостью и изысканностью (вполне адекватными тогдашнему стилю в искусстве – барокко) автор изложил свои представления о феномене институции государства.

Ж.-Ж. Руссо четко определил, что государство является формой организации общества, созданной в результате своеобразного соглашения между всеми отдельными членами этого объединения – «общественного договора». Согласно этому, государство является лишь производной от общественной жизни институцией с исключительно обслуживающими функциями. Этим была окончательно сформирована полноценная теория общественного договора. Ж.-Ж. Руссо довольно своеобразно попытался окончательно определиться относительно терминологии государства. Он объединил в единую сложную систему все термины, которые в то время использовались для обозначения государства и различных форм самого этого учреждения и его деятельности. Таким образом, Руссо, подражая Цицерону, использовал для обозначения институции государства термин «республика», но понимал под этим максимально широкий спектр явлений, которые все сводились к феномену государства.

Действительной заслугой Ж.-Ж. Руссо является выявление универсального характера институции государства. До него сущность государства пытались определить в тесной взаимосвязи с конкретным типом государственного строя. Да только этот философ заметил, что источником власти в любом государстве является народ (точнее, его согласие подчиняться). Таким образом, впервые в истории теории государственного управления был определен исключительно демократический характер институции государства независимо от конкретного типа государственного строя.

Таким образом, Ж.-Ж. Руссо окончательно сформулировал теорию общественного договора, главные идеи которой существовали еще в античные времена. Однако вместе с тем философ изложил терминологическое разнообразие феномена государства. Кроме того, он чрезвычайно метко отметил абсолютный демократизм этого института. Все эти достижения привели к возрождению дальнейших исследований феномена государства.

На протяжении XVII-XVIII вв. происходили интенсивные исследовательские процессы феномена государства. Достижения предыдущих исследователей, усовершенствованные благодаря успехам в методологии, были развиты в теории качественно высшего уровня. При этом стали формироваться отдельные национальные школы государственности.

В XVII в. английские обществоведы, Гоббс и Локк, открыли феномен обособленности институции государства от общества. И хотя оба философа сделали противоположные выводы о характере этого института, они смогли достаточно точно описать изучаемое явление и сформулировать собственное видение определения главной цели существования и функций государства.

В XVIII в. исследование феномена государства продолжили французские обществоведы. На основе уже сложившегося представления о сущности этого института Руссо окончательно определил механизм формирования государства в виде общественного договора. После этого Гольбах попытался точно определить главную цель существования государства, его функции и особенности функционирования.

Вследствие всего этого окончательно сформировалась теория общественного договора, которая до сих пор остается наиболее согласованной концепцией государства. Такие достижения сделали возможным дальнейшее развитие исследований этого института в направлении определения законов его организации и функционирования.

Таким образом, следует отметить, что теория общественного договора основывается на идее соглашения (договора) как акта разумной воли человека. Представители данной теории рассматривали договор в его вариантах, как общественный договор-подчинение (договор между правителем и людьми) и общественный договор-объединение (договор людей друг с другом, всех со всеми).

Объективные причины возникновения государства нельзя объяснить только договором, однако договор играет значительную роль в государствообразовании многих стран.

В процессе развития договорного права договор сопоставляли с законом, начиная с римского права, называя законы царями. Такой подход и научная трактовка отразились в ст. 1134 ГК Франции: «правомерные договоры становятся законом для лиц, которые их заключили». Сравнение с родителями проводят, называя соглашение матерью договора, поскольку оно порождает все возможные последствия в договоре.

Согласно договорной теории, где право рассматривается как результат многочисленных компромиссов, договоренностей между участниками, надлежащим образом заключенный договор содержит правовые нормы и является формой права. Последователи договорной теории связывают договорный процесс с правотворчеством, в отношении отдельных случаев и конкретных лиц. Стороны, выражая свою волю, закладывая свой интерес, определяют правила поведения в договоре, воплощая принцип «разрешено все, что не запрещено

законом», таким образом регулируя отношения путем установления норм. Отсюда бесспорно вытекает правотворческий характер договора (не ограниченного рамками законодателя), являющегося основным юридическим средством, опосредующим базисные отношения, который приводит в действие нормы права.

Толкование договора как «взаимное обязательство, письменное или устное соглашение» выражается в лингвистике с помощью синонимов: обязательство и соглашение, однако законом определен термин «обязательство», который нашел свое отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации [1].

Важные и первоочередные вопросы социального характера решаются с помощью договора «как некоторой константы, поиска (опоры, точки, прямой), сочетающей интересы и желания, права каждой стороны».

Рассматривая определение понятия «договор», уместно упомянуть оговорку В. И. Ленина об условном и относительном значении всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей, явлений в их полном развитии.

Юридические отношения, формой которых является договор, не зависимо от того, закреплены они законом или нет, являются волевыми отношениями, в которых отражаются экономические отношения. Содержание этих юридических или волевых отношений дано самими экономическими отношениями. Поэтому договор представляет собой юридическое отношение, которое имеет экономическое содержание.

Понятие договора по-разному рассматривается с позиций права и экономики. Юристы в договоре видят юридическое действие, осуществляемое в виде согласованного волеизъявления, а экономисты рассматривают договор через призму экономического оборота. В экономике договор является способом обмена материальных благ, рычагом динамических процессов товарообмена. Поэтому с закреплением юридического и экономического равенства субъектов права, привлечением все большего количества объектов в гражданский оборот, содействием свободы конкуренции растет и углубляется роль договора.

Если углубиться в историю Киевской Руси, то договор – «ряд», использовался для примирения (прекращения вражды, восстановления согласия), улаживания конфликтов. Он представлял собой своего рода мировое соглашение, как способ разрешения юридического конфликта самими сторонами, договор о порядке и условиях разрешения конфликта на взаимовыгодных условиях. Установление мира, определение границ, военные союзы, принятие религии, династические союзы (браки навязанные или вынужденные) в прошлом являются договорными формами, отражением, прототипом договора.

В современных условиях широко используется договор как форма разрешения конфликтов, как на внутренней арене государства, так и за ее пределами, причем в различных сферах отношений.

В современном законодательстве мировое соглашение является регулятором, формой решения спора на всех стадиях гражданского процесса, на основе взаимных уступок их участников.

Еще со времен Древнего Рима договоренность касалась всего, о чем лица могли договориться. Понятие «договоренность» шире, чем понятие «договор». Не каждая договоренность является договором, а лишь та, которая порождает правовые последствия. Договоренности имеют свои признаки и самостоятельное значение. В международных отношениях считается, что договоренности имеют не юридическую, а моральную или политическую окраску. Это явление все чаще прослеживается в международной практике.

Толковые словари определяют «договоренность» как принципиальную дипломатическую договоренность сторон, зафиксированную в протоколе переговоров. Протокол в международном праве представляет собой международное двустороннее согласие по вопросам ограниченного действия. Словари дают нам в некоторой степени узкую (специфическую) трактовку понятия, хотя во внутригосударственном праве протокол применяется для урегулирования отношений, порождая договорные связи по воле сторон. Договоренность может иметь необязательное проявление, а моральный характер, «несерьезные обязательства» (взять с собой в отпуск), «неопределенная договоренность» (принять приглашение).

Договору присущи юридические признаки, обуславливающие такую позицию, «договор относится к юридическим фактам, на основе которых возникают обязательства». Договор отличается как от правонарушений, которые всегда являются неправомерными, так и от правомерных действий, юридических поступков, которые всегда нацелены на наступление последствий, независимо от воли лица.

Любой договор является осуществлением частной автономии, правомерным волеизъявлением и как правовой феномен встречается почти во всех отраслях публичного права: гражданского, трудового, семейного, земельного и др. Интересно то, что договор везде сохраняет свою сущность, приобретая отраслевые особенности, и направлен на достижение правовых последствий. Несмотря на распространенность и интегральность договора, каждый договор является индивидуальным (относительно сторон, сроков, объекта...).

Возвращаясь к учению классиков марксизма: «договор есть конечный результат, в котором воля сторон находит свое общее юридическое выражение» [2].

Гражданско-правовой договор является уникальным правовым инструментом развития рыночной экономики по выражению воли участников отношений, определению потребностей общества в товарах и услугах и оптимальном обеспечении потребностей общества. Каждый договор по социальной и психологической природе независимо от круга его участников представляет собой простую или сложную систему волеизъявлений, которые органично сочетаются во взаимном согласии сторон. Это не просто сумма волеизъявлений определенных сторон, а проявление и реализация их встречных воли и заинтересованностей. Это всегда целенаправленный закон, который выражает правомерное, юридически значимое действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение правомерных связей участников общественных отношений.

Гражданско-правовой договор выполняет основную роль в регулировании экономических отношений в обществе, которую нельзя заменить никаким количеством законов. Именно регулирующая функция гражданско-правового договора, которая является основной и важнейшей (другие являются производными), приближает договор к закону, ибо договор выступает средством регулирования правомерного поведения сторон в гражданских правоотношениях. В функциях договора сочетается и проявление главных целей, основного назначения договора и его влияние на общественные отношения.

Выводы по данному исследованию. В последнее время правовая наука пополнилась целым массивом исследований, посвященных договору и отдельным его видам. В современных условиях роль договора как универсальной и целесообразной формы реализации товарно-денежных отношений и других имущественных отношений стремительно растет. Сфера применения договора значительно расширилась по кругу субъектов, применением новых видов договоров, реализации свободы договора.

Вследствие осложнения экономической организации общества, рост количества договоров, возникновение новых группировок и видов – содержит только главные согласованные условия соглашения, подлежащие уточнению выполнения работ, договор функционирует как механизм регулирования гражданских отношений. Благодаря развитию экономики, становлению правового государства спектр отношений, которые могут выражаться в договорной форме, расширяются, а требования к порядку их установления упрощаются. Значение договора возрастает не только за счет социальной и экономической роли, расширения сферы его действия. Повышение роли договора и его значения обусловлено тенденциями самоопределения индивида.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

2. Маркс, К. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / К. Маркс, Ф. Энгельс Изд.2. Т.23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://informaxinc.ru/lib/marx/23.html>

УДК 340.12

DOI 10.5281/zenodo.8177136

ПРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ВЛИЯНИЕ МОРАЛИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

**ХОРУЖЕНКО К.А.,
канд. истор. наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Целью настоящей статьи является исследование значения морали для правового регулирования. Выделены определенные проблемы, связанные с моралью и регулированием правоотношений. Рассмотрено значение влияния морали на правосознание человека. Сделан вывод об особенностях взаимодействия права и морали.

Ключевые слова: мораль, право, совесть, личность, правосознание граждан ДНР, правовое регулирование

MORAL AND LEGAL INFLUENCE OF MORALITY ON HUMAN LEGAL CONSCIOUSNESS

**KHORUZHENKO K.A.,
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor of the Department of
Theory and History of State and Law,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The purpose of this article is to study the importance of morality for legal regulation. Certain problems associated with the regulation of the morality of legal relations are highlighted. The significance of the influence of morality on the legal

consciousness of a person is considered. The conclusion is made about the features of the interaction between law and morality.

Keywords: *morality, law, conscience, personality, legal awareness of citizens of the DPR, legal regulation*

Постановка задачи. В обширном комплексе практических задач и теоретических проблем развития современного общества и цивилизации в целом исключительно важное место занимает исследование роли, наполняемости, творческих возможностей и функциональных особенностей взаимодействия права и морали.

В условиях становления Донецкой Народной Республики, как правового государства, познание соотношения, связи и закономерностей развития таких важных элементов надстройки, как право и мораль, представляет собой сущность проблемы взаимоотношения человека и общества.

Отсюда *основную задачу* представленной статьи можно выразить потребностью теоретического анализа и обоснованного заключения о влиянии норм морали, формирующих психологические установки человека, определяющие мотивы его поведения в правовом поле.

Актуальность. Сегодня с максимальной четкостью вырисовывается необходимость исследования подлинного содержания декларированных свобод, определения степени соответствия существующих социально-нормативных, в первую очередь, государственно-правовых, установлений индивидуальным устремлениям личности. Тем более в условиях создавшегося обострения политической и идеологической борьбы противоборствующих сил, разоблачения различных направлений фальсификаций и популизма, пытающихся извратить и дискредитировать основные положения правовых и этических норм, требуется аргументированная и доказательная разработка всех сторон этой актуальной темы, позволяющей раскрыть действительные преимущества современной парадигмы морального права и общества.

Обзор последних исследований и публикаций. В настоящее время с достаточной определенностью вскрыт – с точки зрения движущих причин, содержания и формы – механизм взаимодействия морали и права, показаны единство их принципов и отличительные особенности в современном обществе, схожесть и коренное отличие их служебной роли от различных институтов и идеологий, определены основные тенденции их дальнейшего развития. Данным направлениям посвящены исследовательские работы: Е.А. Фроловой, А.А. Барышевой и В.Н. Зеленской, Л.А. Голубевой и др. [1; 2; 3].

По основным, принципиальным вопросам у представителей правовой и этической науки имеются общие позиции, и неизбежно в

научных спорах и поисках истины расхождения между ними существуют в пределах этого единства.

Думается, что на данном этапе теоретических дискуссий есть все основания для того, чтобы выдвинуть на первый план вопрос о целесообразности усилий по максимальному сближению некоторых точек зрения. Сюда относятся традиционные проблемы соотношения объемов правового и нравственного регулирования, системы и структуры социальных норм и др.

Мораль является важнейшим внутренним социальным ненормативным регулятором общественных отношений, считают исследователи, а правовое регулирование – это целенаправленное воздействие на отношения между людьми [4; с. 83]. Следовательно, мораль является тем самым средством правового регулирования, подтверждающим, как психологические и эмоциональные процессы достаточно сильно воздействуют на совершаемые субъектом правоотношений действия.

Исследования вопросов влияния морали на поступки человека вызывает некоторую сложность в конкретизации определения данного понятия, поскольку для каждого человека понятие «мораль» будет иметь свое значение, свою эмоциональную окраску. В целом можно сказать, что мораль – это система внутренних убеждений человека, выработанных им в процессе самостоятельного размышления. Мораль действует как внутренний регулятор, где главным определителем нравственного и безнравственного выступает собственная совесть.

По данным проблемам в научной литературе встречаются несхожие, а иногда и диаметрально противоположные точки зрения. Поэтому здесь следует усматривать и определенную сложность схожих вопросов касательно полемики и дискуссий. Причины расхождений кроются и в том, что представители различных наук: с одной стороны – юриспруденция, с другой – философия, социология и этика, касаясь взаимодействия морали и права, проявляют в ряде случаев известную односторонность основополагающих посылок, в чем, видимо, сказывается влияние специфических интересов и проблем самой науки. Иногда же причины кроются и в некоторой методологической слабости отдельных суждений, а сами диалектические положения подаются без достаточной конкретизации и связи с жизнью общества [5, с. 76].

Цель статьи. Духовно-нравственные процессы достаточно сильно влияют на правосознание, правотворчество и правоприменение. Вот почему проблемы соотношения права и морали все в большей мере привлекают внимание социологов, историков, политологов, теоретиков государства и права. Им посвящается много специальных исследований отечественных юристов и теоретиков. Очевидно, что в ближайшем

будущем объективно сохранится непреходящая актуальность этих проблем.

Отсюда *цель* настоящей статьи – раскрыть сущность механизма взаимодействия морали и права в обществе, показать единство их принципов и отличительные особенности, влияющие на поведение в условиях современного мироустройства.

Изложение основного материала исследования. Историческая последовательность развития морали, как наиболее древней и всеобъемлющей идеологической формы, выступает в качестве одного из детерминантов, регуляторов социального поведения людей. Будучи, в конечном итоге, определяемой развитием экономического базиса, сама единая система норм социального поведения – первобытная мораль – на определенной ступени движения форм собственности претерпевает коренное диалектическое преобразование.

Частная собственность на средства производства и возникновение на этой материальной основе различных слоев населения коренным образом изменяют существо связей между личностью и обществом. При этом система норм социального поведения расслаивается на противоположности, отражающие полюса общественных условий жизни индивидуумов противоположные системы нравственности. Но главным и принципиально новым в диалектическом преобразовании системы норм социального поведения является формирование права. Этот элемент надстройки, будучи более тесно и непосредственно, чем мораль, связанным с экономическим базисом, опираясь на силу государства, закрепляет существующие отношения собственности и выступает более энергичным и эффективным средством защиты политических интересов.

Процесс формирования права и поляризация противоположных систем морали проходят более или менее одновременно и характеризуется, с одной стороны, преемственностью по отношению к существующим нормам социального поведения, а с другой – интенсивной переоценкой нравственных ценностей, созданием новых понятий, моральных и правовых императивов, изменением моральной цели как моральной ценности. Неизбежное при этом изменение всей системы ценностей осложняется тем, что не только каждый слой общества вырабатывает свои понятия о добре и зле, справедливом и несправедливом, но, кроме того, развиваются и самостоятельные моральные воззрения неосновных социальных групп.

Опираясь на методологическую основу, современная наука не может ограничиваться констатацией общих положений о несводимости правового к моральному или о единстве этих самостоятельных частей надстройки, а видит свою задачу в дальнейшей конкретизации законов

и категорий диалектики, раскрытии злободневных научных проблем, возникающих в точках стыка морали и права. Исследование такого сложного объекта, как нравственно-правовые связи, возможно лишь с учетом всех иных сторон многообразного процесса взаимодействия объективного и субъективного факторов в жизни общества, лишь на основе принципов и требований системно-структурного подхода.

Чтобы привести элементы системности в настоящее исследование, а значит, способствовать дальнейшему развитию этого вопроса, необходимо опираться на уже освещавшиеся в литературе отдельные методологические принципы системного анализа. Рассматривая отдельные вопросы, по которым дискуссия и разногласия все еще существуют, следует отметить важность некоторых моментов: структуры и содержания нравственности и права, как частей базисной надстройки, отдельных ее элементов, а также теоретических споров о содержании понятий. Не следует забывать об объективном процессе непрерывного развития, диалектического движения права и морали и, следовательно, об определенной взаимообусловленности противоположных тенденций. Так, например, в области права (всякая абсолютизация понятий «нормативное» и «ненормативное», общезначимое и индивидуальное, императивное и рекомендательное, нормы – «масштабы» и нормы – «принципы» и т.д.) без учета их взаимосвязи, подвижности, изменчивости границ перехода является отступлением от законов диалектики. Ведь все это обусловлено непрерывным изменением и усложнением общественных отношений, регулировать которые призваны нормы права.

Рассматривая общность и различие права и нравственности и их место в системе социальных норм общества, можно сделать некоторые выводы.

Нельзя, вдаваясь в крайность, искусственно не замечать действительное многообразие социальных норм, специфические особенности отдельных их видов, порожденные усложняющимися условиями социального бытия, движением форм собственности, развитием структуры общества и противоречивым влиянием всей его предыстории. Вызванные к жизни, в первую очередь, экономическими, а также иными потребностями, одни и те же правила человеческого поведения могут иногда параллельно определяться рядом несхожих по характеру социальных норм (допустим, различных по происхождению, порядку формирования, обеспечения).

Но между всеми этими нормами существует глубокое внутреннее единство, поскольку экономический базис общества выступает, в конечном итоге, ведущим детерминантом их социальных целей и

содержания: они служат развитию и упрочению общественных отношений, отражают волю и интересы всего общества.

В силу своей особой роли и характера нормы морали и права образуют основу, своеобразный «нормативный фундамент», на который опираются в своем развитии все иные социальные нормы. Последние тяготеют по способу обеспечения и иным признакам к нравственным или правовым нормам, производны, зависят от них в большей или меньшей мере, могут сочетать некоторые из признаков тех и других, находиться на грани перехода из системы норм нравственных в правовую систему норм.

Такое разнообразие и подвижность норм служит более полному удовлетворению потребностей социального регулирования. А признак обеспечения норм служит, в конечном итоге, наиболее четким определяющим критерием, не позволяющим стереть грань между правовым и неправовым (нравственным).

Две системы норм – правовая и нравственная – охватывают всю совокупность социальных норм, находятся в диалектическом взаимодействии и олицетворяют собой единство противоположностей, выраженных в специфике морали и права. Не существует социальных норм – будь-то организационных, технических, норм общественных организаций и т.п., которые бы выпадали из этой сложной, диалектической единой структуры, развивающейся на основе преодоления внутренних противоречий, закона движения от менее совершенных форм к высшим, более совершенным.

А еще в качестве одного из важнейших факторов указанного единства выступают ведущие принципы нравственности. Мораль охватывает все и всяческие стороны социально-значимой жизнедеятельности людей. Не существует общественных отношений и регулирующих их норм, несоциальных по природе. А потому мотивы и цели человеческой деятельности всегда могут подлежать нравственной оценке, рассматриваться с позиций соответствия высшей нравственной цели, а также главных категорий морали – добра и зла, представлений о справедливом и несправедливом; любое поведение человека, при котором он выступает как существо общественное, частица общества, подпадает под действие определенных норм морали, входит в ее сферу.

Думается, что именно такой подход к рассмотрению всей совокупности социальных норм – как органически целостной структуры – дает возможность использовать в полную меру метод и средства диалектического системного анализа для более глубокого проникновения в существо взаимодействия ее отдельных частей, понимания системных связей, анализа внутренних противоречий, тенденций их развития и решения.

Рассматривая взаимодействие права и морали в контексте развития общественных отношений и их регулирования, следует подчеркнуть, что существенным звеном правовых и нравственных категорий выступают элементы связи соответствующих форм сознания.

Характер взаимодействия морали и права с иными элементами надстройки – с политикой, философией, наукой и т.д. – существенно отличен от их взаимодействия между собой в силу наличия особых черт общности и единства, обуславливающих возможность на базе одних и тех же ведущих принципов оценивать, согласовывать и регулировать поведение членов гражданского общества, и особых черт различия, не позволяющих морали и праву взаимораствориться в тождестве.

В этом проявляется неоднотипность характера взаимодействия различных элементов надстройки. Объясняется это не только различной степенью их связи с экономическим базисом, но и собственно специфическими чертами, вследствие чего одни из них могут образовывать выступающие в диалектическом взаимодействии пары, а другие, хотя и оказывают в процессе этого взаимодействия иногда определяющее, весьма существенное влияние друг на друга (например, мораль на этику), таких пар не образуют. К первым относятся право и мораль, а также научная философия и религия. В последних обращает на себя внимание противоположная социальная роль в борьбе за общую цель – мировоззрение – идей и учреждений, исторически преходящий характер религии, которая в конце концов полностью уступит место своему диалектическому антиподу.

Общность нормативной природы составляет наиболее существенную черту морали и права, а сами нормативные нравственные и правовые установления логически вырастают из суждений ценности, т.е. формируются в виде императивных масштабов надлежащих форм поведения в нравственном и правовом сознании. Все иные виды социальных норм (организационно-технические, общественных организаций и др.) уже в процессе своего формирования не самостоятельны, зависимы от результатов соответствующего нравственного или правового осознания, внутренне соотносятся и опираются на их критерии, оценки, методы, предшествующую нормативную практику и т.д.

Исследуя источник движения с позиции диалектического взаимодействия, следует предположить, что наличие в морали и праве взаимопротивоположных сторон, признаков и тенденций является обязательным условием. Причем всякое априорное ограничение возможных вариантов взаимодействия, как и самой степени взаимопроявления противоречий, является отступлением от диалектического метода.

Вполне естественно, что нравственному и правовому сознанию в процессе осмысления, оценки явлений социальной практики и конструированию норм в полной мере свойственны противоречивость объекта отражения, стремление разрешить эту противоречивость и, как следствие этого, а также специфики и диалектической взаимосвязи обоих надстроечных форм, – проявление новых противоречий: между нормами морали и нравственным сознанием, нормами права и правовым сознанием, между правовым и нравственным сознанием, между нормами права и передовым нравственным сознанием, между нормами-пережитками старой морали и правосознанием и т.д.

Анализируя указанные противоречия, следует отметить бесспорность одного положения: отношение и развитие морали и права в целом как элементов нормативной надстройки в условиях современного общественного развития характеризуется их различием в рамках единства, обусловленного существующим базисом.

Определяя тенденции нравственно-правовой детерминации в социальном поведении, нельзя недооценивать значение иных компонентов, базиса и надстройки, в прямой и опосредованной форме влияющих на процессы управления людьми, руководства социальной жизнью, в том числе и на само взаимодействие морали и права. Общественная практика, результаты конкретных социологических исследований все в большей мере дают основания для определения сравнительной, отнюдь не одинаковой роли этих форм влияния. Прежде всего нельзя не заметить интенсивно возрастающую роль в современном обществе идеологии вообще, политической идеологии в частности, и в этой связи – политического, организаторского и воспитательного влияния со стороны правящих элит. Осуществляя выработанную стратегическую линию, они все в большей мере играют роль оптимизирующего фактора в течение процессов нравственно-правового взаимодействия, применения правовых и нравственных норм, их развития и совершенствования.

Выводы. Взаимосвязь и развитие морали и права должны рассматриваться как результат комплексного взаимодействия разнородных факторов, входящих в структуру общества: *внутренних* – взаимодействия противоположных элементов диалектически единой целостной нормативной, нравственно-правовой системы гражданского общества, и *внешних* – определяющего, в конечном счете, влияния элементов базиса, иных компонентов надстройки, а также влияния прямых и опосредованных связей между этими элементами.

Проникновение в сущность тенденций, свойственных непрерывно развивающимся моральной и правовой системам, и научное прогнозирование их перспектив возможен лишь при системном

исследовании их взаимосвязи как целостного единого процесса на основе диалектического метода – в частности, в органической связи с историческим анализом форм развития человеческого общества. С этих позиций может быть правильно понята действительная роль морали и права как основных нормативных детерминантов, специфических регуляторов социального поведения – сознательных добровольных поступков; поступков, обусловленных в той или иной степени влиянием общественного мнения или выраженной в правовой форме волей правящих кругов или отдельных слоев населения, – а также быть средством социальной ориентации личности и общества в соответствии с выработанными в нем понятиями о добре и зле, справедливости целей движения.

Таким образом, очевидно объективное наличие двух диалектически взаимосвязанных тенденций в отношении моральной и правовой систем.

В дальнейшем, думается, при исследовании проблем и теоретических разработок направлений нравственно-правового взаимодействия особое внимание следует акцентировать на следующих моментах:

1) унификация системных представлений юристов, аналитиков и социологов. В свою очередь это требует разработки специальной методологии системных исследований и параллельно с ними – конкретных нравственно-правовых направлений; координации и объединения усилий представителей смежных наук;

2) ключевое место в области нормирования; в общем комплексе проблем управления социальными процессами вопросы нравственно-правового регулирования выдвигаются на первый план;

3) расширение практики конкретно-социологических исследований на основе разработанной общей методики совершенствования нормативно-правовой регламентации;

4) теоретическая разработка системы приемов, методики дифференциации и индивидуализации профилактической работы по предупреждению правонарушений и закреплению норм права в обществе. Практика показывает, что конкретизировать эту работу необходимо и должно, опираясь на колоссальные преимущества морально-правового воспитания.

Список использованных источников

1. Фролова, Е. А. Право и мораль / Е.А. Фролова // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 13-23.

2. Барышева, А. А. Особенности современного профессионального правосознания (на примере правосознания работников

правоохранительных органов) / А.А. Барышева, В.Н. Зеленская // Герценовские чтения – 2005. Актуальные проблемы юриспруденции. – СПб., 2006. – 139 с.

3. Голубева, Л. А. Право, мораль и справедливость / Л.А. Голубева // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, (Санкт-Петербург, 20-21 марта 2015 г.): в 2-х ч. – СПб. : ИД «Петрополис», 2016. – С. 56-65.

4. Казанцева, Д. Б. Правосознание личности в современном обществе / Д.Б. Казанцева, С.И. Ивентьев // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информационного российского общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Ставрополь, 2020. – Т. 1. – 230 с.

5. Кряжевских, К. А. Особенности взаимодействия права и морали / К.А. Кряжевских // Вопросы российской юстиции. – 2022. – Вып. 17. – С. 76-82.

УДК 94(477):346.12"180/191"

DOI 10.5281/zenodo.8177203

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (IX – НАЧАЛО XX ВВ.)

ЩЕРБИНИНА Е.В.,

**канд. истор. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права**

**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,**

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье раскрыт генезис правового обеспечения предпринимательства, особенности развития исторических этапов становления предпринимательской деятельности и их правовой регламентации. Проведено сравнительное исследование тенденций в определении торгового права на рубеже XIX – XX вв., определено значение исторического опыта для разработки системы нормативных актов в современный период.

***Ключевые слова:** предпринимательство, предпринимательская деятельность, правовое обеспечение*

GENESIS OF LEGAL SUPPORT FOR BUSINESS ACTIVITIES (IX - BEGINNING OF XX CENTURIES)

**SHCHERBININA E.V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of
Theory and History of State and Law
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article reveals the genesis of the legal support of entrepreneurship, the features of the development of the historical stages of the formation of entrepreneurial activity and their legal regulation. A comparative study of trends in the definition of commercial law at the turn of the 19th – 20th centuries was carried out. The significance of historical experience for the development of a system of normative acts in the modern period is determined.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneurial activity, legal support

Постановка задачи. Кардинальные изменения, происходящие в России и на территории Донецкой Народной Республики, требуют новых подходов в формировании сектора экономики. Возрождение и изменение структуры предпринимательства стало жизненно необходимым для экономики страны в современный период. Создание благоприятной правовой среды является первоочередным условием развития предпринимательской сферы. Поэтому формирование методологии и системы правового обеспечения предпринимательской деятельности становится первоочередной задачей. Выяснение сущности указанной проблемы требует всестороннего, комплексного подхода, ретроспективного и сравнительно правового анализа его развития.

Актуальность. Генезис правового обеспечения предпринимательской деятельности в IX – начале XX вв. показывает, что только на рубеже XIX – XX вв. начинается осознание роли государственного регулирования предпринимательства. Такое руководство необходимо для предотвращения кризисов в экономике, стабилизации рынка, динамики развития различных отраслей, недопущения перепроизводства и т.д. Предпринимательство как способ хозяйствования находится в постоянном развитии и движении, что требует мгновенного реагирования со стороны государства в сфере законодательного регулирования.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую основу исследования составляют труды известных цивилистов дореволюционного периода: Г. Шершеневича, В. Удинцева, С. Пахмана, А. Каминки и т.д. На современном этапе эта проблематика стала

основой для научных исследований как юристов, так и экономистов и историков, таких как С.Е. Шепелев, В.И. Бовыкин, М.А. Любанов Т.В. Карпенкова и др.

Целью данного исследования выступает анализ и критическое осмысление этапов становления правового обеспечения предпринимательства в IX – начале XX вв.

Изложение основного материала исследования. Славянские племена издавна занимались торговлей. Долгое время они обменивали одни товары на другие. Регулировались данные отношения, как и весь строй жизни, родоплеменными обычаями, «законами предков». Равномерно с развитием товарно-денежных отношений стали заключаться договоры купли-продажи. Развитие международной торговли привело к необходимости упорядочения внешнеторговых операций.

Первый период в становлении принципов предпринимательства можно назвать княжеским. Это IX-XIII ст. – период возникновения и развития обычного торгового права и форм организации производственно-торговой деятельности. В условиях хозяйствования IX-X ст. правовые предпосылки предпринимательства формировались в торговом обороте, что в отсутствие устойчивой и долговременной государственной власти приводило к правовой регламентации торгового оборота нормами обычного права. Значительное влияние на становление обычаев предпринимательства оказывали торговые обычаи других стран. Исторически первыми постановлениями торгового права, нашедшими свое отражение в правовых актах того времени, явились положения договоров великих князей Олега (907, 911 гг.), Игоря (941 г.) и Святослава (971 г.). Но эти положения только создавали предпосылки для становления торгового права и, по мнению дореволюционного юриста С. Пахмана, не могли быть отнесены к актам действующего в стране права [1].

В XI-XIV вв. появляется «Русская Правда», которая, по утверждению В. Ключевского, была кодексом капитала [2]. Но по мнению В. Удинцева, характеристику Русской Правды, как уложение о капитале, можно отнести только к XII в., т.е. к расширенной редакции Русской Правды, а не к первоначальной (краткой) [3]. В частности, она регламентировала обязательственное право (о ссуде под проценты и без, о найме, о покупке и т.д.); залог движимого имущества; разработку коммерческих документов, таких как долговые обязательства. К тому же переход от эпохи общего права к праву частному неизбежно должен быть связан с развитием оборота и, в частности, кредита.

Второй период польско-литовско-московский – XIV – до начала XVIII в. Происходит огосударствление торговых обычаев,

формирование купеческого права. С начала XIV в. – к середине XVIII в. действовало Магдебургское право (нем. *Magdeburger Recht*) – одна из наиболее известных систем городского права, сложившаяся в XIII в. в городе Магдебурге как феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное положение мещан регулировались собственной системой юридических норм, что соответствовало роли городов как центров производства и товарно-денежного обмена. Характеризуя правовой статус городов в соответствии с Магдебургским правом, следует отметить, что существовали две такие категории (группы): города с полным Магдебургским правом и так называемые ратушные города (с неполным немецким правом) [4, с. 23].

Все население средневековых городов делилось на группы, объединенные по роду занятий. Возникали эти объединения по принципу профсоюзов, компаний, братств. Вызывалось это необходимостью разрешения общих дел, защитой общих интересов, представления этих интересов в управляющих органах города и т.п. Например, ремесленники, торговавшие производимым ими товаром, образовывали гильдии (*geldar* – платить и *Gilde* – общество). Внутри гильдий ремесленники делились на цеха. Иерархия внутри цехов формировалась по семейному принципу, то есть туда входили все члены семьи, а также принятое в цех небольшое количество подмастерьев и учеников. Вхождение в ту или иную гильдию определяло статус человека. Этот статус был неизменным и не мог быть изменен. Передавался он по наследству. Брачно-семейные отношения формировались только в пределах одной гильдии между лицами, связанными цеховыми интересами. Без принадлежности к цеху заниматься той либо другой производственной, торговой либо другой деятельностью запрещалось. Регламентация жизни внутри цеха, в том числе и личной, носила очень строгий и предписанный характер.

Источниками регулирования жизни внутри цехов выступали сборники обычаев, называвшихся уставами или статутами. Средневековые гильдии представляли собой, по мнению Отто Герхарда Эксли, *conjurations*, то есть объединения на основе взаимной клятвы и с особым правом, возникшими благодаря действиям субъектов права. Гильдии – это контрактные отношения [5, с. 124].

Магдебургское право предоставило значительные льготы мещанам: укрепило за ними формально поземельную собственность, предоставило свободу промыслов и торговли, освободило их от разных повинностей в пользу государства и приговоров, связанных с денежными поборами. Все это ставило мещан привилегированных городов в лучшее положение по сравнению с населением городов, не

пользовавшихся магдебургским правом [6]. На основе Магдебургского права в городе создавался выборный орган самоуправления – магистрат. С введением Магдебургского права упразднялось действие местного права, однако допускалось применение местных обычаев, если нормы, необходимые для разрешения спора, не были предусмотрены Магдебургским правом.

Источники магдебургского права – «Саксонское зеркало» (сборник немецкого феодального права) и устав города Магдебурга – обычно определяли организацию ремесленного производства, торговли, порядок избрания и деятельности городского самоуправления, цеховых объединений ремесленников и купечества.

Указом 1831 г. Николай I упразднил Магдебургское право в городах Гетманщины, кроме Киева, где оно действовало до 1835 г.

Литовский Статут (1529 г.), составленный при короле польском и князе литовском Сигизмунде I, во многих своих положениях воспроизводил нормы «Русской Правды», но в то же время, по мнению Г. Шершеневича, в нем происходит видоизменение основ, произведенных в «Русской Правде» под влиянием римского, польского и германского права [7, с. 24]. Изданием Литовского Статута был завершён предварительный процесс унификации разных правовых систем древнерусских земель с национальным литовским правом. Вместо разнообразного местного права: Волынского, Киевского и т.д., впервые создано всеобщее «посполитое» право для всех частей Литовского государства [8, с. 36]. Третий статут Великого Княжества Литовского 1588 г. оставался самым авторитетным источником действующего права Гетманщины после ее союза с Московским государством 1654 г. А. Ткач считал, что наиболее распространённой в Гетманщине была редакция 1614 г. на польском языке или перевод на русском, сделанный в XVIII в. [9, с. 38]. Статут Великого Княжества Литовского издания 1811 г. действовал в Левобережных и Правобережных губерниях Гетманщины до 1840-1842 гг., когда на них распространилось российское законодательство. Городские торговые люди, ростовщики, владельцы домов и крупных угодий стремились к использованию в суде, в зависимости от ситуации и Литовского Статута, и Магдебургского права [10, с. 99-100].

Включение в пространство российских властей во второй половине XVII в. новых территорий впервые поставило проблему взаимодействия российского и местного права. Местное право было значительно трансформировано польско-литовскими источниками права (Магдебургское право, Литовские статуты, право корпораций (уставы ремесленных цехов и купеческих гильдий). Поэтому во второй половине XVII в. здесь происходит параллельное действие местного

права и права Московского государства (Соборного Уложения 1649 г., Торгового устава 1653 г., Новоторгового устава 1667 г.). В Соборном Уложении 1649 г. (на которое большое влияние, помимо других источников, оказали греко-римское (византийское) право и Литовский статут) содержались нормы, регламентировавшие время осуществления торговли, правовое положение торговцев в зависимости от методов организации торговли, условия осуществления внешнеторговой деятельности. Торговый устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г. регулировали внутреннюю и внешнюю торговлю, поощряли и защищали купечество, ограничивая иностранную конкуренцию. Первый ввел единственную торговую пошлину, увеличив ее для иностранных купцов и отменив ряд проезжих пошлин. Второй предоставлял торговым людям право свободного торга, защищал их от иностранной конкуренции. [11].

Предпринимательство в том представлении, которое имеет слово в наше время, зародилось и сформировалось гораздо позже. Наиболее цивилизованные формы оно приняло после проведения политических и экономических реформ Петра I. В период петровского правления впервые возникло четкое представление о казенном и частном предпринимательстве.

Третий имперский период, который был прерван событиями 1917 г. В это время формируется промышленное право. При Петре I происходит унификация законодательства Российской Империи с европейским правом (Дания, Швеция, Германия и т.д.), что ведет к формированию более единого правового пространства для предпринимательской деятельности. В первой половине XVIII ст. предпринимаются попытки согласования и упорядочения местных источников права, однако попытки их систематизации в 1740-1840 гг. успеха не принесли. Местное право практически прекратило свое существование.

Торговое законодательство XVIII ст. характеризовалось оформлением отдельных частноправовых положений, они не выделялись в отдельные акты, а фрагментарно включались в императорские указы, посвященные разным аспектам государственного управления: 1711 г. Указ Сената предоставил право на торговую деятельность «всякого чина людям»; 1720 г. – Устав об Эверсах; 1724 г. – Морской торговый регламент и Устав; 1729 г. – Устав о векселях; 1731 г. – Морской таможенный Устав; 1740 г. – Приказ о банкротах; 1755 г. – Таможенный устав; 1781 г. – Устав купеческого водохозяйства; 1785 г. – Грамота на права и выгоды городам Российской Империи; 1799 г. – Устав цехов; 1800 г. – Устав о банкротах.

В первой половине XIX ст. происходит систематизация русского права в целом и права на предпринимательскую деятельность в частности. В 1835 г. был издан Свод законов Российской Империи. Торговое право представляет здесь собой в большей степени инкорпорацию (объединение нескольких самостоятельных уставов и установлений, таких как Устав торговый, Устав о промышленности, Устав кредитный, Устав о векселях, Общий устав российских железных дорог, Положение о государственном промышленном налоге, Устав судопроизводства торгового).

Кроме того, в российской теории торгового права начала XX в. произошло расширение экономических сфер использования торговых правоотношений. Они вышли за пределы торговой деятельности в экономическом смысле. Эти дела уже активно употребляются в фабрично-заводской практике и в сфере услуг (финансово-кредитных, транспортных, посреднических, хранения). Появляются идеи о пересмотре предмета права, регулирующего предпринимательскую деятельность, отмечал В. Удинцев в своей работе «Русское торгово-промышленное право» [12, с. 3].

Так, постепенно складываются несколько тенденций в определении торгового права. Первая – концепция самостоятельного торгового права (П. Цитович, А. Каминка) [13]. Вторая – концепция единого гражданского права с обособлением торгового права как отдельной совокупности норм торгового характера, специальных по отношению к общим – гражданско-правовым (Г. Шершеневич). По мнению Г. Шершеневича, в России никогда не существовало обособленного торгового права. Оно считалось частью гражданского права, а торговое законодательство должно было иметь своей главной базой общее гражданское законодательство, прежде всего единое (для гражданских и торговых отношений) Гражданское уложение [14, с. 30]. Дискуссия о месте торгового права в системе права развивалась в контексте усовершенствования российского законодательства, которое многие ученые связывали с включением в гражданское уложение норм, регулирующих торговую деятельность.

В дальнейшем изучение торговой и других видов деятельности привело к осознанию учеными предпринимательского характера не только торговой, но и других видов деятельности, к выделению из гражданских – более общих по отношению к торговым – предпринимательским отношениям, к выделению из гражданского предпринимательского права. Предпринимательская деятельность, писал А. Каминка, – начинается тогда, когда лицо самостоятельно организует собственное предприятие – производственное или торговое – на

будущий спрос, стимулированный возможностью обогащения (получения прибыли) [15, с.16].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, в истории развития становления правового обеспечения предпринимательства в IX – начале XX вв. можно выделить три этапа: княжеский – период возникновения и развития обычного торгового права и форм организации производственно-торговой деятельности, литовско-польско-московский – где происходит огосударствление торговых обычаев, формирование купеческого права и имперское, во время которого происходит становление современного типа предпринимательства и формируется промышленное право. Анализ нормативных документов о предпринимательстве современного периода показывает, что авторы основных законодательных актов в большинстве случаев используют советский и зарубежный опыт и практически не обращаются к исторической законодательной практике. Такой подход неоправдан. В развитии законодательства о предпринимательстве накоплен большой обучающий опыт, есть традиции. Изучение и анализ законодательного опыта, традиций поддержки развития отечественного предпринимательства, их осмысление может принести существенную пользу при разработке системы нормативных актов в современный период.

Список использованных источников

1. Пахман, С. В. История кодификации гражданского права: В 2 т. / [Соч.] С.В. Пахмана, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. Т. 1-2. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – 482 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.lunn.ru/KP/Classiki/pahman_1.pdf
2. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Ч. 1 / В.О. Ключевский. – М. : Синод. тип., 1904. – 456 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/>
3. Удинцев, В. А. История займа // В.А. Удинцев. – К. : Тип. И.И. Чоколова, 1908. – 270 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://padaread.com/?book=28208&pg=45>
4. Щербініна, О. В. Генеза міського самоврядування на українських землях: історико-правовий аспект / О.В. Щербініна, М.К. Соловей // Європейські перспективи. – 2013. – № 5. – С. 22-27.

5. Эксли, Отто Герхард. Действительность и знание: очерки социальной действительности истории Средневековья / О.Г. Эксли. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 324 с.

6. Багалий, Д. Магдебургское право в левобережной Малороссии // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1892. – Март. – С. 1-56 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://starietknigi.info/Knigi/B/Bagalej_D_I_Magdeburgskoe_pravo_v_levoberezhnoj_Malorossii_1892_ZMNP.pdf

7. Шершеневич, Г. Ф. История кодификации гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. – 128 с.

8. Борисенок, С. Списки Литовського Статуту 1529 р. // Праці комісії для виучування історії західньо-руського та українського права. – Киев. – 1929. – Вип. VI. – С. 33-48.

9. Ткач, А. П. Історія кодифікації дореволюційного права України / А.П. Ткач. – К. : Вид-во Київск. ун-ту, 1968. – 170 с.

10. Чехович В.А. Роль III Литовського Статуту в політичеській боротьбі вкруг проблем кодифікації дореволюціонного права України / В.А. Чехович, И.Б. Усенко // Третий Литовський Статут 1588 года: Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 400-летию Третьего Статута. – Вильнюс, 1989. – С. 99-100.

11. Батрова, Т. А. Развитие торгового права в России в IX-XVIII вв. // Внешнеторговое право. – М. : Юрист. – 2010. – № 1. – С. 35-38 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=9&art=862>

12. Удинцев, В. Русское торгово-промышленное право. Особенная часть // В. Удинцев. – К. : Тип. И.И. Чоколова, 1907. – 635 с..

13. Цитович, П. П. Лекции по торговому праву, читанные в 1873-74 гг. Вып. I. – Одесса : Тип П. Францова, 1873. – 374 с.

14. Шершеневич, Г. Ф. Учебник торгового права. – М. : Фирма Спарк, 1994. – 335 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kursach.com/biblio/0020003/001.htm>

15. Каминка, А. И. Основы предпринимательского права / А.И. Каминка. – Пг. : Издательство «Труд», 1917. – 127 с.

РАЗДЕЛ 4

**Гражданское право; гражданско-процессуальное право;
предпринимательское право; семейное право; налоговое право;
бюджетное право; земельное право; нотариальное право;
хозяйственное право**

УДК 347.764

DOI 10.5281/zenodo.8168006

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДНР, КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

МАВЛИХАНОВА Р.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права;

КРЮЧКОВА К.А.,
старший преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы страхования гражданско-правовой ответственности в переходный период в ДНР. Следует отметить, что социально-экономическая значимость и выполнение обязательств по страхованию гражданско-правовой ответственности владельца, предполагает дальнейшее совершенствование системы обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства и создание эффективного механизма реализации удовлетворения социально-экономических потребностей, общественной жизни и государства

Ключевые слова: страхование, гражданско-правовая ответственность, государство, граждане, транспортные средства

PROBLEM ISSUES OF CIVIL LIABILITY INSURANCE IN THE DPR AS A CIVIL LEGAL INSTITUTION

MAVLIKHANOVA R.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law;

**KRIUCHKOVA K.A.,
Senior Lecturer of the Department of
Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration »,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article deals with the issues of civil liability insurance in the transitional period in the DPR. It should be noted that the socio-economic significance and fulfillment of obligations for insurance of civil liability of the owner, for this type of insurance, involves further improvement of the system of compulsory insurance of civil liability of the owner of the vehicle and the creation of an effective mechanism for the implementation of the satisfaction of socio-economic needs, public life and the state

Keywords: *insurance, civil liability, state, citizens, vehicles*

Постановка задачи. В данном исследовании необходимо рассмотреть теоретические основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также проанализировать источники правового регулирования правоотношений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, проанализировать и внести предложения по совершенствованию законодательства в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование данной темы нашло свое отражение в трудах многих ученых, таких как: Г.Э. Берсункаев, В.С. Белых, С.И. Виниченко, В.И. Серебровский, Л.В. Шапошникова, И.А. Цинделиани.

Актуальность. В условиях развития общественных отношений в первую очередь возрастает роль страхования в жизни общества, а также развития отечественного страхового рынка. Для успешного функционирования страхового рынка нужно создать эффективную систему государственного регулирования страховой деятельности и осуществить совершенствование нормативно-правовой базы в сфере страхового дела.

Цель статьи. Провести исследование правовых основ обязательного страхования ответственности в первую очередь перед третьими лицами, владельцами транспортных средств с целью более подробного изучения нормативных правовых актов в переходный период Донецкой Народной Республики, затрагивающих вопросы страхования.

Изложение основного материала исследования. Страхование гражданской ответственности – это, прежде всего, возможность

застраховать гражданско-правовую ответственность перед лицами, которым может быть причинен вред по вине другого гражданина при эксплуатации имущества.

Страхование покрывает гражданско-правовую ответственность, связанную с возникновением вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, в результате случаев, наступивших невольно по вине лица, ответственность которого застрахована.

Страхование ответственности является относительно молодой отраслью страхования, насчитывающей немногим более 100 лет. Развитие страхования ответственности идет наравне с техническим прогрессом и поддерживается различными законами и подзаконными актами, так как затрагивает все сферы жизни граждан. Суть страхования ответственности заключается в том, что страховщик берет на себя обязательство возместить ущерб, причиненный застрахованным третьему лицу или группе лиц. Эта отрасль имеет большое значение как для застрахованного, так и для потерпевшего. Если застрахованный причинил кому-то ущерб, то его оплачивает страховая компания, но не сам застрахованный. Иногда причиненный ущерб может составить значительную сумму и при отсутствии надлежащей страховки привести к ухудшению материального положения гражданина. С другой стороны, страхование гражданской ответственности увеличивает шансы потерпевшего, ибо при наличии страховки у лица, причинившего ущерб, потерпевший быстро получит компенсацию от страховой компании.

Для осуществления страхования граждане заключают договоры имущественного или личного страхования с соответствующей страховой организацией на территории своего государства. Если законом установлена обязанность страховать жизнь, здоровье, имущество, гражданско-правовую ответственность перед третьими лицами за свой счет или за счет заинтересованных лиц, то страхование осуществляется с помощью заключения договоров [3].

Страховщики не обязаны заключать договоры страхования на условиях, предложенных страхователем. В некоторых случаях закон может устанавливать обязательное страхование жизни, здоровья и имущества граждан за счет бюджета (так называемое государственное страхование).

Необходимо исследовать основные нормативно правовые акты, имеющие отношение к ОСАГО, которые образуют совокупность системы регулирования правоотношений в данной области.

Самыми первыми в ряду являются акты гражданского права. К ним относятся Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), гл. 48 ГК РФ «Страхование», которая непосредственно регулирует

страховые отношения, а в частности договоры страхования и их обязательства.

Необходимо также отметить весь раздел III ГК РФ «Общая часть обязательственного права» применяется к порядку заключения договоров ОСАГО. В главе 48 ГК РФ определены возможные формы страхования, прописан порядок осуществления обязательного страхования и ответственность в случае невыполнения обязательного страхования. Устанавливаются основные требования к страховой организации, а также принцип взаимоотношений сторон в договоре страхования, права и обязанности страхователя, страховщика и иных лиц, которые участвуют в страховании; условия к форме договора страхования и описание его существенных условий [1].

Следующим не мало важным в ряду нормативных актов следует Федеральный Закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 05.04.2002 № 40-ФЗ (далее по тексту – Закон об ОСАГО), регламентирующий отношения, которые связаны с заключением и исполнением договоров обязательного страхования. В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального Закона «Об ОСАГО» на территории Российской Федерации запрещено использование транспортных средств, в случае невыполнения владельцем транспортного средства обязанности по страхованию гражданской ответственности государственная регистрация этих транспортных средств не производится. Этот закон занимает центральное место в законодательной системе обязательного страхования [2].

К Федеральному Закону «Об ОСАГО» поправки вносились более двадцати раз. Следует отметить, что изменения в этот закон практически всегда носят глобальный характер, т.е. связаны не только с изменением смыслового состава норм закона и их толкования, но и с отменой недействующих норм и тотальным изменением правил заключения договора ОСАГО и применения его на практике [4].

Также к нормативно правовым актам, содержащим правовые нормы непосредственно о контроле за исполнением обязанности по ОСАГО, можно отнести:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

2. Федеральный закон «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения».

Следует отметить, что каждый владелец транспортного средства обязан соблюдать все требования законодательства относительно заключения договора ОСАГО.

На территории Донецкой Народной Республики в переходный период применяется:

– Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики рассматривает вопросы страхования в Главе 50, а в частности вопросы связанные со страхованием имущества, страхованием ответственности по договору, обязательным страхованием, сострахованием и т.д.

– Постановление «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» которое включает в себя основные правила страхования транспортного средства, условия уплаты страховой премии, условия оплаты возмещения страховщиком убытков, описывает вопросы связанные со спорами по обязательному страхованию гражданской ответственности транспортных средств.

Стоит отметить, что на территории Донецкой Народной Республики одна «Страховая компания «ХАТХОР», что кардинально отличается от количества страховых компаний в РФ. Преимущество данной страховой компании в том, что у нее нет конкурентов.

Данная страховая компания была зарегистрирована Центральным Республиканским Банком 28 февраля 2020 года в качестве некредитной финансовой организации. 21 апреля 2020 года компания получила лицензию на осуществление деятельности по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Как следует из положений закона об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, этот вид страхования был введен в качестве специальной социальной меры с целью образования финансовых гарантий возмещения вреда владельцам автомобилей[5].

Развитие и становление данного правового института связано с осознанием обществом необходимости надежной защиты своих экономических интересов с целью минимизации возможных потерь и обеспечения стабильного финансового положения.

Страхование гражданско-правовой ответственности, в первую очередь, защищает застрахованных или других застрахованных лиц от расходов на возмещение убытков, причиненных другим лицам, и, во-вторых, гарантирует потерпевшим возмещение причиненных убытков. В большинстве случаев получателем страховой выплаты по данному страхованию (выгодоприобретателем) является потерпевший, который часто выступает третьим лицом. При определенных обстоятельствах

лицо, которое может причинить вред другим, должно участвовать в заключении договора страхования гражданской ответственности.

Государство вправе требовать от потенциальных правонарушителей заключения договоров страхования ответственности с целью защиты интересов потерпевших. Это гарантирует возмещение причиненного ущерба вне зависимости от возможности и желания лица, причинившего ущерб, возместить данный ущерб. Система обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств включает в себя распределение негативных последствий, которые связанные с рисками гражданской ответственности, на всех законных владельцев транспортных средств. Он основан на принципе обязательного страхования и всегда гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевшего.

Закон ОСАГО представляет собой механизм правового регулирования гражданско-правового оборота собственности, который гарантирует защиту экономических, социальных интересов участников дорожного движения от рисков дорожно-транспортных происшествий и непосредственно их последствий. Предусмотрено обязательное страхование рисков гражданской ответственности владельцев автомобилей, поскольку Конституция требует особой защиты неотъемлемых интересов, имеющих значение для всего общества, таких как жизнь и здоровье людей, а также защита их имущества.

Законодатель выполняет одну из главных функций Российской Федерации как социально-правового государства, возлагая на владельцев транспортных средств обязанность по страхованию риска их гражданско-правовой ответственности в пользу лиц, которые могут быть затронуты их действиями. При этом законодательством предусмотрена возможность возмещения ущерба потерпевшему, независимо от экономического положения правонарушителя, в пределах, которые установлены законом. Это необходимо для защиты прав потерпевших и соответствует актуальному уровню развития количественных и технических показателей транспортных средств, значительно повысивших их общественную опасность. Без надлежащего механизма защиты прав потерпевших это все не было бы в достаточной степени гарантировано государством и законодательством [6].

Стоит отметить, что принципы всеобщности и обязательности лежат в основе страхования автогражданской ответственности в виде обязательного вида страхования. Владельцы транспортных средств не могут нести обязанность по страхованию своей гражданской ответственности за использование их транспорта непосредственно на территории Российской Федерации. Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев автомобилей имеет большое значение в настоящее время, поскольку в современном обществе

транспорт является неотъемлемой частью повседневной жизни граждан и гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевшего.

Страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств характеризуется отличительными признаками. Такими как: условия страхования определяются непосредственно нормативно правовыми актами, но не договорами; все существенные условия устанавливает государство; данные нормы гражданско-правовой ответственности носят принудительный характер и выступают в первую очередь обязанностью, а не правом гражданина; нормы направлены на защиту интересов страховщика, а также лица, которое выступает в качестве выгодоприобретателя; осуществляется путем заключения только договора страхования

ОСАГО занимает важное место в преодолении негативных последствий дорожно-транспортных происшествий как способ защиты имущественных интересов лиц, которые подвергаются риску, по факультативному (возможному) характеру. Кроме того, из-за дорожно-транспортных происшествий пострадавшие чаще всего нуждаются в оказании первой помощи, а также длительной реабилитации, поэтому такие виды страхования, как страхование гражданской ответственности автовладельцев, направлены в первую очередь на защиту прав и интересов граждан. Также на необходимость страхования влияет то, что владельцы транспортных средств выплачивают денежные компенсации третьим лицам в случае получения травм, либо же летального исхода пострадавших, а также повреждения, уничтожения их имущества [7].

Выводы по данному исследованию. Таким образом, страхование гражданско-правовой ответственности необходимо прежде всего в целях безопасности граждан. Проявляется это в сохранении жизни и здоровья граждан, а также их имущества. На сегодняшний день в Донецкой Народной Республики одна страховая компания, (как отмечалось ранее) что имеет большое значение и непосредственно главное отличие от страховых компаний в Российской Федерации. Благодаря тому, что страховая компания одна у нее полностью отсутствуют конкуренты.

Также стоит отметить, что благодаря законодательству о страховании граждане могут ознакомиться и знать свои права в случае страхового случая, это существенно облегчает задачу страховым компаниям.

Говоря о пробелах в законодательном регулировании обязательного страхования гражданской ответственности, следует отметить, что не разработаны четкие критерии определения причиненного вреда. В таких ситуациях часто возникают споры между

пострадавшей стороной и страховщиком. Во избежание подобных ситуаций необходимо установить четкие критерии определения вреда, который причинен потерпевшему.

Обязательно требует решения вопрос о расторжении договора обязательного страхования гражданской ответственности и возврате страховой премии. При заключении договора страхования также могут возникнуть проблемы, связанные с определением территории преимущественного использования транспортного средства.

Основной задачей страхования гражданско-правовой ответственности является защита имущественных интересов физических и юридических лиц от возможных причин вреда в данной отрасли страхования наряду со страховщиком и страхователем. Третьим лицом в отношениях может быть любое третье лицо, прямо не указанное заранее, которое по закону либо по решению суда производит соответствующее возмещение вреда, причиненного материальному состоянию, имуществу или здоровью.

Список использованных источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации: Закон Российской Федерации принят Постановлением Государственной Думы Российской Федерации 21 октября 1994 г. Официальный текст: приводится по состоянию на 25.12.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

2. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Закон Российской Федерации принят Постановлением Государственной Думы Российской Федерации 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ. Официальный текст: приводится по состоянию на 28.12.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/

3. Белова В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. В 2 т. – Т. 1. – М.: Юрайт, 2017. – 486 с.

4. Долинская В. В. Гражданское право. Основные положения. Учебное пособие / В.В. Долинская М.: Проспект, 2017. 112 с.

5. Недорезов В. С. Гражданско-правовое регулирование страховых отношений: автореф. дис. канд. юр. наук. М., 2019 г.

6. Рамзаев. П.М. Гражданское право России. Практикум. Часть 2 / Под редакцией П.В. Рамзаева. – М.: Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 248 с.

7. Саенко Л. В., Щербакова Л. Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса / Л.В.Саенко, Л.Г.Щербакова-М.: Юрайт, 2019. 266 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТЕХНОЭКОНОМИЧЕСКОГО УКЛАДА В РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

САЕНКО Б.Е.,
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и
предпринимательского права;

НИКИТИНА З.А.,
ассистент кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматривается содержание действующей модели экономики в России, необходимость её изменения под воздействием внутренних и внешних факторов. Дается представление о новом техноэкономическом укладе, месте и перспективах России в условиях многополярного мира и глобальной конкуренции, формирования техноэкономических блоков.

Ключевые слова: право, экономика, технология, глобализация, конкуренция, государство, техноэкономический блок

FORMATION OF A NEW TECHNO-ECONOMIC STRUCTURE IN RUSSIA: LEGAL ASPECT

SAYENKO B.E.,
Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of
Civil and Business Law;

NIKITINA Z.A.,
Assistant of the Department of
Civil and Business Law
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article examines the content of the current model of the economy in Russia, the need to change it under the influence of internal and external factors. It gives an idea

of the new techno-economic structure, the place and prospects of Russia in a multipolar world and global competition, the formation of techno-economic blocks.

Keywords: law, economy, technology, globalization, competition, state, techno-economic block

Постановка задачи. Существующая в России экономическая модель нуждается в коренных изменениях, поскольку не может далее оставаться основой для инновационного развития. Одним из необходимых является вопрос об изменении способов и инструментов правового регулирования в условиях нового техноэкономического уклада.

Актуальность. Право является наиболее тонким и точным инструментом настройки экономического механизма. Исходя из этого, правовые регуляторы являются, в свою очередь, необходимой составляющей нового техноэкономического уклада, возникающих на его основе общественных отношений.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению вопроса формирования нового техноэкономического уклада уделяют представители социально-экономической, юридической, философской и других наук, поскольку его решение носит комплексный характер. Следует назвать таких отечественных авторов, как С.Ю. Глазьев, А.О. Безруков, М.Г. Делягин, В.Л. Иноземцев, А.И. Фурсов, зарубежных Т. Пикетти (Франция), Дж. Стиглиц (США) и других. В своих работах эти и другие авторы приводят убедительные доказательства тупиковости сложившейся на протяжении трехсот лет капиталистической модели общества, которую американский философ Ф. Фукуяма называл не иначе как «конец истории» в своей одноименной книге, весьма популярной в конце XX – начале XXI вв. В этот период капиталистическая экономика и общество в целом, несмотря на периодически возникающие кризисы, демонстрировали свою жизнеспособность и относительную устойчивость. Коренные изменения произошли в 20-х годах XXI в., когда многие, а не только ведущие страны Запада получили доступ к новым технологиям, что повлекло за собой пересмотр государствами своего места и роли в глобальном мире, послужило основой изменения сложившегося мирового порядка, в котором безраздельно господствовали США, возникновению новых центров силы, так как Китай, Россия, Индия, образованию альтернативных союзов и блоков – ШОС, БРИКС, ОДКБ. Все это вместе взятое представляет процесс перехода от однополярного к многополярному мироустройству, в котором будут сформированы несколько крупных техноэкономических блоков государств,

взаимодействующих и конкурирующих между собой на равноправной основе.

Целью статьи является определение понятия современного техноэкономического уклада, места и конкурентных перспектив России в глобальном, многополярном мире.

Изложение основного материала исследования. В связи с оценками и решениями, принятыми руководством России о переходе к новой системе экономических отношений, а точнее, к новому экономическому укладу, возникают вопросы о роли права.

Сегодня очевидно, что навязанная Западом в 90-х годах модель оказалась чужеродной, несовместимой с цивилизационными ценностями, традициями, в целом укладом жизни в России. Её истинной целью становился подрыв российской государственности, социально-экономическое ослабление, культурная деградация и, как итог, раздробление на несколько нежизнеспособных частей, по примеру Югославии, Молдавии, Грузии, других стран, в том числе Украины.

В этих условиях перед обществом и государством самым актуальным является вопрос формирования собственного современного жизненного уклада, включающего в том числе в качестве основы экономическую составляющую. Процесс формирования нового уклада проходит на фоне обострения глобальных противоречий, выраженной антироссийской политики Запада. Тем не менее, формирование нового уклада уже идет, не безболезненно, путем преодоления противоречий, накопившихся в России за последние 30 лет. Основным из них является противоречие между сформировавшейся в России финансовой олигархией и подавляющим большинством остального населения, что особенно наглядно проявилось с началом и в ходе проведения СВО. В этих условиях решающая роль принадлежит российскому государству, только оно способно, опираясь на поддержку большей части общества, разработать и реализовать единую политику, направленную на сосредоточение сил и средств перед угрозой военной агрессии со стороны экономически и технологически более мощного коллективного противника в лице блока НАТО во главе с США, их сателлитов. С этой точки зрения необходимо сформировать в России такой экономический уклад, который смог бы обеспечить эффективное решение основных сторон жизнедеятельности – социально-экономической, военно-технической, информационной, культурной и др.

Представляется, что основой такого уклада может стать государственно-корпоративная модель экономики, основанная на оптимальном сочетании публичных и частных интересов. Для её внедрения необходимо совершить два действия: во-первых, ввести

прогрессивный налог в размере 60-70% на доходы крупного бизнеса с одновременным запретом вывода из страны финансовых средств; во-вторых, использовать правовые инструменты государства для привлечения частных предпринимателей к выполнению государственных заказов с частичной оплатой выполненных работ и услуг. Эта мера должна сопровождаться соответствующим информационным разъяснением необходимости, важности и временного характера такой меры, вызванной, прежде всего, необходимостью укрепления военно-экономического потенциала страны, защиты в том числе самых предпринимателей и их семей.

Критическая оценка состояния и перспектив существующей глобальной экономики свидетельствует о её глубоком кризисе, подрыве доверия к таким ключевым принципам, как деловая репутация, неприкосновенность собственности, устойчивость мировых валют, применяемых для взаиморасчетов на мировом рынке, в первую очередь американского доллара. Эти принципы подорваны Западом намеренно, во имя сохранения устаревшего геополитического порядка.

Вместе с тем эпоха однополярного мира завершилась, несмотря на все попытки её сохранить, законсервировать любыми способами. Изъян заложен в самой идее, согласно которой одна, пусть и сильная держава вместе с допущенным к ней ограниченным кругом государств, диктует свои правила всему остальному миру. По этому поводу Президент России В.В. Путин прямо говорит, что «Соединенные Штаты, провозгласив победу в холодной войне, объявили себя посланниками Господа на земле, у которых нет никаких обязательств, а есть только интересы, причем эти интересы объявляются священными. Они словно не замечают, что за последние десятилетия на планете сформировались и все громче заявляют о себе новые мощные центры. Каждый из них развивает свои политические системы и общественные институты, реализует собственные модели экономического роста и, конечно, имеет право на их защиту, на обеспечение национального суверенитета» [1].

По оценке секретаря Совета безопасности РФ Н.П. Патрушева, «многие страны различных регионов находятся одновременно в военно-политическом, экономическом, социальном и духовном кризисе. У западных противников нет сил и возможностей изменить жизнь в их государствах к лучшему, поскольку они давно не являются самостоятельными фигурами. Реальная власть на Западе находится в руках обладающих ресурсами кланов и транснациональных корпораций... Совокупный доход 500 крупнейших компаний в мире, по неофициальным данным, достиг в 2021 году почти 38 трлн долл. Основная доля транснациональных компаний приходится на

корпорации, имеющие штаб-квартиры в США. Капиталы целого ряда транснациональных компаний превышают ВВП большинства экономик мира, из чего можно сделать вывод: мир развивается от суверенных государств к экстерриториальным анклавам крупнейших корпораций... Американское государство – это лишь оболочка для конгломерата огромных корпораций, которые правят страной и пытаются властвовать над миром... При этом государства Запада оказываются должны транснациональным корпорациям: в США госдолг превысил 31 трлн долл., долг Англии – 2,4 трлн фунтов стерлингов».

По оценке Н.П. Патрушева, в мире нарастает глобальная эксплуатация. С одной стороны, транснациональные компании через прямые иностранные инвестиции внедряют новые технологии, увеличивают производительность труда. Только население не может воспользоваться этими результатами, поскольку компании навсегда вытесняют местного производителя, становясь монополистами. Выводя за границу основные объемы прибыли, они лишают страны возможности увеличить свое национальное благосостояние. Фактически это объяснение того, что происходит в России с участием фигурантов, которые посчитали себя частью глобальной элиты. В условиях кардинальных изменений в мире цель корпорации – сохранить систему глобальной эксплуатации. При этом Россия в эту систему не вписывается вообще, на Западе место для неё не предусмотрено. Кучку мировых властителей Россия раздражает тем, что обладает богатыми ресурсами, огромной территорией, умными и самодостаточными людьми, которые любят свою страну, её традиции и историю... Западники стремятся ослабить Россию, расчленив её, уничтожить русский язык и русский мир. Они давно отработали технологию подрыва своих соперников изнутри и их раздробления на небольшие государства.

Именно эту цель преследует активная работа корпораций в зоне СВО. Первая часть плана была реализована с распадом СССР, когда на его месте возникли 15 новых субъектов международного права, не считая Приднестровье. Теперь пришла очередь России, она не должна оставаться единой, её нужно загнать в рамки Московии XV века. История с Украиной для того и затевалась в Вашингтоне, чтобы отработать технологии размежевания и стравливания единого народа. И далее Н.П. Патрушев впервые на официальном уровне озвучил: «события на Украине – это не столкновение между Москвой и Киевом, это военное противостояние НАТО, а прежде всего США и Англии, с Россией. Боясь прямого столкновения, натовцы загоняют на верную смерть украинских граждан. С помощью СВО Россия освобождает от

оккупации свои регионы и должна положить конец кровавому эксперименту Запада по уничтожению братского украинского народа» [2].

Столь развернутая характеристика современного положения в мире необходима для того, чтобы ответить на два принципиальных вопроса: во-первых, что явилось причиной того, что мировое сообщество в XXI веке пришло к состоянию хаоса, фактической утрате международным правом роли регулятора межгосударственных отношений; во-вторых, что необходимо предпринять для того, чтобы минимизировать глобальные противоречия, которые могут перерасти в форму мировой войны с применением ядерного и иного оружия массового уничтожения?

Для ответа на первый вопрос следует обратиться к исследованиям ученых, которые изучали и продолжают изучать капиталистическое общество с точки зрения его истории, прежде всего через призму распределения доходов, противоречия между наёмным трудом и капиталом. По этому вопросу известна теория К. Маркса, согласно которой капиталистический способ производства, основанный на эксплуатации наемных работников собственниками средств производства – капиталистами – ведет к неравенству в распределении доходов и наступлению кризиса, который разрешается путем пролетарской революции, завоевания власти рабочими и дальнейшему построению бесклассового общества коммунизма [3]. Марксистская теория, разработанная в XIX веке, предрекавшая крах капитализма как способа производства и как общественного строя, в дальнейшем не получила практического подтверждения, по крайней мере, на современном этапе. Современные исследования капитализма показывают, что его жизнеспособность сохраняется во многом за счет регулирующего воздействия государства. Например, известный специалист в этой области, французский экономист Т. Пикетти основным инструментом снижения социальной напряженности считает прогрессивную ставку налогообложения на доходы, которые государство относит к сверхвысоким. В качестве обоснования данного тезиса он отмечает, что, если уровень доходности капитала устойчиво превышает показатели роста производства и доходов, как это было в XIX веке и, как вполне вероятно, будет в XXI веке, капитализм автоматически создает нетерпимое, произвольное неравенство и ставит тем самым под удар ценности, которые лежат в основе демократических обществ. Далее Т. Пикетти утверждает, что прогрессивный налог – необходимая мера для того, чтобы каждый мог извлечь выгоду из глобализации, а его все более вопиющее отсутствие может привести к тому, что последняя будет поставлена под вопрос. По расчетам

Т. Пикетти, обложение доходов, превышающих 500 тысяч или один миллион долларов, по ставке в размере 80% не только не повредит росту американской экономики, но и, напротив, позволит лучше его распределить и заметно ограничить проявление бесплодного (а то и вредного) экономического поведения. Автор выделяет в качестве ключевого противоречия капитализма неравенство, выраженное формулой $r > g$, где r – рост доходов на вложенный капитал, g – рост доходов от заработной платы. Ученый делает вывод, что предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать своё господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит себя сам быстрее, чем увеличивается производство [4].

Если перенести этот вывод на сегодняшний глобальный уровень, можно отметить, что он подтверждает колоссальное экономическое неравенство между странами Запада во главе с США и остальными странами, среди которых, правда, особняком стоит Китай, сделавший за последние 20 лет колоссальный рывок и ставший второй (а в чем-то и первой) после США экономикой мира.

Ответ на второй вопрос – что необходимо предпринять в условиях формирования многополярного мира и в чем должна состоять глобальная стратегия России? Сегодня речь идет о том, как выстроить новую экономику, отстоять свою политику, а самое главное, не позволить развалить свою страну, государство, социальную структуру.

Перед всеми странами стоят очень серьезные вызовы, которые один из ведущих ученых в области внешней и оборонной политики А.О. Безруков [5] делит на три глобальных кризиса – экономический, политический и социальный (рис. 1). По данным статистики, из 10 долларов, которые выкладываются в существующую экономику, лишь на 2 доллара создается реальный продукт, остальные 8 долларов уходят в финансовые «пузыри». И если этот пузырь лопается, как, например, недавние банкротства нескольких крупнейших банков в США, Германии, Швейцарии, это ведет к чистым потерям не только для акционеров, но и для правительства, которым становится трудно выполнять свои социальные обязательства.

Атлантический, а точнее, англосаксонский мир, утрачивает своё превосходство, созданные ранее международные институты не работают, но главное – утрачена основа, на которой держалось западное колониальное доминирование – военно-техническое превосходство. К примеру, ядерный потенциал России, Китая не уступает, а по некоторым параметрам превосходит США вместе с НАТО, армии Ирана, Индии, Пакистана, ряда других стран практически сравнялись с

английской, немецкой армиями по боевой мощи. Вопрос в том, что будет дальше, во многом определяется уже сейчас, в эпоху, когда в мир стремительно врываются новые технологии – производственные, инфраструктурные, информационные и др., которые принято обобщенно называть критическими технологиями. Особое место занимают военные, ядерные технологии, составляющие основу военной мощи государства.

<u>Экономический</u>	<u>Политический</u>	<u>Социальный</u>
<ul style="list-style-type: none"> • период неуверенного роста • «голодные» правительства • конкуренция торговых блоков 	<ul style="list-style-type: none"> • рост «неатлантического» мира • ослабление глобальных систем • изменение военных потенциалов • дефицит идей лидерства 	<ul style="list-style-type: none"> • кризис «государства благосостояния» • обострение неравенства • индивидуумы против государств • волны глобальной миграции

Рис. 1. Новый передел мира – три глобальных кризиса

Очевидно, что в многополярном мире сохранится конкуренция, но уже на принципиально иной основе. Уже начался процесс формирования техноэкономических блоков, который будет протекать циклически на протяжении двух-трех десятилетий. Техноэкономические блоки будут конкурировать между собой, и тот, который покажет наибольшую эффективность, станет доминирующим. Затем, по закону конкуренции, ему на смену в качестве лидера придет другой блок, и т.д.

Каким сегодня видится техноэкономический блок? На наш взгляд, следует согласиться с А.О. Безруковым, который определяет его как совокупность государств, которая может контролировать значительную часть мирового рынка, в том числе и военной силой, обладающей своей моделью развития, набором ресурсов (природных, людских, производственных и др.), своей валютой и своим эмиссионным центром, критическими технологиями – инфраструктурными, военными, в том числе ядерными.

В настоящее время уже просматриваются контуры будущих техноэкономических блоков. Это англосаксонский блок (США, Англия, Австралия, Канада). Это Китай, который самодостаточен, прежде всего, по людским и природным ресурсам, емкости внутреннего рынка.

Перед Россией, наряду с социально-экономическими, технологическими и иными проблемами стоит вопрос недостаточности критической массы собственного рынка. Такой же вопрос стоит и перед рядом других стран, которые находятся на стадии роста – Турцией, Ираном, Бразилией, Индией, государствами Ближнего и Среднего Востока, Африкой. Да и отдельные страны Европы, такие как Германия, Франция, Италия, Испания и др., после ухода с политической сцены русофобских, недальновидных лидеров и правительств вынуждены будут искать свое место в каком-либо техноэкономическом блоке, возможно, совместно с Россией, которая является крупнейшей страной мира по природным запасам и территории.

Какой видится конкуренция будущих техноэкономических блоков с позиции сегодняшнего дня? (рис. 2)

<p>Конец глобального экономического контура. Англосаксы «огораживаются». Китай – технологический и экономический конкурент</p>	<p>Технико-экономический блок = рынок + финансовый центр + пакет ресурсов + набор технологий + философия развития</p>	<p>Новая цифровая критическая инфраструктура: технологический суверенитет внутри блоков, «идеологизация» технологий и цифровой колониализм</p>
--	---	--

Рис. 2. Конкуренция техноэкономических блоков

Глубинный вопрос, на котором сосредоточится мировая политика – с кем и на каких условиях объединяться, чтобы конкурировать с англосакским Западом во главе с США и Китаем?

Особенно много вопросов возникает о будущем рынка цифровых технологий, например, как совместить производство цифровых изделий и его составляющих, которое разбросано практически по всему миру (айфон делают в Китае, чипы – в Малайзии или на Тайване и т.п.). Киберпространство уже стало полем боя (беспилотники, роботизированные боевые модули и др.). На кибервойне можно заработать такое количество денег, которое несопоставимо даже с атомными системами. Если можно посчитать количество ядерных боеголовок и сколько денег на них потрачено, то как объяснить, например, министру финансов или другому государственному чиновнику, сколько денег пошло на написание, например, миллиона строчек кода? Они в этом вряд ли компетентны, то есть списать можно любые деньги, поэтому гонка кибервооружений неостановима.

Поэтому, когда речь идет о дележке цифрового пространства, впрочем, как и во всех иных вопросах по поводу создания взаимоотношений между странами внутри техноэкономического блока, между самими блоками, невозможно обойтись без правовых инструментов разного назначения и характера – административных, налоговых, международных, торговых, таможенных, валютно-финансовых и др.

Что касается цифровой сферы, где вопрос является одним из самых острых, необходимо правовое урегулирование, по крайней мере, трех направлений:

– «транспарентная экономика» и «цифровой суверенитет» – как их совместить?

– киберпространство – новое поле военного противостояния (да и межгосударственного). Кому нужны и как обеспечить выполнение правил, установленных общепринятыми нормами права?

– борьба глобальных платформ и стандартов – как с помощью права ограничить монополизм и «цифровой колониализм»?

Выводы и направления дальнейших разработок в данном направлении.

1. Современный глобальный кризис обусловлен стремлением США и НАТО сохранить однополярный миропорядок, продолжить практику получения сверхприбылей за счет эксплуатации, подавления государственного суверенитета стран, в том числе и считающихся якобы их союзниками, например, Украины. При этом международные правовые институты подменяются надуманными «правилами», выгодными Западу во главе с США.

2. Целенаправленная война (санкционная, дипломатическая, вооруженная, информационная) ведется против России с намерением подрыва её суверенитета, государственности и распада. Для противодействия западной агрессии, освобождения своих оккупированных регионов, устранения военной угрозы со стороны неонацистского правящего режима на Украине проводится специальная военная операция в соответствии с нормами международного права и законодательством РФ, доктриной её национальной безопасности. Ход СВО требует правового сопровождения, разъяснения населению её значения для России, других стран, отказавшихся подчиняться диктату Запада.

3. В условиях перехода к многополярному миропорядку возникает новое явление – объединение государств в техноэкономические блоки. Этот процесс займет достаточно длительное время, приблизительно 20-30 лет, будет сопровождаться

противоречиями ввиду несовпадения интересов образующих его стран. В этой связи необходимо эффективное использование методов правовых исследований, прежде всего сравнительного, чтобы выяснить сходства и различия правовых систем государств, и прогностического, позволяющего определить хотя бы приблизительно контуры общей правовой системы, которая неизбежно возникает в самом техноэкономическом блоке.

4. Отношения между техноэкономическими блоками (их, очевидно, будет небольшое количество – 3-5), должны регулироваться новыми по содержанию международно-правовыми нормами, несоблюдение либо неполное выполнение которых может привести к столкновению между техноэкономическими блоками, имеющему глобальный характер, вплоть до военного, с применением всех средств гарантированного уничтожения. Исходя из этого, необходимо создание новых международных институтов на договорной основе между блоками, которые могли бы разработать приемлемые правовые регуляторы отношений и обеспечить их эффективное использование с учетом взаимных интересов и для предотвращения конфликтов.

Список использованных источников

1. Путин, В. В. Выступление на XXV Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68669>. – (Дата обращения: 19.05.2023).

2. Патрушев, Н. П. Интервью газете «Аргументы и факты» 10 января 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/rossiyu_hotyat_prevratit_v_moskoviyu_nikolay_patrushev_o_zarade_i_ukraine. – (Дата обращения: 20.05.2023).

3. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nod.best/wp-content/uploads/2022/07/Манифест-Карла-Маркса.pdf>. – (Дата обращения: 22.05.2023).

4. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – Изд-во Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

5. Безруков, А. О. Украинский кризис и глобальная стратегия России. Лекция в МГИМО 24 мая 2022 года / А.О. Безруков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mXeЕНAWUVGo>. – (Дата обращения: 22.05.2023).

ДОГОВОР АРЕНДЫ И ЕГО ОТДЕЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

СИРЕНКО Б.Н.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права;

СТРЕЛЬЦОВА Н.Л.,
канд. экон. наук,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению основных проблем, существующих в современном обществе при составлении и реализации договора аренды. Представлен анализ различных арендных отношений, их правоприменительная сложность. Проанализированы некоторые права и обязанности сторон договора. В работе рассмотрены наиболее распространенные проблемы при исполнении договора аренды. На основании изученных проблем проанализированы их основные последствия для сторон сделки. Предложены пути решения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: договор аренды, объект аренды, арендуемое имущество, арендатор, арендодатель

LEASE CONTRACT AND ITS INDIVIDUAL VARIETIES: SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

SIRENKO B.N.,
Candidate of Judicial Sciences,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law;

STRELTSOVA N.L.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law,
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the main problems existing in modern society when drafting and implementing a lease agreement. The analysis of

various lease relations, their law enforcement complexity is presented. Some rights and obligations of the parties to the contract are analyzed. The paper considers the most common problems in the execution of a lease agreement. Based on the studied problems, their main consequences for the parties to the transaction are analyzed. The ways of solving conflict situations are proposed.

Keywords: lease agreement, lease object, leased property, tenant, landlord

Постановка проблемы. В современных экономических условиях разнообразие форм аренды движимого и недвижимого имущества выступает мощным рычагом их применения. В этой связи, вопросы правового регулирования и исполнения договора аренды приобретают особую важность, значимость и актуальность. В первую очередь, это обусловлено увеличением количества судебных споров, связанных с применением правовых норм как юридическими, так и физическими лицами в части владения, пользования и распоряжения движимым и недвижимым имуществом.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельным аспектам общей проблематики договора аренды и его разновидностей в своих работах уделяли внимание такие ученые как В.А. Белов, Д.Е. Елизаров, М.Е. Мещерякова, А.А. Петринич, О.М. Свириденко, Д.А. Хорошунова и др.

В то же время следует отметить, что вопросы применения указанного правового института в современных условиях становления и развития Донецкой Народной Республики в статусе субъекта Российской Федерации в настоящее время изучены еще недостаточно, что и обосновывает актуальность, важность и своевременность настоящей работы.

Актуальность статьи. Договор аренды характеризует огромное количество преимуществ. Так, с одной стороны, институт договора аренды различного рода имущества, к примеру, земельного участка, предоставляет возможность собственнику получать выгоду от его сдачи в пользование, а арендаторам, в свою очередь, предоставляется возможность временно владеть и пользоваться им, согласно условиям договора, для разрешения каких-либо заданий имущественного характера.

С другой стороны, большинство предпринимателей предпочитают аренду жилых и нежилых помещений, сооружений и земельных участков покупке недвижимого имущества. И дело в этом случае вовсе не в нехватке денежных средств на приобретение подобного рода недвижимости. Во многих случаях причиной такого рода решений выступает нерентабельность такой возможности в сравнении с временным владением и использованием имуществом на возмездной основе.

Цель статьи состоит в исследовании основных групп проблем в сфере арендных отношений и договора аренды, разрешение которых признается первостепенной задачей законодателя и правоприменителей в нынешних условиях.

Изложение основного материала исследования. Договор аренды является одной из наиболее распространённых сделок гражданско-правового характера, занимая при этом лидирующие позиции как среди юридических лиц, занимающихся коммерческой и предпринимательской деятельностью, так и у физических лиц.

Договором аренды, в свою очередь, признается договор, в соответствии с которым собственник (арендодатель) выполняет передачу арендатору в срочное владение и пользование свое имущество, необходимое для ведения хозяйственной деятельности за указанную в этой сделке арендную плату.

При этом объектами аренды, в большинстве своем, выступают земельные участки, предприятия, здания, сооружения, транспортные средства и другие вещи, которые в процессе их использования не теряют своих натуральных свойств [1].

Вместе с тем, стоит отметить, что подход законодателя к регулированию арендных отношений характеризуется выделением общих положений и более конкретных норм об аренде отдельных видов имущества. Представители доктрины отмечают, что основной проблемой выступает дублирование правовых положений о договоре аренды в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) и иных федеральных законах специального назначения, к примеру, «О финансовой аренде (лизинге)», Земельном кодексе РФ (далее – ЗК РФ), Кодексе внутреннего водного транспорта РФ (далее – КВВТ РФ) и др., а также наличие противоречий общего и специального законодательства в этой сфере [2, с. 2259].

Указанная проблема в общих чертах свойственна отечественному праву по причине недостаточного уровня законодательной техники. Вместе с тем, в сфере регулирования арендных отношений этому вопросу характерна особая актуальность.

В этой связи считаем целесообразным акцентировать внимание на противоречии положений ст. 643 ГК РФ и п. 4 ст. 63 КВВТ РФ, указывающих на необходимость регистрации договора аренды транспортного средства без экипажа. Другой пример: в соответствии с п. 6 ст. 22 ЗК РФ, согласие собственника земельного участка для сдачи его в субаренду не требуется при наличии уведомления, в то время как ст. 615 ГК РФ устанавливает обязательное наличие согласия для сдачи арендованного имущества в субаренду. Дополнительные проблемы возникают в ситуациях противоречия норм законов и правовых позиций высших судов, что мешает формированию устойчивой и единообразной судебной практики [2, с. 2260].

Поэтому, отечественное законодательство и разъяснения высших судов по вопросам арендных отношений в нынешних условиях требуют основательной ревизии на предмет наличия дублирования норм и их противоречий друг другу, а также выполнение его систематизации с целью повышения уровня законодательной техники и исключения вероятности принятия судами противоречащих друг другу решений по сходным делам.

Стоит также указать, что одной из проблем договора аренды признается отсутствие определенного критерия для выполнения его типологии. Как правило, договоры аренды, не входящие в перечень, предусмотренный Главой 34 Гражданского кодекса РФ, остаются без должного законодательного урегулирования. Так, к примеру, к договору найма жилого помещения, предусмотренного п. 2 ст. 671 ГК РФ, в качестве правового регулирования применяются аналогии права, регламентирующие договоры аренды нежилых помещений, которые регламентируются посредством общих норм относительно арендных отношений.

Как свидетельствует практика, урегулирование договора аренды нежилых помещений общими положениями о договоре аренды, в целом, оставляет после себя достаточно большое количество правовых проблем и «компромиссных» решений в судебной практике. Классическим примером этого может служить информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.06.2000 г. № 53, в соответствии с которым нежилое помещение представляет собой объект недвижимости, который, в свою очередь, является отличным от здания или сооружения, внутри которого оно располагается, но неразрывно с ним связан. Далее следует упоминание о том, что в отношении государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений специальные нормы отсутствуют, и, следовательно, к договорам такого типа, как правило, должны применяться положения п. 2 ст. 651 ГК РФ [3].

Еще одной, не менее важной проблемой, следует признать так называемое взаимопересечение отдельных признаков типов договоров аренды и договоров аренды различных видов имущества, суть которой заключается в том, что в определенном виде договора аренды одновременно могут иметь место признаки нескольких договоров аренды различных видов имущества. В действительности, возникает пересечение используемых в ГК РФ таких понятий, как «виды договора аренды» и «договор аренды отдельных видов имущества». В этом случае приходится сталкиваться с определенной дилеммой выбора правовых норм, которыми стоит руководствоваться в первую очередь.

При дальнейшем рассмотрении указанного вопроса представляется возможным отметить, что с учетом правоприменительной практики можно выделить проблему, которая заключается в нарушении арендатором установленных договором сроков платежей за арендуемое имущество. Важно заметить, что одним из главных условий договора аренды является обязанность арендатора в оговоренные и зафиксированные сроки вносить плату за арендуемое имущество. При этом, в соответствии со ст. 619 ГК РФ, невнесение арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа влечет за собой досрочное расторжение договора аренды. Однако, в ряде случаев возникает проблема, когда арендатор вносит арендную плату не в полном объеме, а частями, регулярно нарушает сроки оплаты. Подобные действия, прежде всего, влекут существенный вред арендодателю, но, вместе с тем, они не рассматриваются в качестве основания для расторжения договора [4, с. 8].

Ученая М.Е. Мещерякова отмечает, что согласно п. 1 ст. 450 ГК РФ, расторжение договора, исходя из требований одной из сторон, возможно по решению судебного органа только при существенном нарушении условий договора другой стороной [5, с. 73]. Следовательно, в случае, когда при подаче искового заявления о расторжении договора по причине внесения арендного платежа не в полном размере, арендодатель предоставит доказательства, на основании которых суд сможет сделать вывод о том, что такое нарушение договора является существенным, то в этом случае договор аренды может подлежать расторжению по решению суда в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Актуальность проблемы взыскания арендной платы обусловлена еще и тем, что многие из собственников арендуемого имущества стремятся включать в договор условия, выражающиеся в постоянном увеличении арендной платы. Как известно, в ч. 3 ст. 617 ГК РФ содержится положение о том, что стоимость арендных платежей может изменяться на основании соглашения сторон в сроки, которые предусмотрены договором, но не чаще одного раза в год. Таким образом, при увеличении арендной платы чаще раза в год налицо нарушение норм законодательства собственниками арендуемого имущества.

Следующая проблема заключается в том, что к большинству видов договоров применяются положения § 1-6 Главы 34 ГК РФ, которые, в свою очередь, урегулированы специальным законодательством. В частности, передача лесных участков регламентируется Лесным кодексом РФ, а передача участков недр осуществляется на основании норм Федерального закона «О недрах» и т.д. Но, вместе с тем, нормы, регулирующие указанные гражданские правоотношения и

содержащиеся в других законах, не должны никоим образом противоречить нормам Гражданского кодекса РФ. В случае, когда в нормах ГК РФ и нормах других законов имеются какие-либо различия, – преимущество отдается нормам Гражданского Кодекса РФ. Но стоит отметить, что при отсылке в ГК РФ к другому закону нормы последнего являются приоритетными.

Также немаловажной и достаточно распространенной проблемой в правоприменительной практике является ситуация, когда лицо, не являющееся законным владельцем недвижимости или иного имущества, передает его в аренду. Такое обстоятельство говорит о прямом нарушении положений ст. 608 ГК РФ, в соответствии с которой арендодателем может быть собственник имущества либо лица, уполномоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду.

Такая ситуация имеет широкое распространение, при которой результат рассмотрения подобных дел в суде для собственников имущества имеет весьма проблемную перспективу. Объясняется это тем, что порой подтвердить свои права на уже арендуемое имущество нередко бывает достаточно сложно либо вовсе невозможно.

Как свидетельствует практика, значительное количество вопросов возникает по причине недостаточного урегулирования предварительного договора аренды. Известно, что распорядиться вещью, которой в принципе не существует, невозможно. Поэтому в таком случае договор признается ничтожным. В соответствии со ст. 429 ГК РФ, предметом предварительного договора является не сам объект, т.е. имущество, а обязанность заключения основного договора по его передаче, выполнении работ или оказании услуг в будущем, согласно условиям, содержащимся в предварительном соглашении. Из этого следует, что при отсутствии объекта, а также законных прав у лица в отношении него, становится допустимым заключение предварительного договора.

Также, на наш взгляд, стоит обратить внимание еще на одну достаточно распространенную проблему, возникающую в процессе исполнения договора аренды, – использование объекта договора не по целевому назначению [6, с. 115]. Так, например, по договору аренды арендодателем было передано в пользование нежилое помещение арендатору в целях осуществления торговли продовольственными товарами. Однако последний, в свою очередь, стал использовать это нежилое помещение в качестве производственного цеха. В этом случае имеет место нарушение исполнения договора, и арендодатель располагает достаточными основаниями для требования его расторжения.

Нельзя не упомянуть договор финансовой аренды (лизинга), принимая во внимание стремительные темпы развития соответствующего рынка в России [7, с. 6]. Несоответствие выделяется как в положениях нормативного акта о предмете лизинга (в ГК РФ и ФЗ № 164-ФЗ от 29 октября 1998 года «О финансовой аренде (лизинге)»), так и в частных положениях о его содержании.

Полагаем также необходимым унифицировать национальные и международные нормы о лизинге, действующие на территории РФ и, в силу наличия специального закона и исключительной специфики гражданско-правовых отношений, возникающих между сторонами лизингового правоотношения, включить в его текст все основные правовые нормы, сохранив в тексте ГК РФ лишь необходимые отсылки к специальному нормативному акту.

Что касается договора проката, то, принимая во внимание его ориентированность на защиту прав потребителя, т.е. потребительский характер договора, считаем важным зафиксировать четкую связь положений ГК РФ о прокате и ФЗ РФ № 2300-1 от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей».

Наконец, в нынешних условиях особенно актуальный характер приобретают и в ближайшее время будут приобретать вопросы аренды нестандартных объектов, появляющихся в эпоху информатизации и технологизации. К примеру, представляется ли возможным заключить договор аренды аккаунта в социальной сети или арт-перформанса? Если да, то какие положения должны быть предусмотрены в таких сделках и как воплотить их в жизнь в рамках судебного разбирательства в Российской Федерации? Разумеется, ответы на такого рода вопросы напрямую связаны с разрешением проблемы признания указанных объектов имуществом, но, вместе с тем, даже признание их имуществом не снимет с юридического сообщества бремя определения регулирования именно арендных отношений с участием таких объектов. В этой связи мы уверены в том, что дальнейшее изучение проблем аренды должно происходить не только через призму «классических» объектов аренды, но и новых объектов информационного общества.

Подводя итог, важно выделить основные пути разрешения актуальных проблем, возникающих при реализации договора аренды.

Во-первых, стоит обратить внимание на правовое регулирование договора аренды земельных участков. В случае возникновения каких-либо коллизий по поводу применения норм ГК РФ или норм специального законодательства, целесообразным является отнесение этого вопроса к нормам указанного кодифицированного нормативного акта РФ, в то время как регулирование порядка предоставления, приобретения и изъятия земель возложить на Земельный кодекс РФ как специальный закон.

Во-вторых, объект аренды договора, т.е. имущество, передаваемое арендатору во временное пользование, в обязательном порядке должен полностью соответствовать целевому назначению в соответствии с договором. Исходя из этого, во избежание дальнейших спорных ситуаций непосредственно в процессе исполнения договора аренды необходимо в договоре указать целевое назначение арендуемого имущества. В том случае, если в договоре целевое назначение не было указано, стоит основываться на общих условиях эксплуатации объекта.

В-третьих, до момента заключения договора арендатору следует убедиться в том, что арендодатель, фактически обладающий арендуемым имуществом, является его собственником. В той ситуации, когда арендуемое имущество находится у арендодателя не на праве собственности, а на основании иного вещного права, возникает необходимость получения согласия собственника, которое требуется отразить в договоре аренды.

В-четвертых, в целях исполнения договора аренды без негативных последствий, а также своевременного внесения арендной платы рекомендуется проводить детальный анализ всей имеющейся информации о контрагенте. При этом большое внимание, как правило, должно уделяться свидетельству о внесении записи в государственный реестр индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, а также финансовой благонадежности контрагента.

В-пятых, в процесс заключения договора аренды необходимо использовать помощь компетентных специалистов и экспертов с целью доведения его до безупречности с юридической точки зрения.

Также во избежание проблем, которые могут возникнуть при исполнении договора аренды, арендодатель обязан предупредить арендатора о факте наличия прав третьих лиц на арендуемое имущество. В этом случае, у арендатора возникает возможность проанализировать ситуацию, оценить последствия, которые могут наступить в отношении его деятельности при пользовании обремененным имуществом и, соответственно, сделать окончательный вывод о целесообразности заключения такого договора.

Выводы по настоящему исследованию и направления дальнейших разработок в указанном направлении (по настоящей проблеме). Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что каждая из сторон договора аренды должна добросовестно исполнять возложенные на них обязательства. Чтобы свести к минимуму возможность возникновения конфликтов и споров в процессе исполнения договора аренды, стороны должны разумно и ответственно подходить к преддоговорному процессу.

Обращаясь к общим положениям о содержании договора аренды, отметим, что при заключении любого арендного договора крайне важно

предусмотреть ряд положений о правах, обязанностях и ответственности сторон на каждом из этапов осуществления арендных отношений: прием-передача объекта, использование, в т.ч., с указанием на целевое или свободное использование, размер, сроки и порядок уплаты арендных платежей, обеспечение обязательств из договора аренды, вопросы ответственности за порчу имущество, невыполнение обязанностей по договору и т.д. Сам по себе договор аренды является комплексным, сложным договором, порождающим совокупность взаимных прав и обязанностей, в связи с чем необходимо ответственно отнестись к его заключению и включению в текст будущего договора специальных, конкретных положений, которые позволят в будущем защитить свои права и законные интересы в суде.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что многообразие видов арендных отношений в нынешних условиях ставит перед юридическим сообществом новые задачи по усовершенствованию регулирования и судебной практики, в связи с чем изучение насущных проблем договора аренды в России остается и будет оставаться актуальным в течении последующих лет.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. Белов В.А. Правовое регулирование договора аренды: анализ общего и специального законодательства в сфере арендных отношений / В.А. Белов // Актуальные проблемы гражданского права. – 2014. – № 10. – С. 2258-2264.

3. О государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 01.06.2000 г. № 53 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

4. Елизаров Д.В. Гражданско-правовые проблемы аренды недвижимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Елизаров. – Владивосток, 2011. – 22 с.

5. Мещерякова М.Е. Расторжение договора аренды по инициативе арендодателя / М.Е. Мещерякова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 72-74.

6. Свириденко О.М. О некоторых процессуальных проблемах, связанных с отказом арендатора от договора аренды / О.М. Свириденко // Журнал российского права. – 2015. – № 12 (228). – С. 112-119.

7. Хорошунова Д.А. Современное регулирование лизингового рынка в России / Д.А. Хорошунова // Экономика нового мира. – 2017. – № 2 (вып. 6). – С. 5-13.

РАЗДЕЛ 5
Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право; уголовный процесс;
криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.13
DOI 10.5281/zenodo.8167855

РОЗЫСК КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

АПУХТИН С.И.,
канд. юрид. наук, доцент,
начальник отдела,
Министерство внутренних дел Донецкой
Народной Республики;

ТИТОВ А.Н.,
канд. юрид. наук, доцент,
доктор философии в области права, адвокат,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются основные подходы к понятию розыска в оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и уголовном процессе. Утверждается, что понятие розыска необходимо рассматривать двояко: как стадию раскрытия и расследования преступления и как самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: розыск, оперативно-розыскная деятельность, поисковые мероприятия, раскрытие преступлений, расследование преступлений.

SEARCH AS A LEGAL CONCEPT

APUKHTIN S.I.,
Cand. legal Sciences, Associate Professor,
Department head,
Ministry of internal affairs of the
Donetsk People's Republic;

TITOV A.N.,
Cand. legal sciences, Associate Professor,
PhD in Law, lawyer,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article discusses the main approaches to the concept of search in operational-investigative activities, forensics and criminal procedure. It is argued that the concept of search should be considered in two ways: as a stage of disclosure and investigation of a crime and as an independent direction of operational-search activity.

Keywords: search, operational-search activity, search activities, crime detection, crime investigation

Постановка задачи. Становление и развитие теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органов внутренних дел осуществляется на основании научных исследований в этой области. Не случайно научное мнение о дальнейшем развитии теории ОРД формируется в условиях острых противоречий между разными отраслями права и собственно научным определением объекта, предмета и методологии ОРД. Важнейшие проблемы современного состояния теории оперативно-розыскной деятельности производны от общего развития науки в государстве, определения и развития научных школ, научных толкований терминов и т.д.

Одной из проблем теории оперативно-розыскной деятельности является определение понятия и содержания розыска. Для ученых и практиков это имеет огромное значение. Для первых четкое определение понятия розыска позволит выяснить его сущность, назначение и правовую природу, для вторых – провести четкое разграничение, с какого момента начинается розыск и когда он завершается.

Обзор последних исследований и публикаций. Проблематике определения розыска уделяли внимание в своих работах, в частности, А.И. Бастрыкин, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.И. Громов, Г.Г. Зуйков, И.Ф. Крылов, В.А. Лукашов, Н.В. Терзиев, Б.М. Шавер, И.М. Якимов и другие.

Актуальность статьи. Каждый год становится все более очевидным значение розыска подозреваемых и обвиняемых как одного из важнейших элементов реализации принципа неотвратимости наказания и формирования общественного мнения.

Криминологические исследования свидетельствуют о прямой зависимости эффективности борьбы с преступностью от результатов розыскной работы. Издержки и просчеты в правовом регулировании и организации розыска лиц, скрывающихся от следствия и суда, приводят к росту преступности, ухудшению показателей раскрытия уголовных правонарушений, негативно влияют на состояние охраны правопорядка и обеспечение законных прав и интересов граждан. Все это свидетельствует о значительной общественной опасности скрывающихся от следствия и суда лиц и требует решительных действий по их розыску и привлечению к уголовной ответственности.

Сегодня проведение розыска таких лиц связано со значительными трудностями, требует инициативы, настойчивости, творчества и квалифицированного подхода, активного использования не только всех сил, средств и мер оперативно-розыскной деятельности, а, как правило, и помощи населения. Он сопровождается проведением сложных и негласных следственных (розыскных) действий. Развитие общества,

особенно в информационно-технологическом направлении, требует и последовательного усовершенствования организации розыскной работы, всестороннего повышения уровня руководства, усиления контроля выполнения, что приобретает в современных условиях особую остроту и актуальность.

Цель статьи заключается в исследовании понятия розыска в оперативно-розыскной деятельности, криминалистике и уголовном процессе.

Изложение основного материала исследования. Слово «розыск» в юридической терминологии имеет глубокие исторические корни, и его содержание первоначально было широким и многозначным. Начиная с Судебников 1497, 1550, а затем и Соборного заключения 1649 «розыском» обычно называли процессуальную форму, по которой раскрытие и расследование преступлений проводили государственные органы, а не непосредственно потерпевший и его представители. Это слово определяет и установление истины при расследовании обстоятельств совершенного преступления или доказательства вины, которое осуществляли путем получения собственного признания обвиняемого под пытками, заслушивания показаний, проведения очных ставок и других приемов. Розыском, кроме того, считали и действия уполномоченных лиц по поиску и задержанию известных преступников.

Впоследствии первоначальный смысл слова «розыск» значительно сузился, поскольку в результате судебной реформы 60-х годов XIX ст. в уголовном судопроизводстве России появились новые понятия: «дознание» и «расследование». Термин «розыск» получил свое законодательное закрепление в ст. 254 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. как один из видов полицейского дознания, основанный на тайных методах расследования, предусматривающих словесные расспросы, негласное наблюдение, а также другие допустимые меры по установлению преступников. То есть по своему содержанию он был близок современному понятию ОРД [1, с. 504].

В.А. Лукашов отмечает, что в юридической литературе розыск определен как совокупность оперативно-розыскных и других мероприятий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и мероприятий, проводимых органами внутренних дел [2, с. 5].

В учебнике по криминалистике под редакцией Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова представлено следующее толкование рассматриваемого понятия: розыск – это взаимообусловленный расследованием преступлений процесс совершения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления лиц, совершивших преступления и скрываемых от следствия, суда или отбывания наказания, пропавших лиц, трупов, отыскания оружия и

средств преступления, похищенного имущества и имущества, подлежащего конфискации или изъятию для возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Причем авторы учебника подразумевают как розыск преступников, чья вина установлена, то есть конкретных обвиняемых, подсудимых или лиц, сбежавших из мест лишения свободы, так и розыск лиц, совершивших преступления [3, с. 244].

Розыск как разновидность практической деятельности по борьбе с преступностью рассматривали уже первые советские ученые-криминалисты. В их работах содержатся и отдельные теоретические положения по розыскной деятельности. отождествление розыска с раскрытием преступления было характерно для научных исследований вплоть до середины XX в., пока не была сделана попытка сузить понятие розыска путем ограничения его объекта известными преступниками и похищенными ценностями.

В 1949 г. А.И. Винберг и Б.М. Шавер первым сузили понятие розыска в криминалистике. Они отнесли к криминалистике рассмотрение вопросов розыска известного преступника и похищенных ценностей [4, с. 162, 215]. Ведущую роль в организации и осуществлении розыска преступника они отводили следователю – в случае местного розыска и розыскным органам – в случае розыска всесоюзного. Н.В. Терзиев дополнил содержание розыска в криминалистике розыском лица, безвестно исчезнувшего [5, с. 182-184].

Положения, высказанные А.И. Винбергом, Б.М. Шавером и Н.В. Терзиевым, стали толчком к тому, что понятие розыска стали рассматривать в двойном смысле: в узком и широком. Если в первом случае под розыском понимали деятельность по выявлению известных объектов (скрываемого обвиняемого безвестно исчезнувшего и др.), то во втором – поиск неизвестных объектов (неустановленного преступника, следов преступления и др.), имеющих значение для раскрытия и расследования преступления.

В современных работах по криминалистике розыск в широком смысле по-прежнему отождествляют с деятельностью по раскрытию преступлений и с ОРД в целом, поскольку в его содержание включают выявление преступлений, в отношении которых есть только замысел, подготавливаемых и уже совершенных преступлений, а также установление места нахождения виновных, иных лиц [1, с. 505].

Среди ученых в сфере оперативно-розыскной деятельности и криминалистики существует немало разных взглядов на понятие розыска. Сторонники одного из них рассматривают розыск как систему следственных действий и оперативно-розыскных мер, направленных на выявление уже известных объектов розыска и принятие в отношении них предусмотренных законом мер в пользу осуществления правосудия.

Однако ученые, придерживающиеся этой позиции, не единодушны в определении конкретных объектов розыска. Одни считают объектом розыска обвиняемых, скрывающихся от следствия, суда или отбывания наказания подсудимых; украденные вещи, предметы или имущество, подлежащее аресту для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации; орудия преступления, документы, транспортные средства, которые использовались для совершения преступления или сокрытия его следов. Другие относят к объектам розыска обвиняемых и похищенное имущество. Третьи отстаивают мнение, что объектами розыска необходимо считать обвиняемых, лиц, пропавших без вести, похищенные предметы и имущество, служащее для возмещения ущерба.

Сторонники другого взгляда понятие розыска толкуют двояко. Рассмотрев соотношение сыска и предварительного расследования, И.Ф. Крылов и А.И. Бастрыкин пришли к выводу, что розыск в широком смысле термина – это розыскная деятельность, направленная на установление предметов, индивидуально-определенные признаки которых на данный момент неизвестны (розыск неизвестного преступника, следов преступления на месте происшествия и т.п.). Розыск в узком понимании – это розыск конкретного, индивидуально-определенного объекта (розыск конкретного обвиняемого, конкретного похищенного имущества и т.п.) по известным групповым и индивидуальным признакам [6, с. 6-7].

С появлением теории ОРД понятие и сущность розыска становится предметом исследований в этой области научных знаний. Первую кандидатскую диссертацию по проблемам розыскной работы в 1963 защитил В.А. Лукашов, который, выступая против расширительного толкования понятия розыска, ограничивал его содержание розыском уже известных правоохранительным органам объектов: скрывающихся преступников; безвестно пропавших и других категорий разыскиваемых [1, с. 505].

Осуществленный нами анализ понятий розыска позволяет выделить основные теоретические направления его определения, закрепившиеся в науке:

1. Розыск как понятие, отождествляемое с раскрытием преступления;
2. Розыск, рассматриваемый в широком и узком смысле;
3. Розыск, осуществляемый в полном и неполном объеме.

Следует заметить, что разница понятий «раскрытие преступлений» и «розыск» имеет определенные процессуальные основания, которые отражены в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ст. 2 УПК Донецкой Народной Республики предусмотрено, что задачами уголовного судопроизводства является охрана прав и законных

интересов участвующих в нем физических и юридических лиц, а также быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к ответственности и ни один невиновный не был наказан [7]. В этом случае законодатель говорит об установлении лиц, виновных в совершении преступления, но не об их розыске. Именно поэтому рассмотренные выше энциклопедические и другие варианты толкования этого понятия, в которых он отождествлен с раскрытием преступления, мы считаем ошибочными, поскольку в рамках раскрытия преступления первоначальной стадией является поиск.

О розыске в процессуальном аспекте может идти речь только при условии, что в отношении скрываемого лица вынесено постановление или постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или подсудимого. По мнению Г.Г. Зуйкова, деятельность следователя и органа дознания по выявлению лица, в отношении которого не собраны достаточные данные для привлечения в качестве обвиняемого, не следует именовать розыскным. Такая деятельность является поиском лица, заподозренного в совершении преступления [8].

Осуществление поиска в ОРД образует особый вид (форму), называемый на практике оперативным поиском. Отличительной его особенностью является осуществление этой деятельности вне связи с уже известными фактами и лицами. Основной задачей оперативного поиска является выявление еще неизвестных фактов преступлений и совершивших их лиц [1, с. 445].

Осуществляя поиск, субъекты ОРД проводят поисковые мероприятия, которые в свою очередь имеют свой содержательный смысл.

Поисковые мероприятия – это действия оперативных работников, направленные на установление еще неизвестных правоохранительным органам событий преступления и виновных лиц, готовящихся или совершенных неустановленными лицами. В процессе осуществления поиска устанавливаются данные конкретных лиц, имеющих отношение к преступлению, а также индивидуальные признаки орудий совершения преступления и других предметов. Именно с момента установления конкретных данных об объекте (лиц, орудия совершения преступления, предметов и т.п.), осуществление поиска завершается и начинается деятельность по розыску, целью которого является установление местонахождения известных объектов и их задержание с целью выполнения задач уголовного судопроизводства.

Что касается термина «розыск», то он применяется в уголовно-процессуальном законодательстве только в тех случаях, когда речь идет о розыске обвиняемых или скрывающихся подсудимых.

Достаточно значимой особенностью института подозреваемого является определенная законодательная неурегулированность вопроса о лице, в отношении которого есть сведения о его причастности к преступлению, но она не задержана и, соответственно, к ней не применена мера пресечения. Так, по мнению В.В. Котровского, такое лицо следует именовать «условным подозреваемым» [9, с. 86]. Л.М. Карнеева предложила по этому субъекту применять термин «субъективный подозреваемый» [10, с. 10-11]. И все же, по нашему мнению, наиболее удачным по отношению к указанному лицу можно считать термин «заподозренный», поскольку, во-первых, он краток, во-вторых, наиболее точно отражает сущность тех данных, которые есть у дознавателя, следователя, прокурора о совершении определенным субъектом определенного преступления. Малым толковым словарем русского языка это понятие трактовано так: «начать предполагать существование чего-либо нежелательного» [11, с. 155].

Таким образом, заподозренного, в бытовом смысле этого слова, следует понимать как личность, в отношении которой есть предположение об осуществлении им чего-то нежелательного, недостойного. Именно термин «заподозренный» наиболее точно определяет характер данных, имеющихся у компетентных органов и уполномоченных лиц, которые позволяют начать подозревать определенного лица в совершении преступления, но не достаточных для официального признания его подозреваемым. Завершением пребывания лица в статусе заподозренного логически считать момент снятия с него каких-либо подозрений или получения органами и лицами, ведущими расследование по делу, сведений, позволяющих задержать заподозренного и применить к нему меру пресечения. Это означает переход заподозренного лица из формального в новый статус – подозреваемого (обвиняемого).

Учитывая изложенное, можем констатировать, что розыск заподозренных лиц на стадии раскрытия преступления является вопросом достаточно дискуссионным, по поводу чего, по нашему мнению, уместно будет говорить о розыске не заподозренных, а конкретных, известных лиц и объектов. Розыск заподозренных лиц не имеет процессуальных оснований, в отличие от розыска обвиняемых и подсудимых. На стадии раскрытия преступлений субъекты ОРД могут производить еще и розыск конкретных, известных объектов (орудий совершения преступления, предметов и др.), имеющих отношение к раскрытию преступления. Розыск обвиняемых и подсудимых осуществляют только при соблюдении важного условия – вынесении следователем или судом процессуального решения о розыске. Именно этим розыск обвиняемых и подсудимых как самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности отличается от

розыска конкретных, известных объектов, проводимых в связи с раскрытием преступлений.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Итак, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что понятие розыска необходимо рассматривать двояко:

- 1) как стадию раскрытия и расследования преступления;
- 2) как самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности.

На основе этого считаем необходимым сформулировать такие дефиниции.

Розыск как стадия раскрытия и расследования преступления – это деятельность следователя, органа дознания, прокурора, судьи, суда, направленная на установление местонахождение и задержание конкретных лиц, а также других известных объектов (орудий совершения преступлений, предметов преступного посягательства и др.), с целью выполнения задач уголовного судопроизводства.

Розыск как самостоятельное направление ОРД – это деятельность на основе принятого следователем, судьей или судом процессуального решения о розыске обвиняемого, подсудимого, уклоняющегося от отбывания уголовного наказания, скрывшегося из-под стражи или из мест лишения свободы, направленная на установление их местонахождения и задержание, а также деятельность по установлению местонахождения безвестно пропавших лиц.

Отличие приведенных понятий заключается в процессуальном статусе разыскиваемых лиц, объектах розыска, принятии определенными субъектами процессуальных решений и дополнительном объекте розыска (безвестно пропавшее лицо).

Список использованных источников

1. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. - М. : ИНФРА-М, 2006. - 832 с.
2. Лукашов, В. А. Розыск скрывшихся преступников / В.А. Лукашов. - М. : ВШ МВД СССР, 1963. - 84 с.
3. Криминалистика: учебник (под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова). - М. : НИ РИО ВШ МВД СССР, 1969. - 376 с.
4. Винберг, А. И. Криминалистика / А.И Винберг, Б.М. Шавер. - М. : РИО, 1949. - 272 с.
5. Терзиев, Н. В. Розыск. Настольная книга следователя / Н.В. Терзиев. - М. : Юриздат, 1949. - 476 с.
6. Крылов, И. Ф. Розыск, дознание, следствие / И.Ф. Крылов, А.И. Бастрыкин. - Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 217 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной

Республики от 24 августа 2018 г. № 240-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyu-kodeks-doneckoy-narodnoy-respubliki-ot-24082018-no-240-ins>.

8. Зуйков, Г. Г. Поиск преступников по признакам способов совершения преступлений / Г.Г. Зуйков. – М. : НИ и РИО, 1970. – 191 с.

9. Котровский, В. В. Понятие подозреваемого по новому УПК РСФСР / В.В. Котровский // Правоведение. - 1963. - № 3. - С. 86-87.

10. Карнеева, Л. М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Советская криминалистика на службе следствия. - М. : РИО, 1959. - Вып. 12. – С. 10-11.

11. Малый толковый словарь русского языка. - М. : Русский язык, 1993. - 704 с.

УДК 343.98

DOI 10.5281/zenodo.8167876

СУДЕБНАЯ АВТОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

БОРДЮГОВ Л.Г.,
канд. юрид. наук,
профессор кафедры криминалистики;

РУБЦОВА И.В.,
аспирант кафедры криминалистики
**ФГБОУ ВО «Донбасский государственный
университет юстиции»,**
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Исследование посвящено проблемам и перспективам развития судебной автотехнической экспертизы в Российской Федерации. Приводятся исторические аспекты появления судебной экспертизы и в частности судебной автотехнической экспертизы. Обосновывается, что деятельность, связанная с выполнением судебных автотехнических экспертиз, является процессуальной деятельностью лиц, обладающих специальными знаниями в области судебной автотехники, по проведению экспертных исследований при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

***Ключевые слова:** судебная автотехническая экспертиза, история возникновения, предмет экспертизы, объект экспертизы, задачи экспертизы, перспективы развития*

JUDICIAL AUTO TECHNICAL EXPERTISE: NOTION, HISTORY, PROSPECTS

**BORDYUGOV L.G.,
PhD in Law,
Professor of the Department of Criminalistics ;**

**RUBTSOVA I.V.,
graduate student of the Department of
Criminalistics,
FSBEI HE «Donbass State University of Justice»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The research is devoted to the problems and prospects of the development of judicial autotechnical expertise in the Russian Federation. The historical aspects of the emergence of judicial expertise and, in particular, judicial autotechnical expertise are given. It is substantiated that the activities related to the performance of judicial autotechnical expertise are the procedural activities of persons with special knowledge in the field of judicial automotive equipment, to conduct expert research in the investigation of crimes against traffic safety and operation of transport.

***Keywords:** judicial autotechnical expertise, history of occurrence, subject of expertise, object of expertise, tasks of expertise, development prospects*

Постановка проблемы. Проблемы назначения, проведения судебных экспертиз и использования их результатов в процессе расследования преступлений занимают важное место в уголовном судопроизводстве и судебно-экспертной деятельности. Отдельной категорией среди всех этих проблем является усовершенствование теоретической базы судебной экспертизы, а именно определение предмета и задач судебной экспертизы и отдельных ее видов, в частности. Одним из таких видов является судебная автотехническая экспертиза как одна из основных экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучением теоретических и методических вопросов судебной автотехнической экспертизы занимаются такие ученые как С.А. Евтюков, Э.Р. Домке, В.А. Пучкин, Ю.Б. Суворов, И.И. Чава. В своих исследованиях они наравне с раскрытием процессуальной сущности судебной автотехнической экспертизы вырабатывают стратегию решения тех или иных задач, возникающих в процессе проведения экспертиз данного вида.

Актуальность. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, составляющие весомую долю среди всех преступных деяний, совершаемых в Российской Федерации,

наносят немалый ущерб государству. В процессе расследования дорожно-транспортных происшествий очень часто возникает необходимость в проведении судебных автотехнических экспертиз. Поэтому важно рассмотреть не только теоретические вопросы судебной автотехнической экспертизы, но и вопросы ее совершенствования и эффективного использования при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования и о необходимости дальнейшего изучения и анализа указанных вопросов.

Целью статьи является рассмотрение научных основ теории и истории судебной автотехнической экспертизы в Российской Федерации, обоснование стратегических направлений дальнейшего развития этого вида судебной экспертизы и усовершенствование практики ее организации и проведения.

Изложение основного материала исследования. Изучение любой науки, любой отрасли знаний, любого учения должно обязательно включать знакомство с его историей, поскольку важно «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило» [1, с. 67].

Поэтому прежде, чем перейти к вопросу о процессуальной сущности, значении судебной автотехнической экспертизы в судопроизводстве, необходимо остановиться на вопросах появления и развития этого довольно специфического института, играющего важную роль в уголовном судопроизводстве при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Необходимо также проследить историю зарождения такой своеобразной процессуальной фигуры как «процессуальное лицо».

Это история с древних времен до наших дней, однако не следует забывать, «что настоящее есть закономерное проявление прошлого, как бы далеко оно от нас не отстояло» [2, с. 214].

В процессе исторического развития общества из общего познания окружающих материальных объектов выделились специальные знания, которые использовали сведущие лица с целью предоставления ответов на вопросы о свойствах и признаках различных объектов. Больше всего необходимость в такой деятельности возникала во время судебных процессов при сообщении противоречивых сведений разными участниками относительно спора, конфликта или совершенного правонарушения. Привлечение сведущих лиц позволяло исследовать телесные повреждения, документы, орудия преступления и т.п.

Знания сведущих лиц использовались в судопроизводстве с давних времен. Появление процессуальной фигуры сведущего лица связывают с развитием судебной медицины – научной дисциплины,

первой поставленной на службу правосудию, в результате чего судебные врачи стали непременными участниками в процессе расследования дел о посягательствах на жизнь и телесных повреждениях. «Затем на помощь начали призываться сведущие лица из других областей науки, техники, ремесла» [3, с. 2].

Вместе с тем существует мнение, что одной из начальных форм использования специальных знаний была практика народных следопытов. В частности, И.Ф. Крылов считал, что следы при раскрытии и расследовании преступлений используются с глубокой древности. При этом он в своих работах на основании имеющихся литературных источников описал практику деятельности народных следопытов [4; 5]. Советским криминалистом Ю.И. Ильченко также изучалась практика использования следов в древности для розыска преступников и раскрытия преступлений [6, с. 113-124].

В судопроизводстве древних государств первоначально использовали специальные знания по медицине, естествознанию, математике. С развитием научных знаний конкретизировалась и помощь сведущих лиц из разных отраслей науки, техники, искусства и ремесла. В частности, они обнаруживали следы с поличным, исследовали их и по ним устанавливали правонарушителя; описывали признаки личности, предметов, животных, находившихся на месте происшествия; устанавливали по описанию признаков конкретного правонарушителя или спорное имущество; определяли по оставленным частям предмета характеристики этого предмета и идентифицировали его; устанавливали вид телесных повреждений, выясняли причины смерти.

Развитие судебной экспертизы всегда было связано с потребностями судебно-следственной практики в совершенствовании средств и методов установления истины при расследовании различных правонарушений. Начиная со времен Киевской Руси, принимался ряд нормативных документов по отдельным направлениям использования специальных знаний при осуществлении правосудия, издавались научные работы, создавались экспертные учреждения, непосредственно проводившие исследования вещественных доказательств.

В России, начиная уже с XVIII столетия, на государственном уровне принимались нормативные акты, которые упорядочивали использование специальных знаний сведущих лиц при осуществлении судопроизводства, закрепляли необходимость обязательного проведения исследований при сомнении относительно оригинальности документа; предусматривали место их проведения – приказ; определяли субъектов профессионального исследования: дьяки и подьячие, работающие в приказе.

В результате возрастания необходимости правоохранительных органов в привлечении разнообразных научных знаний для противодействия преступности и значительному спросу следователей и судей в использовании специальных знаниях, широкого внедрения достижений естественных и технических наук в практику расследования преступлений, развития юридического образования возникла потребность в создании отдельных криминалистических учреждений, проводивших судебную экспертизу. В первые годы деятельности в этих экспертных учреждениях проводились экспертизы документов, почерка, чернил, отпечатков пальцев рук, следов крови, спермы, волос, огнестрельного оружия, орудий взлома, почвы, тканей и т.п.

Судебно-экспертная деятельность заключалась в привлечении специалистов во время осмотров мест происшествий; проведении экспертных исследований вещественных доказательств с помощью научных методов; предоставлении пояснений в судебных заседаниях по поводу проведенных исследований; ознакомлении следователей, судей, работников полиции с возможностями экспертиз и техникой расследования преступлений.

Однако до появления судебной автотехнической экспертизы в современном ее понимании было еще далеко.

Считается, что первое в мире дорожно-транспортное происшествие, приведшее к летальному исходу, произошло 17 августа 1896 года в Лондоне [7]. Хотя имеются и другие сведения.

Что касается нашей страны, имеются сведения, что в России первое, официально зарегистрированное дорожно-транспортное происшествие, произошло в Гурзуфе в 1901 году. Шум, издаваемый автомобилем, напугал лошадь, везущую повозку, и она столкнулась с другой повозкой [8].

Шло время, с увеличением количества транспортных средств увеличивалось и количество дорожно-транспортных происшествий.

В первой половине XX века в СССР в процессе расследования дорожно-транспортных происшествий в основном прибегали к помощи специалистов, которые работали преподавателями в автодорожных институтах и техникумах или же к практическим работникам автохозяйств. Зачастую судебная автотехническая экспертиза назначалась эпизодически, проводилась не всегда квалифицированными специалистами. Это сказывалось на качестве расследования.

Свое практическое развитие судебная автотехническая экспертиза получила только во второй половине XX века. В Советском Союзе государственная судебная автотехническая экспертиза была организована в 1959 году в НИЛСЭ Юридической комиссии Совета Министров РСФСР [9, с. 3]. С этого момента начинается история отечественной судебной автотехнической экспертизы.

В научно-исследовательских институтах и лабораториях судебных экспертиз Министерства юстиции СССР создаются группы, сектора, отделы, лаборатории автотехнических экспертиз.

В 1973 году в Донецке было создано Донецкое отделение Харьковского НИИ судебных экспертиз, в котором был образован сектор автотехнических экспертиз. Судебные автотехнические экспертизы начали проводиться на профессиональной основе.

За это время накоплен значительный практический опыт проведения указанного вида судебной экспертизы, осуществлен ряд основательных научных исследований в данном направлении.

В частности, в 1980 году было издано методическое пособие по судебной автотехнической экспертизе [10], в котором изложены методики исследования действий участников дорожно-транспортных происшествий в различных ситуациях. Данное пособие во многих бывших советских республиках используется судебными экспертами-автотехниками и в настоящее время.

Вместе с тем, несмотря на солидное количество научных работ по техническим аспектам проведения судебной автотехнической экспертизы, вопросы ее правовой природы и сущности разработаны не в достаточной степени. Соответственно возникают определенные противоречия в нормативном регулировании связанных с ней общественных отношений, определении понятия автотехнической экспертизы, а также ее места в современной классификации судебных экспертиз. Представляется, что решение вопроса о сущности судебной автотехнической экспертизы, прежде всего, требует выяснения места соответствующей разновидности исследований в составе класса инженерно-технических экспертиз. По этому вопросу нет четкого ответа в нормативных правовых актах по судебно-экспертной деятельности.

Судебную автотехническую экспертизу можно представить как целенаправленную профессиональную деятельность по получению доказательственной информации об обстоятельствах дорожно-транспортного происшествия, содержание которой заключается в исследовании судебным экспертом на основе специальных знаний в области судебной автотехники механизма дорожно-транспортного происшествия с целью предоставления органу расследования или суду объективного и надлежаще обоснованного заключения.

В Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденном приказом Министерства юстиции Российской Федерации № 72 от 20 апреля 2023 года [11], к автотехнической экспертизе относятся четыре вида экспертизы. Нас в большей степени интересуют первые три вида указанных экспертиз, поскольку четвертый из указанных видов традиционно считается дорожно-технической экспертизой.

Каждый вид судебной экспертизы отличается от других по предмету, объектам, задачам, субъектам и методам экспертного исследования.

Предметом экспертизы являются факты (фактические данные, обстоятельства происшествия), которые эксперт устанавливает на основании исследования материалов дела и других объектов экспертизы, применяя специальные знания в области науки, техники, искусства и ремесла. Предмет экспертизы – это существенный признак каждого рода и вида судебной экспертизы, поскольку им определяются сущность и источники специальных знаний, необходимых для всестороннего исследования обстоятельств происшествия и установления искомых фактов.

Таким образом, предметом судебной автотехнической экспертизы являются обстоятельства возникновения и развития дорожно-транспортного происшествия, фактические данные о его последствиях, которые устанавливаются на основе специальных научно-технических знаний в области судебной автотехники.

Исходя из указанных выше видов судебных автотехнических экспертиз, можно выделить три основных категории непосредственных объектов судебной автотехнической экспертизы: обстоятельства дорожно-транспортного происшествия; техническое состояние транспортного средства; следы на месте происшествия и на транспортном средстве. Причем указанные объекты могут исследоваться как непосредственно, так и по материалам дела.

К основным задачам судебной автотехнической экспертизы следует отнести следующие:

- установление неисправностей транспортного средства, которые угрожали безопасности движения, причин их образования и времени возникновения (до происшествия, в момент происшествия, после происшествия), установление возможности обнаружения неисправности и ее влияния на возникновение и развитие происшествия;

- установление обстоятельств дорожно-транспортного происшествия: скорости движения транспортного средства, траектории его движения, расстояния, пройденного транспортным средством за определенные промежутки времени, и других пространственно-динамических характеристик происшествия;

- определение наличия у водителя транспортного средства технической возможности предотвратить происшествие с момента возникновения опасности, соответствия его действий требованиям Правил дорожного движения и наличия причинной связи между его действиями и наступлением дорожно-транспортного происшествия.

Субъектом проведения судебной автотехнической экспертизы является лицо, имеющее высшее техническое образование, получившее

дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности и прошедшее аттестацию на право самостоятельного производства судебной автотехнической экспертизы, т.е. лицо, обладающее специальными знаниями в области судебной автотехники.

Для судебной автотехнической экспертизы характерны свои методы исследования, в частности могут использоваться как общенаучные методы, например, эксперимент, моделирование, так и частно-научные, например, графо-аналитический метод исследования дорожно-транспортного происшествия.

Приведенные теоретические положения позволяют сформулировать определение понятия судебной автотехнической экспертиз, в частности, судебная автотехническая экспертиза – это процессуальное действие, сущность которого состоит в исследовании экспертом на основе специальных знаний в области судебной автотехники транспортных средств, их деталей, дорожной обстановки и других обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, содержащих информацию об обстоятельствах дела, которое находится в производстве органов предварительного расследования или суда, с целью установления фактических данных, которые в форме заключения эксперта могут стать доказательством для установления истины по делу.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. В настоящее время появилось множество новых объектов, которые входят в предмет исследования судебной автотехнической экспертизы либо комплексных экспертиз. Особенно это связано с внедрением цифровых технологий в различные сферы жизни, в том числе в автомобилестроение, в регулирование дорожного движения, в обеспечение безопасности дорожного движения.

В частности, представляет интерес исследование обстоятельств дорожно-транспортных происшествий с применением компьютерной диагностики, информации, сохранившейся в EDR «черном ящике» и электронных блоках управления транспортных средств. Определенный интерес представляет исследование видеозаписей с целью установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Использование таких видеозаписей в экспертной практике позволяет получить объективные исходные данные для выполнения судебных автотехнических экспертиз.

Внедрение новых объектов и новых экспертных технологий позволит решать задачи судебной автотехнической экспертизы на новом, более высоком качественном уровне.

Список использованных источников

1. Ленин В.И. О государстве / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т.39. – М.: Политиздат, 1970. – С. 64-84.
2. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е издание / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 336 с.
3. Аверьянова Т.В. Криминалистика. Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА•М), 2001. – 974 с.
4. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах / И.Ф. Крылов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. – 197 с.
5. Крылов И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 215 с.
6. Ильченко Ю.И. От интуиции следопыта – к трасологии / Ю.И. Ильченко // Проблемы советского государства и права: межвуз. тем. сб. / Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова, Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева, Дальневост. гос. ун-т, Краснояр. гос. ун-т, Ом. высш. шк. милиции МВД СССР; редкол.: гл. ред. В.А. Пертцик, зам. гл. ред. А.И. Ким, П.С. Дагель. Вып. 3: Вопросы борьбы с правонарушениями. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та., 1972. – 192 с.
7. Самое первое в мире ДТП. – URL: https://pikabu.ru/story/samoe_pervoe_v_mire_dtp_4697569. (дата обращения: 29.04.2023).
8. Первое зарегистрированное ДТП в мире. – URL: <https://wheelnews.ru/pervoe-dtp-v-istorii-dva-avtomobilya>. (дата обращения: 29.04.2023).
9. Бекасов В.А. Автомобильная экспертиза / В.А. Бекасов [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1967. – 255 с.
10. Судебная автотехническая экспертиза. Часть II. Теоретические основы и методики экспертного исследования при производстве автотехнической экспертизы: Пособие для экспертов-автотехников, следователей и судей; ответственный редактор В.А. Иларионов. – М.: ВНИИСЭ, 1980. – 492 с.
11. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 72 от 20.04.2023 г. «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». – URL: <http://www.sudexpert.ru/files/norms/20042023.pdf>. (дата обращения: 10.05.2023).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

ВОРУШИЛО В.П.,
Канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой
административного права;

БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,
магистрант группы ЮР-22м факультета
юриспруденции и социальных технологий
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной работе определены основные направления использования биотехнологий в снижении возможностей совершения преступлений. Выявлено, что последствия использования биотехнологий недостаточно исследованы, в связи с чем указано на необходимость проведения дальнейших глубинных комплексных междисциплинарных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: биотехнологии, преступность, противодействие преступности, биологическая безопасность, преступление

FORENSIC MEANS OF COMBAT WITH THE USE OF BIOTECHNOLOGIES FOR CRIMINAL PURPOSES

VORUSHILO V.P.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the
Department of Administrative Law;

BOGOSLAVSKAYA K.E.,
undergraduate group YUR-22m of the faculty of
jurisprudence and social technologies
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

In this paper, the main directions for the use of biotechnologies in reducing the possibility of committing crimes are identified. It was revealed that the consequences of the use of biotechnologies have not been sufficiently studied, and therefore it is indicated that further in-depth comprehensive interdisciplinary research in this direction is necessary.

Keywords: biotechnologies, crime, crime counteraction, biological safety, crime

Постановка проблемы. Научно-технический прогресс в своем диалектическом развитии продуцирует новые открытия, которые, в свою очередь, становятся базой, основой для появления новых видов общественных отношений. Ярким примером есть биотехнологии, отражающие как положительные, так и негативные тенденции эволюции. Сверхмощный и в полной мере изученный и исследованный потенциал биотехнологий создает ряд проблем, в том числе и в правовом регулировании, ведь их использование связано с риском нарушения прав и свобод граждан и может представлять повышенную общественную опасность. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость сосредоточения научного внимания на правовых аспектах обеспечения биологической безопасности Российской Федерации, определение роли и границ влияния биотехнологий на уровень преступности.

Актуальность темы исследования заключается в том, что в современном мире биотехнологии перестали быть чем-то необычным, а постепенно всё более внедряются в повседневную жизнь. Использование биотехнологий с целью борьбы с преступностью позволяет расширить возможности раскрытия преступлений, в связи с этим возникает актуальность комплексного исследования данной темы в научных работах ученых, анализа практики использования средств борьбы с использованием биотехнологий в преступных целях в зарубежных странах и внедрения данных средств в практическую деятельность в Российской Федерации.

Анализ последних исследований и публикаций. Данному исследованию посвящены работы таких исследователей, как С. В. Денисенко, О. М. Литвинов, В. С. Овчинский, А. И. Трусов. Стоит уточнить, что данная проблематика в достаточно широком объеме был рассмотрен в научных работах, однако некоторые вопросы были не в полной мере раскрыты, в связи с чем целесообразно посвятить им специальное исследование в рамках темы настоящей работы.

Цель статьи является определение роли современных биотехнологий в уменьшении возможностей совершения преступлений. В исследовании были использованы такие методы, как анализ, классификация и конкретизация.

Изложение основного материала исследования. На сегодняшний день биотехнологии уже перестали быть атрибутом научно-фантастического жанра, а являются частью бытия современного человека. Сфера использования биотехнологий достаточно широка, к ней, прежде всего, следует отнести медицину, сельское хозяйство, сферу пищевой промышленности. Современную биотехнологию определяют, как науку, изучающую генно-инженерные и клеточные методы и технологии создания и использования генетически трансформированных биологических объектов для интенсификации

производства и получения новых видов продуктов различного назначения [1, с. 61]. Биотехнологии охватывают использование совокупности различных методов, таких как микробиологический синтез, генная инженерия, клеточная и белковая инженерия, инженерная энзимология, культивирование клеток растений, животных и бактерий, методы слияния клеток и т.п.

В то же время использование биотехнологий для обеспечения постоянно растущих потребностей современного человечества имеет и обратную сторону. Так, в частности, беспокойство вызывает не только безопасность использования биологически модифицированных продуктов, их влияние на человека и биосферу в целом, но и возможности умышленного использования биотехнологий в ущерб безопасности человечества. Угрожающим представляется возможность использования биотехнологий для создания новых видов биологического оружия, негативные последствия клонирования человека, изменения его психобиологической сущности для дальнейшего программирования и управления поведением больших масс населения и т.д. Соответственно, наряду с положительным эффектом использования биотехнологий во главу угла выходит и такая составляющая национальной безопасности, как биологическая безопасность (биобезопасность) [2, с. 280].

Следует подчеркнуть, что она должна охватывать не только негативные изменения и внешнее влияние на организм человека, но и превращение в самой сущности человеческого организма путем изменения его генетически определенных биологических особенностей. Такие изменения в частности достигают благодаря использованию технологий репродуктивного клонирования человека, метода использования эмбриональных стволовых клеток, методов генетической инженерии человека. Потенциальную опасность некоторых из этих технологий понимают и исследователи в области биотехнологий.

Соответственно можно сделать вывод, что биотехнология является новой, однако получающей чрезвычайно стремительное развитие наукой и имеющей свое применение в различных социальных и производственных сферах человеческого бытия. Вместе со значительными преимуществами последствия использования биотехнологий еще недостаточно исследованы, поэтому указанная сфера исследований вызывает обеспокоенность мирового сообщества, а некоторые формы использования биотехнологий уже запрещены в значении количества стран мира.

В то же время следует уделить внимание и значительному потенциалу применения современных биотехнологий в правоохранительной сфере, в частности для уменьшения возможностей совершения преступлений. Современные биотехнологии открывают для этого обширные горизонты.

В связи с достижением существенного прогресса в расшифровке генома человека, уже сейчас предоставляющего возможность корректировать определенные генетические свойства человека, биологическое направление в криминологии получило новое развитие. Это качественно новое направление развития криминологии ученые условно определили как «геномомбродзианство» [3, с. 84]. Содержание его заключается в признании того, что поведение человека, в том числе и преступное, полностью генетически детерминировано. Однако не следует преувеличивать или ставить венцом всему генетические факторы, обуславливающие склонность личности к преступному поведению, без учета факторов социальной среды.

Стоит отметить, что применение биотехнологий для снижения генетических рисков асоциального поведения следует осуществлять в сочетании с формами социальной коррекции и с обязательным учетом индивидуальных особенностей развития конкретной личности, сочетающейся с применением медицинских препаратов или медико-биологических методов.

Следующим направлением использования биотехнологий в снижении возможностей совершения преступлений является техническое направление. Так, благодаря современным биотехнологиям процесс доказывания в уголовном процессе коренным образом изменился, а биотехнологии сбора и интерпретации вещественных доказательств способны пролить свет даже на нераскрытые уголовные дела прошлых лет. Главным образом такой прогресс в криминалистических исследованиях произошел благодаря использованию технологий ДНК анализа, которые уже стали обыденными при расследовании уголовных дел. Уже сегодня из образца ДНК слюны, полученном из окурка, можно получить компьютерный 3D имидж лица его донора [4]. Таким образом, развитие биотехнологий, сопряженное со значительными достижениями технологий распознавания лиц, позволит быстро идентифицировать подозреваемого с применением малейших усилий.

Указанное направление биотехнологии получило обобщенное название «генетическая дактилоскопия», она дала толчок для одного из самых противоречивых проектов XXI века – создания всемирного генетического банка данных.

В Российской Федерации вопрос сбора, использования и хранения ДНК-образцов полностью не урегулирован. В Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» «установлены только общие положения формирования баз данных ДНК. Согласно ст. 17 данного нормативного правового акта установлено, что полиция наполняет и поддерживает в актуальном состоянии базы (банки) данных лиц,

задержанных по подозрению в совершении правонарушений (административное задержание, задержание по поручениям органов правопорядка, задержание лиц органами досудебного расследования, административный арест, домашний арест).

Следовательно, учитывая темпы развития биотехнологий, считаем вполне вероятным дальнейшее расширение сбора ДНК данных среди более широких слоев населения. Соответственно потенциал «генетической дактилоскопии» должен быть обязательно учтен при разработке биотехнологического направления уменьшения возможностей совершения преступлений.

Следует отметить, что технические направления уменьшения возможностей совершения преступлений не ограничиваются только формированием баз данных ДНК. Так, например, среди современных способов защиты банкнот денег выделяют, в частности, нанесение галобактерий на бумажную банкноту, что почти делает невозможным ее копирование с помощью копировально-множительных устройств. Указанный вид биотехнологий уже осваивается Европейским центральным банком. Таким образом, техническое направление уменьшения возможностей совершения преступлений имеет достаточно широкий потенциал и требует интеграции усилий правоохранительных органов и ведущих исследователей в этой области.

Другим направлением использования биотехнологий для уменьшения возможностей совершения преступлений является усовершенствование системы отбывания наказаний и недопущение дальнейшего преступного поведения осужденными. Даже современный уровень развития биотехнологий, способных значительно продлить жизнь человека, приводит к мыслям о необходимости в будущем пересмотреть систему наказаний для возможности достижения ею своей цели – не только наказать личность, но и оказать дальнейшее превентивное влияние на нее. Если же благодаря развитию медицины и биотехнологий средняя продолжительность жизни будет значительно увеличена, то современные виды наказаний, такие, как лишение свободы на 15-20 лет, с одной стороны, будут считаться не столь суровыми по сравнению с общей продолжительностью жизни человека, с другой – установление более длительных сроков заключения или пожизненного лишения свободы будет социально и экономически неприемлемым. Поэтому ученые уже сегодня начали рассматривать возможность использования биотехнологий в процессе выполнения наказаний и реабилитации осужденных.

Таким образом, применение биотехнологий для реабилитации преступников и уменьшение возможностей совершения ими преступлений в будущем вполне целесообразно.

Следующее биотехнологическое направление уменьшения возможностей совершения преступлений связано с созданием нового типа общества, в котором люди будут получать новые качества благодаря использованию био- и компьютерных технологий. Речь идет о создании так называемого цифрового человека – Homo numeralis, или Homo digitalis, или Homo horologium, сочетающего в своем биологическом теле органику с неорганикой – имплантатами. Развитие цифрового человека происходит по следующим направлениям:

1) биоинженерия (вмешательство в организм человека на клеточном и атомарном уровнях; имплантация реконструированных ДНК; получение из стволовых клеток жировой ткани клеток печени; выращивание органов по заказу и т.п.);

2) создание живых существ, сочетающих органику с неорганикой, или образование кибернетического организма;

3) создание неорганической формы жизни (копирование или полный перенос без остатков на первичном носителе сознания, интеллекта и личности человека на цифровой или другой носитель; сканирование мозга человека и восстановление его электронной копии).

Относительно создания кибернетических организмов необходимо отметить, что в течение последнего десятилетия данный феномен начинает приобретать все большую популярность. Речь идет, в частности, о чипировании человека, когда в его тело вживляется микрочип, который представляет собой устройство, построенное на интегральной схеме или с использованием технологии RFID и может быть запрограммировано для идентификации личности, определения ее места нахождения и/или предоставления ей возможности пользоваться своими личными данными и платежными инструментами. Расширение использования технологии чипования и возможность внедрения глобального чипирования, равно как и другие способы кибернетизации человеческого организма, могут оказаться достаточно эффективными в противодействии преступности. Однако при этом существует и серьезный риск нарушений прав человека, а также установление тотального контроля над человечеством, развитие уголовно-правовой доктрины в направлении признания искусственного интеллекта и цифрового человека субъектом правоотношений и субъектом преступления [5, с. 188]. Соответственно, использование биотехнологий в снижении возможности совершения преступлений должно всегда проходить верификацию на предмет соблюдения прав человека и недопущения нарушений международного правопорядка.

Выводы по выполненному исследованию и направление дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что потенциал использования биотехнологий в различных

сферах хозяйства и общественной жизни, в том числе для снижения возможностей совершения преступлений, достаточно значительный и еще недостаточно исследованный. Основными направлениями использования биотехнологий для снижения возможностей совершения преступлений следует признать:

– направление, связанное с выявлением и нейтрализацией лиц, склонных к совершению преступлений;

– техническое направление, не связанное с изменением биологических особенностей преступника;

– направление, связанное с использованием биотехнологий для реабилитации осужденных;

– направление, связанное с созданием цифрового человека и цифрового социума и последующим использованием их свойств для увеличения контроля над социальными процессами, в том числе и для уменьшения возможностей совершения преступлений.

Развитие и использование каждого из указанных направлений связано не только с рядом биологических и технических аспектов, но и поднимает важные этические и правовые вопросы, для решения которых необходимо проведение дальнейших междисциплинарных исследований.

Список использованных источников

1. Трусов А. И. Предупреждение преступлений графия / А. И. Трусов. - М.: РИОР, 2019. – 190 с. - Текст : непосредственный

2. Денисенко С. В. Биотехнологии в различных сферах жизни, их влияние и предупреждение развития биоугроз / С. В. Денисенко // Медицинская стоматологическая академия. – 2018. – № 3. – С. 280-283. – Текст : непосредственный.

3. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии / В. С. Овчинский // Журнал русского права. – 2018. – № 1. – С. 82-97. Текст : непосредственный

4. Clark M. Are You Ready for the Future of Policing? Электронный ресурс. – [Режим доступа]: <https://www.policemag.com/374417/are-you-ready-for-the-future-of-policing> (дата обращения 15.04.2023)

5. Литвинов О.М. Очерки по криминологии постмодерна / О.М. Литвинов. – М.: Право, 2019. – 278 с. – Текст : непосредственный.

ФАКТОРЫ, ВЛИЮЩИЕ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

САСОВ А.В.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
административного права;

БОНДАРЬ Ю.И.,
обучающаяся группы ЮР М-21-з-3 факультета
юриспруденции и социальных технологий
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Показания свидетелей с глубокой древности используются в качестве доказательств при рассмотрении как судебных споров, так и дел о преступлениях. При оценке сообщаемых свидетелем сведений о подлежащих доказыванию обстоятельствах уголовного дела необходимо внимательно и точно учитывать все факторы, которые определенным образом влияют на формирование показаний свидетеля.

Ключевые слова: свидетель, допрос, доказательства, достоверность, оценка

FACTORS AFFECTING THE RELIABILITY OF WITNESS TESTIMONIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

SASOV A.V.,
Candidate of Judicial Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

BONDAR Y.I.,
a student of the YUR group M-21-z-3 of the faculty
of jurisprudence and social technologies,
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

Testimony of witnesses has been used as evidence in both litigation and crime cases since ancient times. When evaluating the information reported by the witness about the circumstances of the criminal case to be proved, it is necessary to carefully and accurately take into account all the factors that in a certain way influence the formation of the testimony of the witness.

Keywords: witness, interrogation, evidence, credibility, assessment

Постановка задачи. При оценке показаний свидетеля необходимо определить значение содержащихся в них сведений о фактах при установлении фактов, подлежащих доказыванию по делу. Для этого необходимо установить их допустимость, актуальность и достоверность. Для того чтобы оценить правильность полученной информации, важно понимать весь процесс формирования понятий, суждений и выводов. При оценке свидетельских показаний необходимо проводить различие между утверждениями о фактах и выводами, сделанными самим свидетелем. Также важно различать факты, которые свидетель воспринял непосредственно, и факты, полученные из других источников.

Актуальность темы. Проблема эффективного предварительного следствия касается, прежде всего, проблем продуктивности следственных действий как процессуального порядка сбора, проверки и оценки доказательств. Одним из процессуальных средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, является допрос. Поскольку правдивые показания свидетеля позволяют получить доказательства быстро и с наименьшими затратами средств и усилий, в то время как в случае получения ложной информации затягиваются сроки предварительного следствия. В связи с этим достаточно актуальным является вопрос исследования факторов, влияющих на достоверность показаний свидетеля в уголовном процессе.

В теории уголовного процесса и криминологии имеется большое количество работ, посвященных вопросам производства следственных действий, в том числе и допроса. Среди исследований, касающихся отдельных вопросов достоверности показаний свидетелей, стоит назвать труды таких ученых, как И.И. Аминов, Р.С. Белкин, В.П. Божьев, А.Н. Васильев, Ф.Г. Григорьев, Г.Г. Доспулов, А.Р. Ратинов, А.С. Тагер, И.М. Кертэс, Г.А. Зарипова, Ю.В. Идашкин, В. Штерн и др.

Целью статьи является анализ объективных и субъективных факторов, влияющих на процесс восприятия лицом преступления, обстоятельств его совершения, удержание воспринятого в памяти, воспроизведение воспринятого при допросе в качестве свидетеля.

Достоверность показаний свидетеля имеет важное значение в процессе доказывания по каждому уголовному делу. Показания свидетеля – сведения, полученные в ходе допроса в рамках предварительного следствия по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями УПК РФ (статьи 79, 187-191 и 278). Согласно Уголовно-процессуальному кодексу свидетелем является лицо, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие

значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызывается для дачи показаний.

Каждое доказательство должно соответствовать объективной действительности, хотя при получении показаний от свидетеля невозможно сразу установить достоверным или ошибочным является сообщенная им информация по делу. Проверка достоверности доказательств, в частности, данных, полученных из показаний свидетеля, устанавливается в ходе проверки этой информации. В ходе проверки необходимо учитывать, что существуют определенные факторы, которые влияют на достоверность показаний свидетеля.

Объем и качество информации, содержащейся в показаниях допрашиваемых лиц, определяются объективными и субъективными факторами. Любая попытка перечислить факторы как в первой, так и во второй группе, так или иначе повлиявшие на доказательства, практически обречена на провал.

Объективные факторы лежат на уровне жизни человека, зависят от различных природных условий, в том числе от: а) фактора времени, как с точки зрения сезонных условий (весна, лето, осень, зима) и конкретных дней (вечер, ночь, утро, день с выделением в нем различных составляющих – темная безлунная ночь, рассвет, туманный вечер, дождливый или, наоборот, ясный солнечный день); б) состояния местности (открытое поле, темный лес, овраги, горы, сельские или городские условия); в) насыщенности подвижным транспортом, оборудованием; г) погодных условия – тепло, холод, дождь или снег; д) расстояния до наблюдаемого объекта и его характеристики и т. д.

В судебной-следственной практике иногда встречаются показания, содержание которых противоречит тому, что известно о порогах восприятия. Если свидетель констатирует, что преступление было совершено ночью при плохом освещении, но при этом сообщает точный словесный портрет виновного, детали одежды и т. д., то ясно, что таких подробностей он видеть не мог. В таких случаях необходимо выяснить, почему свидетель ошибается или искажает действительность.

В литературе также отмечаются некоторые гендерные различия в «качестве» свидетельств. Например, каждые 12 мужчин и каждые 200 женщин не точно различают цвет предмета с рождения. Чувствительность к боли, обоняние, слух обычно выше у мужчин. Женщины, напротив, более внимательно наблюдают и могут более подробно описать детали обстановки, одежду и т. д., но склонны искажать действительность из-за высокого уровня эмоциональности. Женщинам время кажется длиннее, чем мужчинам, что может сыграть очень важную роль в даче показаний. На качество женских свидетельств также влияют функциональные состояния (беременность, менструация и др.). Интересно, что влияние пола на детей до 11 лет

практически не имеет, показания мальчиков и девочек мало отличаются друг от друга.

Что касается субъективных факторов, оказывающих то или иное влияние на формирование показаний, то их содержание существенно зависит от особенностей организма человека и состояния его здоровья, как физического, так и психологического. Вместе с тем надо учитывать и их «подвижный» характер, изменчивость, вызванную самыми разнообразными обстоятельствами.

Применительно к стадиям формирования показаний в научной литературе предлагается следующая классификация факторов, влияющих на достоверность показаний:

1. Особенности восприятия и памяти. К этой группе относятся субъективные факторы, которые зависят от способности свидетеля правильно воспринимать события и явления (например, состояние его органов чувств), и объективные факторы, которые влияют на правильность восприятия (освещенность, погодные условия, продолжительность наблюдения и т.д.). В эту же группу включают фантазирование и патологии психики.

2. Особенности воспроизведения. Данная группа включает факторы, влияющие на правильность даваемых показаний:

- способность свидетеля к воспроизведению воспринятого;
- обстановка допроса и тактические методы его осуществления (установление психологического контакта, правильность постановки и формулирования вопросов и др.).

Физическая неполноценность субъекта не исключает возможности востребования от него информации, так как показания человека, имеющего физические недостатки, могут быть ограничены в одном отношении, но в то же время быть более полными – в другом. Так, например, у людей, имеющих слабое зрение, сильнее развиты органы слуха и осязания, у глухих – зрение.

Следует более подробно остановиться на особенностях восприятия и памяти, которые относятся к первой группе факторов, влияющих на достоверность показаний. Субъективными условиями восприятия являются: душевное состояние человека, направленность его внимания, его профессия и темперамент, уровень образования, бытовые потребности, интересы личности. Как известно, большое влияние на процесс восприятия и запоминания оказывает эмоциональное состояние допрашиваемого. Так, душевный подъем характеризуется яркими, отчетливыми и выразительными ощущениями, а угнетенное состояние человека, наоборот, притупляет остроту восприятия. Поэтому при допросе должно учитываться душевное состояние человека, в котором тот находился в момент восприятия и воспроизведения показаний. Отрицательно влияют на воспоминание и воспроизведение показаний и

эмоции, которые испытывает свидетель в связи с вызовом на допрос к следователю.

Большое влияние на восприятие свидетелей оказывает и состояние различного рода опьянений – алкогольных, наркотических, токсикологических. По мнению психологов, у лиц, находящихся в состоянии опьянения, отсутствует правильная ориентация в происходящем, что влечет недостаточно четкое воспроизведение действительности. У хронических алкоголиков деформируются нравственные понятия, наблюдается резко выраженная склонность ко лжи, понижение интеллектуальных способностей, ослабление памяти, повышается восприимчивость к внушению и склонность к подражанию. При допросе они могут утверждать то, чего не наблюдали.

Немаловажным аспектом восприятия является также направленность внимания, которое может быть произвольным и непроизвольным. Так, непроизвольное внимание предполагает, что лицо не ставит перед собой цель сосредоточиться на конкретном предмете, событии или явлении. Такое внимание вызывается внешними причинами – необычностью факта, яркостью, контрастностью. Поскольку преступление не может быть рядовым явлением, оно всегда привлекает внимание людей. При произвольном внимании предполагается включение процессов психологической деятельности, направленной на полное восприятие события.

Профессия свидетеля также оказывает влияние на восприятие фактов. Ученые отмечают, что профессиональное восприятие объясняется явлением апперцепции, то есть обусловленностью содержания и направленности восприятий предшествующим опытом, приобретенными знаниями, сложившимися интересами, отношениями человека к окружающей действительности.

Некоторые авторы, в частности, А. Гейлбергс, причисляют к «плохим» свидетелям юристов и представителей гуманитарных наук. Каждое заявление юристов содержит не только «впечатление», но часто и суждения юридического характера. Ученые неправильно воспринимают детали из-за односторонности и отвлеченности своего внимания. Чем больше человек приспособлен к абстрактному интеллектуальному труду, чем больше он привык погружаться в свой внутренний мир, в собственные мысли, тем более поверхностно его взгляд скользит по окружающей его действительности. Было замечено, что натуралисты более наблюдательны, чем философы.

Темперамент накладывает отпечаток на поведение человека, определяет динамику психических процессов, проявляющихся в жестах, тоне, манере говорить, держать себя на допросе и т.д. Поэтому темперамент является одним из факторов, влияющих на восприятие события и явлений. Так, следователь должен учитывать тип нервной

системы и темперамент допрашиваемого лица с целью выбора оптимального темпа допроса. Хотя неверным будет связывать прямо и однозначно тактику допроса с темпераментом.

В зависимости от темперамента и характера люди делятся на холериков, меланхоликов, сангвиников и флегматиков. В силу своей подвижности, повышенного интереса к жизненным обстоятельствам холерики обычно не будут игнорировать события дорожно-транспортного происшествия, например, особенно если их сопровождают человеческие жертвы, толпы, машины скорой помощи и милицейские транспорты. Такой случай никак не может расстроить флегматика, он просто не может его заметить.

Вызывает определенные трудности восприятие времени, пространства и скорости. Так, представление о времени во многом зависит от состояния лица, его действий в соответствующий период времени. Поскольку большинство преступлений являются событиями быстротечными, то и наблюдаются они человеком на протяжении всего нескольких секунд или даже долей секунды. Такие события воспринимаются менее полно и всесторонне, чем те, которые наблюдаются в течение более длительного времени. Объяснить это можно тем, что за короткий промежуток времени анализаторы человека успевают запечатлеть лишь часть события.

Правильное восприятие пространства (величин предметов и расстояния между ними) и скорости требует значительного опыта. Проверка правильности восприятия этих явлений может быть осуществлена экспериментально.

Воспроизведение сохранившегося в памяти свидетеля должно происходить в спокойной и деловой обстановке. Законодатель в части 1 ст. 187 УПК РФ предусматривает возможность производства такого следственного действия, как допрос в уединенной для свидетеля обстановке – на месте нахождения допрашиваемого. К допросу несовершеннолетних свидетелей предъявляются дополнительные требования законодательством (допрашивать их можно в детском саду в форме своеобразной игры-допроса, в школе в присутствии учителей, воспитателей и, при необходимости, с участием психолога и законных представителей). Продолжительность допроса четко определена законодательством. Согласно статье 167 УПК РФ, допрос не может длиться непрерывно более 4 часов. Общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов.

Таким образом, можно сделать вывод, что проверка и оценка свидетельских показаний является одним из важнейших элементов процесса доказывания по уголовному делу. Проверка является обязательной предпосылкой оценки показаний свидетеля. Последняя же выступает как необходимая предпосылка для принятия и обоснования

почти каждого процессуального решения по делу. Ни следователь, ни суд не могут просто поверить свидетелю, они обязаны мотивировать свои решения. Также они не вправе просто отказаться от свидетельского показания, и должны указать, почему именно они его отбрасывают.

Это означает, что оценка свидетельского показания должна найти свое отображение в итоговых документах, которыми оканчивается как предварительное следствие, так и судебное рассмотрение уголовного дела.

Факторы, оказывающие то или иное влияние на показания конкретного свидетеля по конкретному уголовному делу, бывают объективными и субъективными. Если первые существуют в реальном мире и не зависят от сознания и воли индивида, то вторые есть в каждом индивидууме и органически связаны с сознанием и волей данного индивидуума, с психической составляющей его здоровья. На процесс восприятия состояния предметов и явлений влияют также такие факторы, как возраст и пол воспринимающих, и в очень большой степени профессия и род занятий. Надлежащий учет вышеперечисленных факторов, влияющих на процесс восприятия свидетелем воспринимаемых предметов и явлений окружающего мира, сохранение в памяти и воспроизведение их при допросе свидетелей, является надежным средством установления достоверности доказательств по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021 г., с изм. от 24.02.2021 г.) // Российская газета. – № 249. – 22.12.2001.

2. Александров, Р. А. Понятие доказательства в уголовном процессе: спорные вопросы теории / Р.А. Александров, И.Н. Кондрат, Т.П. Ретунская // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – 77 с.

3. Ветрила, Е. В. Правовые основы применения мер процессуального принуждения в отношении свидетеля / Е.В. Ветрила // Вестник современной науки. – 2016. – № 8 (20). – 84 с.

4. Еникеев, М. И. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. – М., 2017. – 194 с.

5. Канторович, Я. А. Психология свидетельских показаний. / Я. А. Канторович. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. – 50.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

СЕДНЕВ В.В.,
д-р мед. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и
государственной службы»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

Рассмотрены объём и содержание понятий криминологической обстановки и криминологической ситуации. Проведено сопоставление основных точек зрения на предмет исследования. Предложены дистинкции изученных понятий, их содержание и объём.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, криминологическая обстановка, криминологическая ситуация

CRIMINOLOGICAL SITUATION AND CRIMINOLOGICAL SITUATION: CORRELATION OF CONCEPTS

SEDNEV V.V.,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Professor of the Department of
Civil and Business Law,
FSBEI HE «Donetsk Academy of Management and
Public Administration»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The volume and content of the concepts of criminological condition and criminological situation are considered. A comparison of the main points of view on the subject of research is carried out. Distinctions of the studied concepts, their content and scope are proposed.

Key words: criminal law, criminology, criminological condition, criminological situation

Постановка задачи. Главной задачей исследования является уточнение и формирование объёма и содержания понятий «криминологическая обстановка» и «криминологическая ситуация».

Актуальность. Существенным, хотя и мало разработанным в криминологии являются понятия «криминологической обстановки» и «криминологической ситуации» [1], которые представляются весьма

существенными для оценки преступности во взаимодействии с влияющими на неё факторами. Общенаучной основой разработки послужило учение акад. Б.М. Кедрова о диалектическом процессе интеграции и дифференциации наук при сохранении принципа выделения научного знания преимущественно по функциональному принципу над субъектным [2].

Анализ последних исследований и публикаций. Проблеме криминологической обстановки посвящали свои исследования относительно немногие ученые: К.К. Горяинов (1991), собственно и введший это понятие в научно-практическую сферу, С.А. Тимко (2003), А.В. Чернов (2006), В.Д. Малков (2006), В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов (2009), О.В. Старков (2010), Ю.В. Новикова (2014), В.В. Седнев (2020) и др.

Цель статьи. На основе системного подхода формирование понятия «криминологическая обстановка» и смежных с ним.

Изложение основного материала исследования. К.К. Горяинов определяет криминологическую обстановку как «состояние совокупности свойств и отношений преступности и воздействующих факторов, как отображение сущности определённого круга общественных явлений и процессов в их развитии» [1, С. 7], подчёркивая именно социально-правовую суть понятия. Однако, возможно за счёт того, что само понятие «криминологическая обстановка» выводится автором из понятия «оперативная обстановка», понятие «криминологическая ситуация» не находит определения и рассматривается как синонимичное криминологической обстановке.

Прежде всего понятие «криминологическая обстановка» следует отграничивать от смежных категорий – «криминогенная обстановка» и «оперативная обстановка». Криминогенная обстановка – это состояние преступности в определённый период времени на той или иной территории и деятельности правоохранительных органов по воздействию на неё.

Понятие оперативная обстановка в самом общем виде может быть сведено к состоянию преступности, общественного порядка, наличию сил и средств, которыми располагает орган внутренних дел, и характеристике условий, в которых решаются конкретные задачи по укреплению правопорядка (например, охрана порядка при проведении массового мероприятия).

Познание криминологической и криминогенной составляющих необходимо для выработки стратегии и тактики борьбы с преступностью, а оперативная обстановка – это управленческое понятие, относящееся к области тактики непосредственной борьбы с преступностью, используемое в процессе организации, управления деятельностью ОВД.

Для отражения качественной характеристики данных понятий следует употреблять «благоприятная», «менее благоприятная» или «неблагоприятная» криминологическая обстановка.

Основные характеристики криминологической обстановки [1, С. 16-18.]: сложность, как отражение многофакторной и диалектически противоречивой детерминации; динамичность отражающая изменчивость прежде всего социума и рефлексивно – преступности; историческая обусловленность; «многоплоскостность», т. е. реализация одновременно на нескольких уровнях действительности; временная определённость; пространственное разнообразие.

Структура криминологической обстановки, исходя из объединения в крупные кластеры [1, С. 19-45]:

I – общие процессы: социально-экономические, политические, идеологические, культурологические, организационно-управленческие;

II – социально-психологические, в т.ч. «недостатки в семейном воспитании, в развитии семейно-бытовой и досуговой сферах» [1, С. 25];

III – уголовная политика, правоохранительная деятельность, правовое воспитание и просвещение.

Г.М. Горшенков (1997) под криминологической обстановкой предлагал понимать состояние реальной преступности в совокупности с факторами определённой социальной и физической среды которые оказывают различные по характеру и степени криминогенное и антикриминогенное воздействие на преступность в определённом месте и времени [3, С. 97]. Соответственно криминологическая обстановка включает 4 элемента: 1) преступность, отражённая в официальной статистике, 2) латентная преступность, 3) факторы криминогенного характера, 4) факторы, оказывающие антикриминогенное действие.

В целом, относительно факторов криминогенных и антикриминогенных их включают в понятие однородных признаков региональной обстановки, состоящей из подсистем [3, 4]: 1) территориальные особенности (природные условия и географическое расположение), 2) демографическая и социально-экономическая обстановка, 3) территориально-производственные комплексы, 4) экономическая обстановка (инфраструктура, уровень развития и интеграции экономики), 5) территориально-социальные инфраструктуры, 6) экологическая, эпидемиологическая обстановка, 7) национально-этнические особенности населения.

В.Н. Сомин (1989) определяет криминологическую обстановку как ограниченное во времени и в пространстве сложное социальное явление, заключающее в себе количественно-качественную характеристику преступности, совокупности преступников, причин и условий преступности, деятельности по её предупреждению [5].

А.Н. Бабенко (2014) предлагает рассматривать криминологическую обстановку как систему необходимых и обязательных, постоянных условий материальной и духовной жизни населения, обуславливающей состояние общественных отношений и преступности. При этом А. Бабенко предлагает рассматривать её как индикатор качества жизни населения и показатель эффективности работы правоохранительной системы.

Также отдельно выделяют понятие криминологической ситуации: совокупность обстоятельств, включающих этап формирования личности преступника, как бы он ни был отдалён от события преступления (лично формирующую ситуацию), предкриминальную (жизненную) ситуацию, непосредственно предшествующую преступлению, само преступление (криминальную ситуацию), а также посткриминальную ситуацию, рассматриваемые как единый причинно-связанный процесс.

О.В. Старков определяет криминологическую ситуацию как длительное состояние отношений, по меньшей мере между двумя сторонами, направленное на причинение все возрастающего вреда общественным отношениям. Содержание криминогенной ситуации образует характер отношений между субъектами и тенденции их развития [7].

Конкретная жизненная ситуация – это определённое сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент (субъективно воспринимаемых и оцениваемых). В криминологическом смысле – это событие или состояние, вызвавшее решимость совершить общественно опасное действие, способствующее или препятствующее ему. Ситуация обычно предшествует преступлению, но может и сопровождать его совершение. Детерминирующее воздействие конкретной жизненной ситуации на личность связано не столько и не только с объективным содержанием, но и с её субъективным значением [7, 8, 9, 10]. В.Е. Квашис полагает, что жизненная ситуация – это «совокупность обстоятельств, влияющих на поведение субъекта» [11, С. 278]. По мнению В. Н. Кудрявцева, жизненная ситуация – это сочетание тех объективных обстоятельств жизни человека, которые непосредственно влияют на его поведение человека в данный момент и, соответственно, в криминологическом смысле – то что приводит к преступному результату [8]. Конкретная жизненная ситуация в криминологическом значении этого понятия представляет собой совокупность обстоятельств жизни данного (отдельного) человека, способствующих возникновению у него при определённых условиях решимости совершить преступление [12, С. 180].

В.В. Голина считает, что криминогенная ситуация – это совокупность внешне складывающихся различных по природе объективных обстоятельств, которые, взаимодействуя с нравственной

позицией личности, обуславливают преступное поведение [13, С. 17]. Криминогенная ситуация несёт такую информацию, воспринимая которую лицо строит свою линию поведения, нередко выбирая его преступный вариант. По степени неблагоприятного влияния она может быть провоцирующей или способствующей принятию и реализации решения о конкретном преступлении [14, С. 109-113]. В каждой ситуации криминогенность находит своё конкретное выражение, и складывается «конкретная жизненная ситуация».

В юридической литературе указывается, что ситуации, предшествующие преступлению, следует исходя из их объективного содержания разделить на криминогенные (содержащие объективные предпосылки преступления) и не криминогенные (нейтральные или даже создающие препятствия для совершения преступления).

Предкриминальная ситуация криминогенного характера возникает в связи с различными обстоятельствами. Это могут быть ситуации [15, С. 188]:

- создаваемые специально самим преступником с целью облегчить совершение преступления;
- создаваемые преступником, но не специально для совершения преступления, однако детерминирующие его (напр., приведение себя в состояние алкогольного либо наркотического опьянения);
- возникшие в результате негативных действий других лиц (в том числе жертв преступления);
- сложившиеся по стечению случайных обстоятельств;
- вызванные стихийными явлениями.

Предкриминальная ситуация некриминогенного характера подразумевает под собой негативные действия преступника, совершенные не специально для совершения преступления, это может быть приведение себя в состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения, что нередко приводит к совершению преступления. В ряде случаев действия субъекта могли завершиться лишь небольшой «перебранкой», но зачастую влекут за собой летальный исход либо причинение вреда здоровью различной степени тяжести. Во многих случаях действия человека под влиянием напряжённой ситуации совершаются поспешно, с эмоциональным возбуждением и некритическим восприятием событий, особенно если в данное время лицо находится в состоянии опьянения. Это может повлечь за собой необдуманные, неправильные, в том числе противоправные поступки.

Соответственно виды криминологически значимых ситуаций:

- 1) по развитию во времени: а) однофактные – ситуации разового характера; б) многофактные – в которых много эпизодов поведения, определённая их совокупность;
- 2) по характеру взаимодействия потерпевшего и преступника:

а) ситуации столкновения – потерпевший и преступник находятся в конфликтных отношениях, а их действия реализуются в одностороннем или обоюдном причинении вреда. Ситуации столкновения могут быть: а1) последовательные – при котором столкновение имеет место с момента возникновения ситуации; а2) непоследовательные – когда первоначально отношения и действия потерпевшего и преступника не носят конфликтного характера, но в дальнейшем приобретают его;

б) ситуации сотрудничества – действия потерпевшего и преступника направлены на достижение одного результата, и они не связаны конфликтом (незаконное производство аборта, сожительство с лицом, не достигшим половой зрелости). Эти ситуации могут быть как последовательными, так и непоследовательными;

3) по степени и характеру понимания потерпевшим динамики и перспективы развития ситуации: а) закрытые – потерпевший не представляет, какой вред ему может быть причинён, и не допускает такой возможности; б) относительно закрытые – потерпевший допускает возможность причинения ему вреда, но заблуждается относительно его характера или рассчитывает на причинение вреда, но не того, который в действительности оказался причинённым; в) открытые – потерпевший предвидит возможность причинения ему вреда и понимает, каков этот вред; г) открытые ситуации самонадеянности – потерпевший понимает, какой вред ему грозит, но необоснованно рассчитывает его предотвратить (попытка потерпевшего обезоружить преступника в расчёте на знание приёмов самбо, если переоценка своих возможностей привела к причинению вреда);

4) от отношения потерпевшего к последствиям своих действий и действий преступника: а) негативные – потерпевший независимо от цели своих действий не желает наступления того вреда, который в конечном итоге имеет место; б) позитивные – потерпевший желает наступления объективно вредного для него результата;

5) от отношения жертвы к исходным обстоятельствам ситуации: а) выбранные – жертва осознанно включается в механизм развития событий, по собственной воле и своим поведением (толчковым, пассивным или иным) создаёт возможность причинения себе вреда; б) невыбранные – потерпевший, не имея выбора, попадает помимо своей воли и вынужден принять всю сумму обстоятельств, составляющих обстановку, проявляющую его личные качества в определённом поведении.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, понятие криминологической характеристики преступления является относительно устоявшееся в содержании, но возможно ещё не в дефиниции. Однако имеется тенденция сведения криминологической

характеристики преступности к элементам состава преступления, т. е. уголовно-правовой характеристике, а именно – к субъекту и субъективной стороне.

Кроме того, отсутствует однозначное разграничение понятий преступлений, преступности и преступления, применительно к криминологической их характеристике.

На основе как анализа литературных данных, так и собственного практического опыта криминологических исследований предлагаются следующие дистинкции:

Криминологической

– обстановки: совокупность сведений об относительно стабильных (наблюдаемых на протяжении достаточного для анализа периода времени) качественных и количественных показателях преступности, закономерностях её совершения, во взаимосвязи со стабильными факторами макро- и микроуровня, в определенном регионе, с прогнозированием тенденций динамики;

– ситуации: единая причинно-обусловленная совокупность обстоятельств, включающих: личность преступника (личностно формирующую ситуацию), предкриминальную (жизненную) ситуацию, само преступление (криминальную ситуацию), а также посткриминальную ситуацию.

Структурные разделы (блоки) криминологической обстановки:

1. Географические, политические, социально-экономические и демографические характеристики (факторы) с сопутствующими им негативными (криминогенными) моментами характерные для той или иной территориальной единицы. В этот раздел входит информация о самой территории, её размерах, граничащих с ней соседних территориальных образованиях, экономическом и хозяйственном профиле, численности и составе населения по полу, национальной принадлежности, образованию, возрастным группам.

2. Состояние, объем, структура и динамика совершаемых преступлений с целью определения наиболее актуальных и специфических для данного региона проблем борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, личной и общественной безопасности.

3. Состояние, структура и динамика административных правонарушений.

4. Выявленные причины преступных посягательств и административных правонарушений, условия, способствующие их совершению.

5. Характеристики лиц, совершивших противоправные деяния, а также состоящих на профилактических, оперативных и иных учётах (напр. несовершеннолетних лиц на учёте, алкоголики и наркоманы, безработные, мигранты и др.).

6. Характеристика основных сил и средств, используемых в правоприменительной деятельности. В этом разделе, прежде всего, указывается общая численность органа внутренних дел в целом и по отдельным службам. Приводятся численный состав органов прокуратуры, суда, данные о средней нагрузке на следователя, дознавателя, оперативного работника, участкового инспектора милиции – основных субъектов правоприменения в ОВД.

7. Состояние и динамика фоновых явлений: безработица, пьянство, безнадзорность, наркомания, незаконная миграция и др.

8. Правовые нормы, регулирующие процесс противодействия преступности (уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и административное законодательство, постановления правительства РФ, законы РФ, приказы МВД и др.).

9. Аналитические обзоры, решения совещаний и коллегий, обобщения судебной-следственной практики и др. документы, на основании которых совместно с органами государственной власти и местного самоуправления разрабатываются и принимаются решения по борьбе с преступностью в целом по региону (в частности с наиболее распространёнными и опасными деяниями).

10. Материалы изучения писем, жалоб, заявлений граждан, публикаций СМИ о состоянии общественного мнения о деятельности силовых органов.

11. Формирование и развитие системы общественных ценностей (влияние культуры, обычаев, морали, нравственности и т.д.).

12. Данные, полученные в результате социально-криминологических исследований о процессах и явлениях, связанных с преступностью; и другие.

Список использованных источников

1. Горяинов К.К. Криминологическая обстановка (методологические аспекты). – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 98 с.

2. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. – М.: Мысль, 1985. – 543 с.

3. Горшенков Г.М. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую обстановку (региональный аспект): дис. ... докт. юр. наук: спец. 12.00.08 – Н. Новгород, 1997. – 441 с.

4. Абызов К.Р. Криминологическое прогнозирование и предупреждение региональной преступности: монография. – 2-е изд. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. – 152 с.

5. Сомин В.Н. Изучение и предупреждения преступности в городах: проблемы теории и практики. - Иркутск: ИГУ, 1989. – 336 с.

6. Бабенко А.Н. Криминологическая обстановка в регионах: понятие, характеристика, значение для борьбы с преступностью // LEGEA ŞI VIAȚA, 2014. – № 8/3. – С. 3-7.

7. Старков О.В. Криминология. Общая, особенная и специальная части. Учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 1046 с.
8. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. Монография. М.: Проспект, 2007. – 176 с.;
9. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. Учебное пособие - М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1973. – 71 с.
10. Криминология. Учебник. / под ред. Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 800 с.
11. Квашиш В. Е. Основы виктимологии. – М.: Nota Bene, 1999. – 280 с.
12. Криминология / под ред. И. И. Карпец и др. 3-е изд. – М., 1976. – 400 с.
13. Голина В.В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений. Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1989. – 72 с.
14. Криминология. Учебник / Кондрашков Н.Н., Коробейников Б.А., Кузнецова Н.Ф., Лейкина А.И. и др.; под ред.: Коробейникова Б.В., Кузнецовой Н.Ф., Миньковского Г.М. М.: Юрид. лит., 1988. – 556 с.
15. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. – СПб: СПб Ун-Т МВД России, 1999. – 608 с.

УДК [34.08:378.095]:316.628
DOI 10.5281/zenodo.8177004

МОТИВАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ВУЗОВ

СМИРНОВ А.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье отмечена актуальность влияния мотивации в учебной деятельности курсантов правоохранительных вузов для формирования в последующем высококвалифицированных офицеров правоохранительной сферы. Дано авторское видение основных групп побуждений учебной деятельности. Отражены особенности и условия мотивации учебной деятельности курсантов.

***Ключевые слова:** мотивация, ведомство, деятельность, курсант, обучение, профессия*

MOTIVATION, AS A COMPONENT OF PREPARATION FOR THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY OF CADETS OF LAW ENFORCEMENT UNIVERSITIES

**SMIRNOV A.A.,
Candidate of Law, Associate Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article notes the relevance of the influence of motivation in the educational activities of cadets of law enforcement universities for the formation of highly qualified law enforcement officers in the future. The author's vision of the main groups of motivations of educational activity is given. The features and conditions of motivation of educational activity of cadets are reflected.

Keywords: motivation, department, activity, cadet, training, profession

Постановка задачи. В современных условиях возрастает значение и усложняются задачи подготовки офицерских кадров. Сложная военно-политическая ситуация на территориях новых регионов, а также вызванная этим определенная новизна современных проблем реформирования правоохранительной системы заставляет искать новые психолого-педагогические пути повышения качества подготовки кадров в образовательных учреждениях правоохранительной системы Луганской и Донецкой Народных Республик.

Приоритетным направлением повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и их имиджа в обществе является профессиональная подготовка высококвалифицированных сотрудников. Учитывая текущую обстановку, которая требует от сотрудников данных ведомств высокого уровня профессионального мастерства для решения задач, поставленных перед ними, а также обладающих подлинным чувством патриотизма, следует отметить, что успешному процессу подготовки специалистов предшествует качественный профессиональный отбор.

Это обусловлено:

1. Трансформацией современных реалий общественной, экономической и политической жизни государства.
2. Высокой психологической нагрузкой сотрудников.
3. Необходимостью существования высокого уровня мотивации к деятельности, умению сотрудников устанавливать психологический контакт, доверительные отношения, влиять в выгодном плане на собеседника.

Обзор последних исследований и публикаций по данной проблеме. Эти вопросы исследовали Астапенко В.С. [1], Даничев Н.В. [2], Карабаш Д.В. [3] и др.

Актуальность статьи. Задачи обеспечения национальной безопасности, обороноспособности страны, формирования нового, патриотически настроенного облика сотрудника правоохранительного органа требуют от системы ведомственного образования подготовки высокопрофессиональных офицерских кадров. Образовательные учреждения правоохранительных ведомств призваны не только вооружать обучающихся соответствующими знаниями, навыками и умениями, но и искать эффективные пути мотивации учебной деятельности курсантов. Для успешного и качественного решения этих задач необходимо в период обучения в вузе обеспечить высокий уровень профессиональной и идеологической подготовки. Достижение этого возможно путем целенаправленного формирования и развития устойчивой мотивации учебной деятельности курсантов, которая, в свою очередь, будет оказывать положительное влияние на профессиональную деятельность сотрудников как оперативных, так следственных подразделений.

С уверенностью можно утверждать, что для того, чтобы будущие офицеры могли успешно и качественно выполнять возложенные на них следственно-оперативные задачи, необходимо в период обучения в вузе обеспечить высокий уровень их компетентности. В свою очередь это возможно достичь путем целенаправленного развития и формирования мотивации к учебно-профессиональной деятельности курсантов на разных этапах профессионального становления.

Необходимо учитывать, что могут наблюдаться отличительные особенности в мотивации у обучающихся на разных курсах. Однако ни для кого не секрет, что сформированная у обучающихся устойчивая учебная мотивация является основой для проявления ими постоянного стремления к совершенствованию своих морально-деловых качеств.

Итак, *целью написания статьи* являются исследования, во-первых, некоторых направленный оптимизации процесса профессионального отбора, во-вторых, мотивационной составляющей подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Изложение основного материала исследования. Исследование профессиональных возможностей кандидатов на службу нужно начинать с определения готовности к профессиональной деятельности в специальных подразделениях правоохранительной сферы, на которые возложены задачи по борьбе с терроризмом, обеспечения информационной безопасности и т.д.

Психологическая готовность к успешному выполнению профессиональных задач определяется как определенное психическое состояние личности будущего сотрудника, который должен обладать высоким уровнем коммуникативности, эмоционально-волевой

стойкостью и мотивацией к профессиональной деятельности; владеть необходимыми профессиональными знаниями, умениями и привычками [4].

Главными внутренними регуляторами профессиональной деятельности сотрудников подразделений госбезопасности являются моральные, правовые и социально-психологические факторы. Содержание последних представляют мотивацию к оперативной работе, которая имеет решающее значение в достижении успешных результатов. Недостаточный уровень развития профессиональных мотивов, в частности, мотивации к деятельности, есть одна из главных причин снижения эффективности деятельности некоторых сотрудников, текучести кадров в органах госбезопасности [5].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что с целью исследования мотивации к будущей деятельности необходимо решить следующие задачи:

1. Определить базовую мотивацию будущего сотрудника к профессиональной деятельности. Базовая мотивация формируется преимущественно под влиянием стихийных факторов и состоит из мотивов: желание быть полезным государству и бороться с преступностью, убежденность в престижности профессии и общественном значении деятельности, желание получения материальных благ, стремление быть похожим на героя, авторитетную личность, интерес к содержанию и процессу деятельности.

2. Исследовать факторы и мотивы, которые представляют основу мотивации к деятельности, а именно:

– факторы: четкая организация процесса деятельности, возможность проявить самостоятельность, творчество в процессе деятельности, чувство ответственности, понимание общественной значимости профессии, гордость за профессию, взаимопонимание с руководством подразделения;

– мотивы: интерес к содержанию и процессу деятельности, желание бороться с преступностью, быть полезным государству, защищать ее интересы, стремление к установлению отношений с людьми, убежденность в сплоченности коллектива, социальной защищенности, желание быть мужественным.

3. Использовать в процессе исследования мотивации анкетирование, которое должно состоять из таких блоков: социально-демографического; перечня факторов, которые влияют на отношение будущих сотрудников к профессиональной деятельности; перечня мотивов, которые побуждали прийти их на службу; перечня требований (с учетом специфики подразделения) к личности будущего сотрудника.

Вместе с этим важным условием готовности к работе выступает соответствие склонностей и способностей кандидата на службу характеру профессии и особенностям работы конкретного

подразделения. Социально-психологический анализ профессиональной деятельности сотрудников госбезопасности дает возможность определить и основные требования к умениям и привычкам.

Таким образом, для успешной профессиональной деятельности в подразделениях будущие сотрудники должны, кроме необходимой теоретической подготовки, владеть определенными умениями и привычками, а именно:

- устанавливать, развивать и закреплять психологический контакт с разными категориями людей;

- быстро находить нужный тон и оптимальную форму общения в зависимости от ситуации, психического состояния и индивидуально-психологических особенностей лица, которое представляет оперативный интерес;

- отбирать из большого количества информации именно ту, которая необходима для решения задач;

- принимать оптимально правильные решения при условиях дефицита информации и времени;

- определять за поведенческими реакциями психологическое состояние лица и прогнозировать ее действия;

- определять несколько возможных путей решения сложных и проблемных ситуаций;

- замечать незначительные изменения в поведении и эмоциях собеседника;

- вызвать к себе симпатию и доверие;

- продолжительное время сохранять физическую и мысленную активность;

- внимательно слушать собеседника;

- осуществлять продолжительную умственную работу без снижения уровня внимания и коммуникативной компетентности;

- руководить своими чувствами и переживаниями;

- тактически отстаивать свою мысль;

- регулировать конфликтные ситуации;

- продолжительное время сохранять стойкое внимание, несмотря на изможденность и посторонние раздражители;

- быстро адаптироваться к новым условиям и переключать внимание;

- легко запоминать наглядно-образный материал (планы, схемы, графические изображения и т.п.);

- содержать в памяти большое количество информации на протяжении продолжительного времени;

- распределять внимание при выполнении нескольких действий, функций и т.п.

Учитывая это, нужно акцентировать внимание на том, что определение у кандидатов на службу базовой мотивации к будущей деятельности, наличие указанных умений и привычек является приоритетной задачей как на этапе профессионального отбора, так и необходимым условием их дальнейшей успешной деятельности в подразделениях ведомства.

Сегодня значительное внимание отводится проблемам мотивации личности. Мотивация и мотив – это разные по своей сути, но взаимосвязанные понятия и соотносятся как общее и частное. К тому же мотив в отличие от мотивации – это то, что принадлежит субъекту поведения, является его стойким личностным свойством, внутренним понуждением к действию. За мотив принимают такие психологические феномены, как желание, интересы, убеждения, стремление, идеалы. Кроме того, мотивы являются сложными внутренними психологическими образованиями, которые личность формирует в своем сознании [6].

Мотивация как процесс детерминируется значительным количеством факторов. Она является движущей силой личности, а это предопределяет особенности профессиональной деятельности конкретного оперативного сотрудника. То есть изменения в мотивации могут существенно влиять на результативность обучения и профессиональную деятельность. Основными структурными элементами мотивации является совокупность мотивов в определенной иерархии. Кроме того, составные мотивации – это стихийные, субъективные и объективные факторы; нужды; ценностные ориентации.

Мотивация оперативного сотрудника к профессиональной деятельности – это, с одной стороны, иерархия мотивов, а с другой, – процесс формирования и актуализации мотивов под влиянием нужд, ценностных ориентаций и факторов, которые активизируют и регулируют поведение личности оперативного сотрудника, направляют на добросовестное и качественное выполнения оперативно-служебных задач.

На протяжении обучения в ведомственных вузах на курсанта постоянно организовано влияют однокурсники, непосредственные руководители, коллектив подразделения, руководство курса. Но неправильно было бы думать, что курсант как объект влияния остается пассивным, покорно воспринимая все, что стараются в нем воспитать. Он старается отстаивать личные ценности, удовлетворить свои нужды, действовать согласно собственным стойким мотивам, которые стали уже чертами характера. Это иногда проявляется в неудовольствии, нечетком выполнении указаний, непонимании важности определенных задач и даже в потере интереса к профессиональной деятельности [7].

Спустя некоторое время курсант приспосабливается к условиям службы. Он не только «пропускает через себя» внешнее мотивационное влияние, но и сам (сознательно и подсознательно) влияет таким образом на других курсантов. Кроме того, становление мотивации к деятельности происходит не только в процессе спланированного, организованного воспитательного влияния, а и в зависимости от незапланированных определенных ситуативных факторов, условий деятельности, примеров, как положительных, так и негативных, деятельности других курсантов, чужих и собственных ошибок в процессе выполнения служебных задач [4].

Таким образом, с целью обеспечения становления мотивации курсантов к службе необходимо задействовать механизмы организованного целенаправленного влияния на формирование мотивов к деятельности и создать такой микроклимат, который бы положительно влиял на мотивацию, был контролируемым и предвиденным. Это даст возможность уменьшить влияние негативных факторов, которые тормозят развитие мотивации к деятельности, или даже нейтрализуют, ликвидируют уже существующие мотивы. Хотя меньше, но будет осуществляться и неумышленное влияние, в процессе которого возможно будут происходить как положительные, так и негативные изменения в мотивации курсантов, потому что нельзя на сто процентов все предусмотреть.

Становление мотивации курсанта к профессиональной деятельности – процесс двухсторонний. С одной стороны, на развитие, изменение мотивации влияет орган госбезопасности как корпоративная структура; с другой, сам курсант.

Психологический механизм развития мотивации – это психическое отображение внешних факторов, преобразование их во внутренние, осознание нужд, восприятие действия ценностных ориентаций (в зависимости от индивидуальных особенностей, интеллектуального развития личности, определенной ситуации и условий), в результате чего образуются, актуализируются мотивы к обучению; повышается или снижается уровень организованности мотивационной сферы, меняется режим ее функционирования [8].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что цель усовершенствования процесса мотивации к обучению состоит, во-первых, в усилении влияния факторов, которые положительно влияют на отношение к обучению, и минимизации действия на личность негативных факторов; во-вторых, в содействии образования и актуализации необходимых мотивов обучения; в-третьих, удовлетворении нужд.

Известно, что в процессе освоения профессии происходит развитие и трансформация мотивационной структуры субъекта деятельности.

Это развитие имеет два направления: общая мотивация личности содержит профессиональную мотивацию; с изменением уровня профессионализации меняется и система профессиональных целей [4].

Мотивация курсантов к будущей деятельности формируется в процессе профессионального обучения. Поскольку известно, что мотивационная сфера личности взаимосвязана с интеллектуальной, а мотивация к обучению может играть роль компенсаторного фактора в случае недостаточно высоких специальных способностей или недостаточного запаса у человека необходимых знаний. Соответственно, развитие мотивации курсантов к будущей службе может быть связано с успешностью в обучении, но это не является закономерностью, потому что не всегда лучший курсант становится лучшим оперативным сотрудником.

Однако, если, например, у курсанта нет желания приобретать знания, необходимые для практической деятельности, то возникает вопрос: хочет ли он в дальнейшем служить в правоохранительных органах? Высокий уровень способностей, как известно, не может компенсировать низкую мотивацию к обучению или ее отсутствие и таким образом не может гарантировать высокую успешность учебной деятельности.

Относительно мотивов курсантов к будущей профессиональной деятельности, то они занимают определенное место в мотивационной сфере (под мотивационной сферой понимаем совокупность мотивов определенной видовой иерархии). В структуре мотивов к профессиональной деятельности, по нашему мнению, руководящим должен быть интерес к работе с агентурой, поскольку именно агентурная работа – основа оперативной деятельности: соискание оперативно важной информации, ее реализация, разработка объектов оперативно-розыскных дел и т.п.

В психологии интерес рассматривается как психологический феномен, который является мотивом или возбудителем деятельности. Профессиональные интересы – это выборочная направленность личности на профессию как на социально-психологическую роль. Кроме того, профессиональный интерес характеризуется направленностью на существенные стороны профессии: предмет и условия работы, профессиональную подготовку.

Если у курсанта есть интерес к профессиональной деятельности, то он старается больше знать об этой деятельности, обращается за советами к преподавателям, опытным коллегам, изучает соответствующую литературу, документы, которые регламентируют профессиональную деятельность. Стержнем этого интереса выступает

именно интерес к работе с агентурой. Итак, считаем, что интерес к делу будет содействовать возникновению стойкой мотивации к оперативной деятельности.

Становление мотивации к будущей профессиональной деятельности происходит на основе стойких доминирующих мотивов курсанта. В процессе обучения меняются сами мотивы, их иерархия – одни мотивы доминируют, другие теряют свою значимость, некоторые трансформируются. Как уже отмечалось, мотивационная сфера личности динамическая и меняется в зависимости от многих обстоятельств. Учитывая это, рассматриваем становление мотивации как процесс изменения, формирования и развития мотивов во время обучения курсанта в ведомственном вузе. То есть этот процесс постоянно развивается в зависимости от условий обучения и требований к курсанту [9].

Выводы по проведенному исследованию и перспективы дальнейших разработок в данном направлении:

– определение у кандидатов на службу базовой мотивации к будущей деятельности, умению и привычки являются приоритетной задачей как на этапе профессионального отбора, так и необходимым условием их дальнейшей успешной деятельности в подразделениях государственной безопасности;

– мотивы, которые побуждали курсантов вступить в ведомственный вуз, определяют характер их активности в процессе обучения, а также будут содействовать появлению у будущих оперативных сотрудников интереса к профессиональной деятельности, стремлению проявить свои способности и стать высококвалифицированным специалистом, желание быть лучшим из лучших;

– в процессе профессионального обучения должно отводиться значительное внимание мотивации курсантов, слушателей к будущей деятельности;

– процесс становления мотивации будущего оперативного сотрудника имеет свои специфические закономерности, которые предопределяют характер профессиональной деятельности;

– закономерности процесса становления мотивации: повышение уровня мотивации в процессе нейтрализации отрицательно-влияющих факторов и актуализации положительных; улучшение качества мотивации за счет повышения интереса к деятельности; усиление доминирующего влияния мотивации на поведение будущего сотрудника; рост роли мотивационного фактора в социально-психологическом комплексе подготовки к будущей деятельности.

Рассмотренные пути решения актуальных вопросов не претендуют на исчерпывающую полноту, поскольку проблемы профессионального отбора и мотивации к профессиональной деятельности есть довольно

многогранными и такими, что требуют постоянного научно-практического исследования. В дальнейшем планируются исследования психологических особенностей влияния эмоций на формирование мотивов к профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1. Астапенко, В. С. Формирование научного мировоззрения курсантов МВД России: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / В.С. Астапенко. – Воронеж, 2011. – 28 с
2. Даничев, Н. В. Формирование правовой культуры офицера: на материале военного института ВВ МВД России: дисс. ... канд. пед. наук / Н.В. Даничев. – Новосибирск, 2005. – 28 с
3. Карабаш, Д. В. Формирование ценностно-мировоззренческой культуры личности курсантов в процессе обучения в вузе МВД России: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Д.В. Карабаш. – Краснодар, 2012. – 28 с
4. Курляндии, З. Н. Педагогика высшей школы / З.Н. Курляндии и др. – М. : Наука, 2012. – 495 с.
5. Еремина, И. И. Моделирование задачи квалитетического оценивания результатов формирования профессиональной компетентности // Научный взгляд в будущее. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 327-330.
6. Чанышев, Р. И. О теоретической модели подготовки курсантов к педагогической профилактике подростковых девиаций / Р.И. Чанышев // Общество и право. – 2014. – № 3 (49) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-teoreticheskoy-modeli-podgotovki-kursantov-k-pedagogicheskoy-profilaktike-podrostkovyh-deviatsiy>. – (Дата обращения: 12.12.2022).
7. Карабаш, Д. В. Моделирование и содержательно-модульная технология обучения в формировании ценностно-мировоззренческой культуры курсантов / Д.В. Карабаш // Общество и право. – 2012. – № 5. – С. 327-330.
8. Басина, Т. А. Особенности учебной мотивации курсантов ведомственной образовательной организации // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 1 (68). – С. 18-20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pp.omamvd.ru/wp-content/uploads/2019/11/2017pp0104.pdf>. – (Дата обращения: 12.12.2022).
9. Ильинский, С. В. Психологические особенности мотивации курсантов ведомственного вуза / С.В. Ильинский, А.В. Жумгалеев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2016. – № 2 (20) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-motivatsii-kursantov-vedomstvennogo-vuza>. – (Дата обращения: 12.12.2022).

Научное издание

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»**

Выпуск 30

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Материалы представлены на языке оригинала

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна

Ответственный за выпуск Б.Е. Саенко

Научный редактор В.П. Ворушило

Технический секретарь Д.С. Ушакова

Литературный редактор З.И. Моисеенко

Компьютерная вёрстка И.В. Криничная

Подписано в печать решением Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС».
Протокол № 14 от 25.05.2023 г. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная
13,93 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»

ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А